

З.Р. ИШАНХОДЖАЕВА

**РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И
КУЛЬТУРА УЗБЕКИСТАНА:
ТРАГЕДИЯ ВЫЖИВАНИЯ**

• 1925 - 1953 •

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ УЗБЕКИСТАНА
ИМЕНИ МИРЗО УЛУГБЕКА**

Ишанходжаева Замира Райимовна

**РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И КУЛЬТУРА
УЗБЕКИСТАНА: ТРАГЕДИЯ ВЫЖИВАНИЯ
(1925–1953 гг.)**

«ТАФАККУР»

Ташкент–2011

63.3(У)6-4

И97

Ишанходжаева, Замира Райимовна.

Репрессивная политика советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания (1925–1953 гг.)/З.Р.Ишанходжаева; науч. ред. Д.А. Алимова; Министерство высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека. – Ташкент : Тафаккур, 2011 – 288 с. – Библиогр.: с. 256–287. – ISBN 978-9943-372-23-8:

ББК 63/3(5Е)6-4

В работе впервые предпринята попытка изучения истории репрессивной политики советской власти в области культуры в Узбекистане. В ходе работы на основе материалов и источников, ранее недоступных исследователям, обобщен разнохарактерный и разномасштабный материал в рамках единой концептуальной системы. В исследовании рассмотрена генетика советской репрессивной политики и особенности ее выражения в культурной сфере, показана взаимосвязь природы советской власти и доктрины «культурной революции» в Узбекистане.

В монографии раскрыта антинациональная направленность советской «культурной политики», прослежена эволюция формирования и усиления механизма торможения позитивных культурных процессов.

Материалы, содержащиеся в монографии, выводы и предложения могут быть использованы при написании новых сводных трудов, учебников и учебных пособий по истории Узбекистана XX века, при чтении лекций по курсу истории Узбекистана, специальных курсов в высших учебных заведениях страны, а также при создании соответствующих экспозиций музеев истории и др.

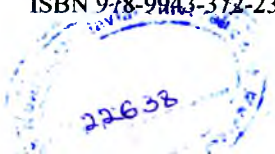
Приведенные в монографии материалы могут быть полезны историкам, политологам, философам, преподавателям, студентам вузов и всем, кому небезынтересны трагические и малоизученные страницы нашей истории.

Научный редактор: д.и.н., проф. Д.А. Алимова.

Рецензенты: д.и.н., проф. Б.В. Хасанов.
д.и.н. Х.Э. Юнусова.

ISBN 978-9943-372-23-8

©Ишанходжаева Замира

*Светлой памяти своих родителей Онахон
и Райимберди Джумаевых и супруга Хусана
Ишанходжаева посвящая...*

ВВЕДЕНИЕ

Происходящие на протяжении 20 лет в независимом Узбекистане обновленческие процессы, потребовали кардинального переосмысления многих узловых вопросов исторической науки, существенного повышения ее роли в реализации задач становления экономически развитого, демократического общества, национально-духовного возрождения. Как подчеркивал Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов: «Сегодня мы строим независимое государство. Наши перспективы, наше развитие во многом зависят от сегодняшних исследований ученых, от их подвижничества и самоотверженности, ... разумных рекомендаций»¹.

Национальная независимость Узбекистана заложила фундамент беспрецедентных позитивных перемен во всех сферах жизни общества и в различных отраслях человеческой деятельности, в том числе и в науке. За последние десятилетия утвердилась возможность правдивого освещения и пропаганды истории Родины – открылась новая страница исторической науки в Узбекистане.

На уровень государственной политики возведены меры по оздоровлению и системной перестройке функций исторических наук, по усилению их роли в восстановлении правды истории, декларируемые в Постановлении Кабинета Министров Республики Узбекистан от 16 декабря 1996 г. «О создании новой истории Узбекистана»², а также в Постановлении о 27 июля 1998 г. «О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан»³, в

¹Каримов И.А. Наша цель: свободная и процветающая родина. Т.2. –Ташкент, 1996. –С. 77–78.

²Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 16 декабря 1996 года «О создании новой истории Узбекистана»// Народное слово. 1996, 17 декабря.

³Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 27 июля 1998года «О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан»// Народное слово. 1998, 29 июля.

котором отмечалось, что одной из главных задач современной исторической науки является «изучение истории узбекского народа и его государственности»¹, а также вопросов социально-экономической, культурной, духовной истории народа.

Новый импульс в исследовании ранее неизученных страниц истории нашей Родины дало Распоряжение Президента Республики Узбекистан И. Каримова от 12 мая 1999 года, которое поставило перед историками новые задачи по увековечению памяти тысяч самоотверженных людей, представителей интеллигенции, отдавших свои жизни в борьбе за свободу и независимость нашей Родины, призывавших нацию к свободе, ставших жертвой репрессий в период советского режима, дальнейшему глубокому изучению их жизни и деятельности, богатого научного и творческого наследия, пробуждению в сознании народа и особенно у подрастающего поколения чувства глубокого уважения к идеям независимости, правам человека, воспитанию его в духе патриотизма, верности Родине, демократических принципов².

За годы суверенного национального развития историками республики проведена уже огромная работа по возвращению исторической памяти народу, оздоровлению исторической науки. Но несмотря на очевидные достижения, остался еще обширный пласт проблем, требующий современного изучения и переоценки. Сохранилось много неизученных страниц отечественной летописи. Среди них приоритетное место занимают сюжеты, связанные с репрессивной политикой тоталитарного режима, его негативного воздействия на все стороны жизни национального общества, особенно его духовную сферу.

«...У нации, не знающей своей истории и забывшей свой вчерашний день, нет будущего» — подчеркивает Президент Узбекистана И.А. Каримов³.

¹ Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 27 июля 1998 года «О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан» // Народное слово. 1998, 29 июля.

² Распоряжение Президента Республики Узбекистан. «Правда Востока», 13 мая 1999 г..

³ Ислам Каримов. Юксак маънавият енгилмас куч. Ташкент, «Маънавият», 2008. С.4.

Важным участком решения этой, поставленной на государственный уровень задачи является системное исследование всей совокупности пагубного воздействия советской репрессивной политики на культуру узбекского народа в рамках сталинского режима. «... Историческая память – это прежде всего осознание смысла жизни, преемственность поколений», – сказал глава нашего государства при посещении столичной Площади Памяти 9 мая 2011 года¹.

Период 20-х – начала 50-х гг. отличался предельной политизацией духовной жизни общества, массовым террором, обрушившимся на деятелей науки, литературы и искусства, упрочением механизма командно-приказной системы управления культурой, абсолютизацией классового подхода, физическим истреблением обширных групп населения.

Подобные процессы коснулись исторической науки. Именно в этот период она утратила свои исконные социальные функции, превратилась в послушную служанку правящего режима. Находясь в плену коммунистического мировоззрения, в условиях идеологической цензуры, отрезанные от достоверной информации ученые были вынуждены лакировать «социалистическую действительность», восхвалять «мудрое сталинское руководство». В результате история оказалась предельно фальсифицированной.

Чрезвычайно важно изучение истории политических репрессий советской власти, жесткого силового давления в духовной сфере и в плане того, что убедительно показывает, насколько несовместимо отсутствие демократии в обществе в целом, господство тоталитарных тенденций в государстве со свободным, творческим развитием национальной духовной культуры, причем не только в сфере литературы и искусства, но и в образовании, науке, просветительстве.

Актуальность обращения к столь острой теме определяется тем, что подобное исследование поможет выявить репрессивные истоки и причины советской культурной политики, охарактеризовать негативное воздействие на науку и систему образования и ознакомить с трагической судьбой представителей национальной интеллигенции, ставших жертвами тоталитарного режима. Проведение подобного исследования к тому же даст возможность не только проследить эволюцию исторических знаний по этой проблеме, но и позволит

¹Вечерний Ташкент. 2011 г., 10 мая.

определить приоритетные направления дальнейших исследований по данному вопросу.

Несомненно важным в современную эпоху является изучение имевших место тенденций жестоких репрессивных методов и как фактор негативного влияния на морально-нравственное развитие, на искажение моральных и духовных ценностей. Следует подчеркнуть актуальность темы и с точки зрения позитивного и негативного исторического опыта, в том числе и в плане изучения общих международных тенденций борьбы за свободу и развитие подлинной национальной самобытности национальных культур, а с другой стороны – недопустимости и изоляции от мирового опыта, от уже сложившихся тенденций мирового цивилизационного развития.

Свободный доступ в последние годы к фондам партийных и государственных архивов, введение в научный оборот широкого круга ранее недоступных источников способствовали появлению возможности изучения репрессивной политики советской власти в области культуры в Узбекистане.

В предлагаемой читателю книге, на наш взгляд, впервые принята попытка комплексного подхода к изучению негативного воздействия репрессивной политики советской власти на духовную жизнь Узбекистана.

ГЛАВА 1. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СТАЛИНСКОГО РЕПРЕССИВНОГО РЕЖИМА

1.1. Репрессивная модель большевистской «культурной революции» и ее насильственное внедрение в Туркестане.

Октябрь 1917 года ознаменовал наступление тяжелого и смутного времени. Узурпация большевиками власти вызвала глубинную деформацию общественной жизни, были прерваны многовековые естественно-исторические связи, заблокирован здоровый поступательный прогресс во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе и духовной.

Необходимо отметить, что к моменту Октябрьского переворота у большевистского руководства еще не имелось детально проработанной концепции «социалистического культурного строительства». В окончательном варианте программа «культурной революции» будет сформулирована лидером российских большевиков В.И. Лениным только в начале 20-х г., но теоретико-методологические основы уже были заложены. Они предполагали развертывание культурного строительства в русле социалистических преобразований.

Анализируя ситуацию в Средней Азии, журнал «Революция и национальности» напишет: «... в Союзе ССР победивший пролетариат, установивший свою диктатуру, правильно проводя свою, ленинскую национальную политику, помогает трудящимся советского Востока в отсталых странах, в бывших колониях, проводить титаническую работу по организации «прыжка» из натурального хозяйственного уклада, из родовой кочевой общины – к советскому строю и через определенные ступени развития – к коммунизму, и все это – минуя капиталистическую стадию развития»¹.

Культурная программа большевиков входила составным элементом в стратегию воздвижения социалистического общества, рассматривалась большевистской элитой в качестве определяющей

¹Эл. Фарид «Формы классовой борьбы на советском Востоке в переходный период». В журнале «Революция и национальности», 1931 г. № 7, с. 20. Ежемесячный журнал Совета национальностей. ЦИК СССР и Ком. Академии.

предпосылки глубинного революционного обновления. «Культурная революция» была призвана, в первую очередь, способствовать становлению «социалистической культуры» и «социалистического типа человека». Ленин неоднократно подчеркивал, что успешная реализация задач «перехода от капитализма к социализму» в решающей степени зависит от подготовки «живого материала», который бы «со знанием дела, сознательно и активно мог участвовать в сооружении нового строя».

В общем плане теоретико-методологические основы культурных преобразований в коммунистическом варианте заложили основоположники марксизма. Обосновав амбициозную «теорию» исторической миссии, а затем диктатуры и гегемонии рабочего класса над всеми слоями общества, К. Маркс и Ф. Энгельс изначально сформировали идейную позицию, которая объективно вела к принижению значения общечеловеческих гуманитарных ценностей, игнорированию особой значимости национального фактора, законов исторического развития.

Идеология классового подхода должна была пронизывать всю структуру будущего общества. Реальное воплощение она нашла в теории и действиях большевиков.

«Коммунистическая революция, – сказано было в написанном Марксом и Энгельсом «Манифесте коммунистической партии», – есть революционный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности, неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого»¹. Иными словами, с духовным наследием великих предков, тысячелетним культурным достоянием народа, с системой традиционных ценностей, определяющих национальный менталитет.

Сегодня особенно отчетливо видно, что в данной концепции культурных преобразований заложены разрушительные идеи, главные из них – признание примата классовых интересов и ценностей над национальными и общечеловеческими, тоталитарно-репрессивные представления о путях формирования «нового» человека; игнорирование нравственного потенциала религии, восприятие ее лишь в качестве «идеологического оболванивания масс эксплуататорски-

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. –С.45.

ми классами», «отупляющего опиума для народа»; политика увязки прогресса культуры с полной ликвидацией частной собственности и бестоварной моделью социализма.

В полной мере идеологические парадигмы этой концепции воплотила ленинская доктрина «культурной революции». По существу в культурной политике большевиков явно прослеживались тенденции продолжения политики царской России. В двадцатые – начале 30-х гг. был создан и весьма успешно функционировал динамичный механизм управления культурной политикой и национальными процессами. Были созданы национальные секции, отделы комиссии, сектора и целый институт изучения национальных проблем, специализированные издательства, библиотеки и клубы национальных меньшинств, журналы – «Жизнь национальностей», «Революция и национальности», национальные районы и советы.

Однако на деле национальное в большевистском менталитете всегда имело второстепенное значение по отношению к классовому приоритету. Не случайно «Декларация прав народов России», «Ко всем трудящимся мусульманам России», как и другие демократические лозунги, под которыми большевики брали власть, стали трактоваться как право и обязанность народов служить делу мировой коммунистической революции. Однако классовый подход и борьба за мировую революцию выстраивали свои приоритеты. Интернационализм в его практической реализации стал рассматриваться как право на игнорирование национальной независимости. В нем потенциально было заложено и великодержавие. Под флагом советизации и «освобождения трудящихся» происходило постепенное восстановление былой царской державы.

Своего апогея культурная политика большевиков в сфере духовной жизни достигла в «окультуривании» по-большевистски. «Преобразуя» арабскую графику, якобы отражающую мусульманско-религиозное начало, партийно-государственное руководство разрушало тем самым сложившиеся вековые культурные традиции узбекского народа.

Впервые понятие «культурная революция» было введено Лениным в статье «О кооперации»¹. Но основные положения ее, как процесса перехода от культуры «капиталистического общества» к

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 45. – С.376–377.

«культуре коммунистической», стали разрабатываться еще задолго до Октябрьского переворота. Уже в ряде своих первых «дореволюционных» работ родоначальник большевизма, руководствуясь логикой классового мышления, сделал необоснованный вывод о том, что «на протяжении классовых, антагонистических формаций культура была отчуждена от народа и соответственно народ от культуры»¹. Неизбежный «выход из создавшегося положения» Ленин видел в коренной, революционной перестройке всей системы материального и духовного производства на социалистических началах. В этом заключалась сущность культурной революции.

В ленинской программе «культурного строительства» содержались отдельные внешне привлекательные для «простого люда» положения: требования бесплатного и обязательного обучения, необходимость резкого повышения уровня грамотности «трудящихся» и т.д. Но, собственно говоря, в этих установках не было ничего нового. Еще задолго до него известные просветители Европы и Востока сформулировали гуманистические принципы народного просвещения. Плодотворная просветительская деятельность проводилась на рубеже XIX–XX в. в Туркестане. Местные джадиды – Абдулла Авлони, Мунаввар Кары Абдурашидхонов, Махмудхожа Бехбуди, Ишанходжа Ханхождаев и др. зачастую на собственные средства открывали народные школы, подготавливали современные учебники, издавали учебно-методическую литературу. Эти школы окончили десятки сотен молодых туркестанцев, внесших в последующем большой вклад в отечественную культуру. Так, выпускниками новометодных мактабов были Маннон Уйгур, Каюм Рамазан, Айбек, ставшие гордостью узбекской литературы.

Вопросам «социалистического строительства на советском Востоке» большевики уделяли пристальное внимание. «Анализ классового переплета в среднеазиатском кишлаке на данном этапе имеет гигантское значение для всей работы нашей партии на советском Востоке» – писал журнал – «Революция и национальности».²

Установка на уничтожение плюрализма форм собственности, на необходимость решительного преодоления навыков и привычек

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 45. – С.145.

² Эл.Фарид. «Форма классовой борьбы на советском Востоке в переходный период» в журнале «Революция и национальности», 1931г., № 7. Ежемесячный журнал Совета национальностей ЦИК СССР и Ком. Академии.

«собственности», «которые – по ленинскому выражению, – насквозь пропитывают толщу масс», фактически обрекла на вымирание целые общественные классы и слои: частных предпринимателей, банкиров, крупных и средних собственников. Вместе с тем она нацеливала на глубинную «переделку» общественного сознания основной части населения страны – крестьянства, в том числе и узбекского дехканства. Доктрина решительной борьбы с «мелкособственнической психологией» сельчан, превращение их из носителей мелкой собственности в коллективных работников на «всеобщей агрофабрике» привела к многочисленным негативным последствиям: истребление чувства хозяина, отчуждение от средств производства, формирование огромной армии инертных работников. Жестоко борясь против «мелкособственнической психологии», большевистские власти не осознавали, что они тем самым убивают инициативность сельского труженика, его интерес к земле и результатам собственного труда.

Разрушающее воздействие на характер советской культурной работы оказывало ленинское требование о предельной идеологизации культурного воспитания и духовного производства. Ленин неустанно подчеркивал, что «самое главное...это вопрос о связи просвещения с нашей политикой». Причем, данная связь воспринималась как утверждение монополии коммунистической идеологии. Основатель советского государства недвусмысленно говорил, что в культурно-просветительской и политико-воспитательной работе «должно быть открыто признано главенство политики коммунистической партии».

В обеспечении пропаганды главенства партии в Узбекистане большевики активно использовали все возможные рычаги. Одним из них была «Красная чайхана». Для широкой организации ее работы было разработано «Положение о красной чайхане», где она призывалась быть «Очагом всей политико-просветительной работы в кишлаке»¹.

Воплощение в жизнь принципа однопартийности привело к насильственной ликвидации политического плюрализма, к глубокой деформации политического сознания масс, их отчуждению от мощных пластов отечественной и зарубежной литературы, искусства, не соответствующих коммунистической идеологии.

¹ЦГА РУз, Ф Р – 34, Оп 1, д. 2607, л. 31.

Неисчислимы́е беды в духовной сфере принесла связанная с коммунистическим учением ориентация на создание и утверждение «классовой культуры», стремление оторвать ее от общечеловеческих и национально-этнических корней.

Предельным схематизмом страдала программа воспитания «будущего человека». Основываясь на марксовом положении о том, что «человек представляет совокупность общественных отношений», Ленин и руководимая им коммунистическая партия воспринимали процесс воспитания и перевоспитания масс примитивно-упрощенно: стоит изменить данные отношения и проблема воспитания «нового» человека решится сама собой. При этом не брались во внимание биологические факторы, генетическая сторона человека, не учитывались традиции и обычаи, имевшие многовековую историю и оказывающие огромное воздействие на образ и содержание жизни широких народных масс. Казалось, что после победы социалистической революции все эти обычаи и традиции отомрут. Но когда власть поняла, что они достаточно «живучи» и имеют глубинные корни, развернулось ожесточенное наступление на их повсеместное разрушение.

Другое средство воспитания «нового» человека виделось в идеологической и административной муштровке. Причем, не только по отношению к остаткам «старой буржуазии», но и по отношению к рабоче-крестьянским массам, к самому пролетариату, который объявлялся диктаторским. Ленин в своей работе «Государство и революция» (1917 г.) не раз подчеркивал, что только пройдя через «муштровку», люди привыкнут соблюдать элементарные требования нового общества, приспособятся к новым условиям. И только тогда прекратится насилие над людьми, отомрет государство, кончится диктатура.

В данном случае налицо проявлялось неверие большевистских вождей в человека, свободу духа. Коммунистические власти выступали за общественную «муштровку» людей, считая, что принудительная общественная организация может создать человека совершенно нового типа.

В целях воспитания «нового человека» большевики активно использовали вышеупомянутую трибуну – «Красная чайхана». Основной задачей «Красной чайханы» большевики считали освещение политики партии и советской власти¹.

¹ЦГА РУз фонд Р- 34, опись №1. д.2607, л.31.

Для понимания репрессивных истоков советской «культурной» политики и инструментария ее осуществления в рассматриваемый период важно иметь в виду, что ленинская концепция социализма, да и сам строй мысли большевистских руководителей были проникнуты идеологией воинствующего терроризма. Теоретически сталинские репрессии 20-х – начала 50-х гг., особенно против национальной интеллигенции, основывались на марксизме-ленинизме, но это было по сути извращением этой теории. Классики марксизма-ленинизма таким образом сами не ведая того, послужили истреблению целых народов. Российские марксисты во главе с Лениным восхищались якобинским террором времен Французской революции 1789 г., часто заимствовали их терминологию и политические ярлыки, вроде «враг народа». Этот термин вождь Октября впервые употребил как криминальное обвинение против русского классического либерализма и демократии – против кадетов – буквально на второй день после прихода к власти.

Философия и психология государственного терроризма стала отличительной чертой практики большевизма в послереволюционные годы на всем пространстве советского государства. Рельефные формы она приобрела и в Узбекистане. Большевики неустанно призывали рабочих и солдат бороться с открытыми и «замаскированными врагами революции», преподавать «реакционерам кровавый урок». Показательна в этом отношении редакционная статья, опубликованная в официальном органе большевистских властей – газете «Правда» от 4 августа 1918 г. В ней говорилось: «Рабочие и бедняки! Возьмитесь за оружие, учитесь стрелять... Встаньте против всех, кто против советской власти агитирует. Десять пуль против каждого, кто поднимет руку против нас. Господству капитала можно положить конец, когда перестанут дышать последние капиталисты, помещики, попы и офицеры»¹.

9 августа 1918 г. Совнарком РСФСР издал декрет за подписью Ленина о «создании особых частей из верных и преданных людей для развертывания беспощадного массового террора против кулаков, духовенства и белогвардейцев. Всех подозрительных заключать в концлагеря»². В те же дни Ленин Губисполкому Пензы рекомен-

¹Правда. 1918. 4 августа.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.50. –С.142–143.

дует: «Провести беспощадный массовый террор. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Экспедицию (карательную – *авт.*) пустить в ход»¹. Большевикам Саратова приказывается: «Расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты»².

Стилистика ленинских указаний крайне проста: арестовать, расстрелять, загнать в концлагерь. Причем, не только «заговорщиков», но и колеблющихся.

Подобная логика мышления находила отражение и в подходе к методам становления социалистической культуры. Вот как, к примеру, извращенно понимался большевиками «социалистический гуманизм». «Чтобы успешно бороться с нашими врагами, – учил Зиновьев, – мы должны иметь собственный социалистический гуманизм. Мы имеем сто миллионов жителей России под советской властью. Из них девяносто миллионов мы должны завоевать на нашу сторону. Что же касается остатка, то его нужно уничтожить»³.

Один из руководителей ЧК – М. Лацис всю суть философии «красного террора» излагал следующими словами: «Мы уничтожаем класс буржуазии. Поэтому нет нужды доказывать, выступало ли то или иное лицо словом или делом против советской власти. Первое, что вы должны спросить у арестованного, это следующее. К какому классу он принадлежит, откуда он происходит, какое воспитание он имел и какова его специальность? Эти вопросы должны решить судьбу арестованного. Это и есть квинтэссенция красного террора»⁴.

Такая политика вызвала раскручивание мощного маховика репрессий: повсеместно создавались концентрационные лагеря, активно применялась система заложников, заключения их в тюрьмы и поголовное уничтожение. Уже в первые «революционные» годы в советской России действовало 84 концлагеря, в которые было заключено более 50 тыс. узников⁵.

Политический экстремизм, исходящий от центральной власти, изначально охватил все регионы воздвигаемой «красной империи». Отчетливый характер он приобрел и в Узбекистане.

¹ Там же. – С.143–144.

² Там же. – С. 165.

³ Северная коммуна. //Пб., 1918, 25 ноября.

⁴ Красный террор. – М., 1918. № 10. – С. 12.

⁵ Советская история. Проблемы и уроки. Новосибирск, 1992. – С. 188.

Насильственное внедрение советской модели социалистической трансформации национальной культуры происходило в Средней Азии по мере ее советизации. Широкий размах политика государственного терроризма приобрела в Туркестане, находящемся в составе «революционной России».

Одним из ярких проявлений большевистского экстремизма стало вооруженное свержение в феврале 1918 г. сформированного по воле коренного населения края в ноябре 1917 г. альтернативного советской власти национально-государственного образования – «Туркистон мухторияти». Тогда многие члены правительства «Туркестанской автономии» без суда и следствия были расстреляны, а многие участники автономии ушли в эмиграцию. Репрессии большевиков, проведенные в Коканде, стали одной из причин формирования антисоветского движения в Туркесреспублике. Против повстанцев, как известно, были брошены крупные воинские подразделения регулярной Красной армии.

В тесной связи с организацией вооруженных формирований активные меры предпринимались по закладке репрессивного аппарата. Так, уже 14 сентября 1918 г. ЦИК Туркестанской республики утвердил положение об организации Чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией (ТуркЦК). В тот же день решением Ташсовета был учрежден Комитет красного террора. Одновременно развернулась энергичная деятельность по созданию иных карательных структур¹.

Повсеместное распространение получила репрессивная практика, расстрел без суда вызванных в органы ЧК по наговору сомнительных лиц по обвинению в связях с «басмачами». Дело дошло до того, что в Самарканде между карательными органами развернулось «соревнование», кто из них больше расстреляет за ночь заключенных².

Для удержания советской власти большевистское правительство направило в Туркестан дополнительные вооруженные подразделения регулярной Красной армии. Их численность к началу 20-х гг. составила около 100 тыс. человек³. Командование Туркестанского

¹ ЦГА РУз, Фонд Р-25, оп.1, д.27–а, л.84–85.

² ЦГА РУз, Фонд Р-25, оп.1, д.27–а, л. 125–126.

³ Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. – Ташкент: Шарк, 2000. – С.169.

фронта твердо придерживалось принципа осуществления жестких мер не только в отношении вооруженной оппозиции, но и мирного населения, поддерживавшего повстанческое движение. В приказах командующего Туркфронта М.В. Фрунзе недвусмысленно указывалось: «Все входящие в состав басмаческих масс должны расстреливаться как грабители и враги народа и подлежат расстрелу на месте. Все лица, а также целые общества, уличенные в сношениях или помощи басмачам, будут подвергаться самым суровым карам по закону военного времени».

Насильственное насаждение советской власти сопровождалось в Туркестане с созданием политических и идеологических структур. Они были направлены, прежде всего, на вытеснение несовместимого с коммунистической идеологией религиозного мировоззрения. Уже в 20-х годах развернулись масштабные религиозные гонения, выразившиеся в мерах по ликвидации вакфов, в закрытии конфессиональных школ, в запрещении судов казиев, в преследовании священнослужителей.

Претворению своих планов большевики уделяли большое внимание. Очередная задача советского Туркестана – создание прочного и гибкого централизованного аппарата рабоче-крестьянского государства. Для этого прежде всего надо было проводить беспощадную чистку.

Наряду с этим, нетерпимость и логика конфронтационного мышления большевиков обусловили их стремление изгнать с общественной арены все «непролетарские» социальные группы и слои, а из политической жизни первоначально «буржуазные» и «националистические» партии, затем и своих союзников по правящему социалистическому блоку. Так, в Туркестане в течение 1918 г. были запрещены «Шурои Исломия», в общество «Уламо», «Алаш Орда», «Турк одами марказияти» «Туркистон миллий бирлиги», затем сошли с исторической арены организации правых и левых эсеров, меньшевиков и др¹.

В обеспечении курса на коммунистическую монополизацию политической и культурной жизни, особое внимание уделялось овладе-

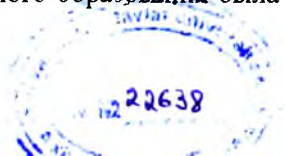
¹Алимова Д.А., Голованов А.А. Узбекистан в 1917–1990 годы: противоборство идей и идеологий. – Ташкент, 2002. – С.28.

нию информационными рычагами. Большевистские вожди хорошо понимали, что монопольное господство над средствами массовой информации, как универсальными средствами влияния на общественное сознание и психологию широких масс, дали возможность властным структурам осуществить жесткий контроль над ними.

Наиболее мощным потенциалом идеологического влияния на массы была периодическая печать. Уже весной 1918 г. Совнарком Туркестанской республики национализировал типографии и литографии, принадлежавшие частным лицам. Все издания, не устроившие власти с идеологической точки зрения, закрывались. В частности, оказались запрещенными такие популярные в народе газеты и журналы, как «Улуг Туркистон», «Ал-Изох» и др. Стремительными темпами создавалась советская периодическая печать. Наряду с русскими изданиями, принимались энергичные меры по выпуску газет и журналов на языках коренных народностей края. Например, в 1918 г. издавалось уже 11 газет на узбекском языке. Среди них «Иштракиюн» («Коммунист»), «Ишчилар қалқони» («Рабочий щит») и др. Появились первые журналы – «Ишчилар дунёси» («Мир рабочих»), «Маориф» («Просвещение») и пр¹.

Проводимые акции подавались большевистским руководством под лозунгом «создание подлинно свободной периодической печати». На самом же деле шла интенсивная тотализация издательского производства. В отличие от существовавших ранее демократических печатных органов, отражающих широкий спектр мировоззренческих позиций, большевистская печать была нацелена исключительно на упрочение этого режима и правящего положения коммунистической партии.

Важной составной частью механизма культурных преобразований выступили меры по «революционному обновлению» системы народного просвещения. Строительство социализма предполагало становление качественно новой системы народного образования, коренную переделку всего школьного дела. При этом под маской борьбы с «реакционной идеологией» предусматривалось превращение школы в прочную духовно-идеологическую опору советского строя, действенный инструмент формирования новой коммунистической идеологии. Многовариантная система народного образования была

сразу же ликвидирована и на ее место пришла унифицированная единая трудовая школа. В результате, уже к концу 1920 г. в ТАССР действовало 280 советских школ, охвативших 174820 учащихся¹. В основном они обслуживали европейское население, подавляющая же часть мусульманских детей, несмотря на давление со стороны властей, продолжало обучаться в традиционных мактабах и в еще сохранившихся новометодных школах. В первые годы советская власть была вынуждена считаться с этим. Но по мере укрепления советских школ, они были ликвидированы.

Для внедрения коммунистической идеологии в массы принципиальное значение придавалось и массовой культурно-просветительской и политико-воспитательной работе. В частности, проводилась масштабная работа по организации специфических советских культпросвет-учреждений – клубов, народных и рабочих домов, изб-читален, красных чайхан, красных юрт, способных стать проводниками политики партии и центрального правительства. В 1920 г. в Туркестане насчитывалось 177 социалистических библиотек, 97 клубов, 76 красных чайхан, 172 избы-читальни и пр.

Жесткий идеологический контроль устанавливался в литературе и искусстве. Поощрялось зарождение так называемой советской литературы, музыкального и театрального искусства прокоммунистической направленности. Под губительным ударом оказалась интеллигенция. Поставленная задача «перевоспитать» национальную интеллигенцию плохо претворялась в жизнь по объективным причинам, поэтому упор делался на их ликвидацию. Подавляющая масса экстремически мыслящих большевиков «интеллигентов» и «буржуазию» воспринимали тождественно. А, как известно, отношение к буржуазии у большевиков было нетерпимым. Данная установка исходила лично от В.И. Ленина, который неоднократно повторял, что необходимо создать собственную, «трудовую интеллигенцию», сформированную из трудового люда.

Достаточно ясно выразил большевистскую позицию по отношению к «дореволюционной» творческой интеллигенции глава ВЧК – Ф.Э. Дзержинский, заявивший, что «на каждого интеллигента должно быть заведено дело»².

Отношение большевиков к национальным республикам оформлялось в виде разного рода публикаций в прессе. Так, газета

¹ЦГА РУз, Ф. 25, оп.1., д. 679, л. 32–34.

² См.: Голланд Ю. Политика и экономика // Знамя. 1990. – № 3. – С.132–133.

«Известия» писала: ...Сравнительная бедность языка в значительной мере объясняется бедностью материальной культуры узбекского народа»¹.

Репрессии коснулись, прямым образом и в первую очередь, творческой интеллигенции, которая, стремясь сохранить самобытную национальную культуру, через свое творчество открыто выступала с критикой реформ советской власти. Так, один из главных ударов был обрушен на литературно-лингвистическое объединение «Чагатай гурунги», созданное в 1919 г. при Наркомпросе Туркеспублики. Члены этой организации проводили большую работу по сбору устного народного творчества, подготовке реформы алфавита. Они выступали за очищение тюркских языков от засилья иностранных слов, в том числе русских. И на этом основании были обвинены в пантюркизме.

Вокруг «Чагатай гурунги» объединились в основном те писатели и поэты, которые настороженно относились к советской власти и деятельности большевистской партии, критиковали антинациональную направленность предпринимаемых социально-политических и культурных акций. В их числе А. Фитрат, А. Чулпан и др. В официальных идеологических публикациях того времени подчеркивалось, что в стихах этих поэтов нашли отражение основные черты всей «националистической поэзии», отражающей интересы и идеологию «эксплуататорских классов». Они были первоначально подвергнуты суровой критике в печати, а в последующем – в середине 30-х гг. репрессированы.

Одновременно началась первая волна репрессий ответственных партийных и советских работников из числа коренного населения, которые пытались отстаивать национальные интересы народов края, наполнить конституционно провозглашенные суверенные права Туркеспублики реальным содержанием. В этот круг входили в начале 20-х гг. Ю. Алиев, К.С. Атабаев, Х. Ибрагимов, Т. Рыскулов, А.Рахимбаев, Н. Тюракулов, Н. Ходжаев и др. На оппозиционеров стал навешиваться политический ярлык «национал-уклонистов». Они обвинялись в «буржуазном национализме».

¹ Известия, 1922, 1 апреля.

Однако, в отличие от последующего «сталинского времени», репрессивные возможности центра были тогда все же ограничены. Позиции советской власти в Туркестане оставались еще достаточно слабыми. Несмотря на все предпринимаемые усилия в социальных слоях местного общества сохранялось острое неприятие большевистского режима. Коренных туркестанцев консолидировала национальная, а не социалистическая идея. В своей подавляющей массе они противились закладке социалистических структур и не поддерживали советские органы. Обширная часть территории края находилась в зоне контроля повстанцев. Летом 1920 г. И. Любимов, председатель СНК ТАССР, писал в центр – «в крае не было настоящего – советского строительства...», «зачатки советских органов существуют только в городах, в лучшем случае, распространяя свою деятельность и на уезды». По его свидетельству, «...в каких-нибудь 18-ти верстах от Ташкента не знают существует ли советская власть»¹.

Ряды повстанцев стремительно расширялись, отражая недовольство народа политикой большевиков, связанной с уничтожением религиозных устоев, внедрением атеизма, непродуманной экономической политикой, нацеленной на ускоренное выкорчевывание многоукладности экономики, ликвидацию класса собственников и товарно-денежных отношений. Экономический волюнтаризм большевиков, сопрягаясь с разрухой военного времени, вызвал катастрофический обвал народного хозяйства Туркестана, невиданный голод, который унес к 1920 г. более одного миллиона человек, или пятую часть населения края².

Дополнительный импульс массовому движению вооруженной оппозиции в Средней Азии придал экспорт революции в Хивинское ханство (февраль 1920 г.) и Бухарский эмират (сентябрь 1920 г.), который завершился искусственным конструированием с помощью красноармейских штыков Хорезмской и Бухарской советских республик.

Политический кризис в Средней Азии смыкался с растущим недовольством широких народных масс большевистским режимом на

¹ ЦГА РУз, ф. 17, оп. 3, д. 39, л. 34.

² Алимова Д.А., Голованов А.А. Ўзбекистон мустабид совет тузуми даврида: сиёсий ва мафкуравий таййик окибатлари. – Тошкент: Ўзбекистон, 2000. – 23 б.

нсем пространстве воздвигаемого советского государства. Советская власть оказалась под угрозой ликвидации.

Только крутой поворот в политике и системе хозяйственных отношений мог обеспечить выход из тяжелого кризисного состояния, в котором оказалась новообразованная страна. В этих условиях большевистское руководство России, напуганное мощной волной народного сопротивления, особенно на «национальных окраинах», пришло к заключению о необходимости корректировки государственной национальной и экономической политики.

Новый курс стал проводиться с весны 1921 г. В политической и национально-духовной сферах он предполагал комплекс мер по коренизации местных органов власти и управления, приглушение итенистического и классового экстремизма, попытку некоторого учета национально-культурных интересов населения национальных республик. В этой связи пропаганда идеологии советской власти смягчалась. В положении о «Красной чайхане», которое было разработано большевиками как уставной документ по формам и методам ведения агитационной работы, говорилось «В тех местностях, где преобладает население национальных меньшинствах (таджики, киргизы, уйгуры и др.), работы Красной чайханы должны вестись на их языке. Если такое население составляет меньшинство, то при Красной чайхане необходимо организовать для национальных меньшинств отдельные уголки»¹. В экономической сфере обозначился курс частичной либерализации до предела огосударственной экономики. Он нашел выражение в новой экономической политике, нацеленной на дозированное восстановление частного сектора и товарно-денежных отношений.

Предпринятые акции способствовали политической стабилизации в обществе, вызвали оживление разрушенного народного хозяйства. Речь шла об обновлении тактических подходов в сфере национальных и экономических отношений, а не изменении стратегии, поэтому в идеологии социалистического строительства не произошло решающих перемен. Новый курс рассматривался коммунистическим руководством центра исключительно в качестве обходного маневра движения к социализму. Не удалась лобовая атака, — писал Ленин в октябре 1921 г., — перейдем в обход. Будем действовать осадой и сапой»².

¹ ЦГА РУз, фонд Р-34, оп. 1, д.2607, л.31.

² Ленин В.И. Полн.собр. соч. Т.33. — С. 47.

В плане национальных отношений вождя российских пролетариев, в первую очередь, заботила мысль, как присоединить национальные республики к РСФСР, чтобы такое присоединение не выглядело бы как их поглощение или аннексия советской Россией. Поэтому усилилось внимание к национальному фактору, провозглашались многообещающие декларации о предоставлении народам национальных регионов права на свободное национально-культурное самоопределение, на обеспечение возможностей удовлетворения их духовных запросов.

Действительно, в годы нэпа произошли заметные изменения в экономике национальных республик, культурном строительстве, во всех областях, получивших возможность либерализации.

Аппарат Центра сопротивлялся углублению этих процессов. Придерживаясь стратегии укрепления унитарных основ советского государства, центральное правительство настойчиво проводило курс на усиление централизации управления, опасаясь попыток стремления к реальному суверенитету. Так, энергичные усилия предпринимались по закреплению системы советского строя в Туркестане, Бухаре и Хорезме, умножению в них партийно-идеологического влияния коммунистического центра. Одновременно против вооруженной оппозиции была брошена вся мощь регулярной красной армии. В результате, силы и возможности движения сопротивления стали ослабевать.

Важной вехой на пути усиления советской империи и закрепления унифицированной социалистической государственности явилось образование в декабре 1922 г. Союза советских социалистических республик (СССР). В его основе лежала ленинская формула социалистической федерации номинально «равных» и «суверенных» народов. Советский Союз изначально зародился вместо содружества суверенных государств, на что надеялись лидеры национальных республик, как мощное унитарное государство, где субъекты формальной федерации были лишены суверенных прав и реальной самостоятельности¹.

Связанный с образованием СССР растущий разрыв между публичными декларациями и реальной практикой центрального правительства усилил оппозиционные настроения в среде интеллигенции

¹См.: Алимova Д.А., Голованов А.А. Узбекистан в 1917–1990 годы... – С.45–46.

и руководящего состава национальных республик. В частности, в Туркестане в 1923 г. группа авторитетных национальных работников опубликовала письмо, в котором остро критиковались результаты «послеоктябрьского развития», особенно в национально-духовной сфере. О кризисе идей социализма и разочарований в национальной политике советского государства, проводимой в крае, говорилось и в секретной докладной Агитпромотдела ЦК КПТ (май 1923 г.). В ней, в частности, констатировалось, что у многих национальных работников отсутствует «сознание важности революции в Туркестане для Востока. Национальный вопрос переживает кризис»¹.

Аналогичная ситуация наблюдалась в БНСР и ХНСР, которые, хотя формально не входили в состав СССР и были номинально «суверенными», тем не менее испытывали растущее давление союзного центра. Не оставляли мысли о реальном обретении суверенных прав и национальные союзные республики. Все это усиливало позиции имперски мыслящих лидеров союзного руководства, склонных к методам «лобовой атаки». Среди них выделился И.В. Сталин, являвшийся сторонником жесткого курса в осуществлении социалистических преобразований, открыто призывающего послать неп «к черту», как не соответствующего принципам коммунизма.

Пристальное внимание было уделено среднеазиатскому региону: во-первых, за счет «независимых» Бухарской и Хорезмской республик расширить территориальное пространство советского государства, во-вторых, расколоть мусульманское единство среднеазиатских народов, противопоставив ему разъединение по национальному признаку. При этом показать себя стойким сторонником предоставления права народам на свободное «национально-государственное самоопределение».

Во второй половине 1924 г. без должной и тщательной подготовки на базе трех среднеазиатских республик (ТАССР, БНСР и ХНСР) было проведено национально-территориальное размежевание и образованы Узбекская ССР, Туркменская ССР, Таджикская автономная республика, Киргизская и Каракалпакская автономные области, в последствии получившие статус социалистических республик.

В период тоталитарного прошлого подавался факт образования новых «национальных республик» восторженно, особо подчеркива-

¹ См.: Туркестан в начале XX века... – С.425.

лось, что «впервые в истории узбекский народ приобрел собственную государственность». При этом умалчивалось, что узбекская государственность зародилась еще в глубокой древности, но ее «тысячелетняя история, — как справедливо отмечал Ислам Каримов, — была прервана в результате насильственного присоединения к Российской империи»¹. В условиях же советской действительности была навязана декоративная, псевдонациональная государственность. Узбекский народ вопреки пропагандистским декларациям о конституционном выражении своего права на национальное самоопределение в реальной жизни лишился возможности создать действительно суверенное государство, так как находился в жесткой зависимости от коммунистической метрополии.

Тридцатые годы стали поворотными в ходе эволюции советской модели «культурной революции». Сталинская администрация взяла курс на предельную тотализацию всех сфер общественной жизни. В короткий срок бы свернули нэп, насильственными средствами осуществлена сплошная коллективизация сельского хозяйства, обернувшаяся закрепощением узбекского кишлака, уничтожением на селе рачительных хозяев, установлением хлопковой монокультуры. Форсированная индустриализация, содействуя приращиванию промышленного потенциала республики, в то же время сопровождалась усилением экономической зависимости края от державного центра.

Политика ущемления национального суверенитета вызвала тяжелые последствия и в духовной сфере. Уже с конца 20-х гг. активно свертывается «коренизация», ликвидируются национальные районы, идет подавление национального самосознания, утверждается моноидеология. Жестоким гонениям подверглись национальные управленческие кадры и отечественная интеллигенция, составлявшая цвет нации².

Сталин сохранил основные теоретические положения ленинской теории «культурной революции», однако существенно обогатил практику духовного закабаления народа.

¹Каримов И.А. На пути безопасности и стабильного развития. Т.6. —Ташкент: Узбекистан, 1998. — С. 125.

²Алимова Д.А., Голованов А.А. Узбекистан в 1917–19 гг... — С.58.

Для понимания природы и особенностей «революционных» преобразований в духовной сфере в условиях сталинского режима важно четко обозначить, что же собой представлял сталинизм, какие факторы определяли логику «социалистического строительства» в то время.

«Сталинизм, — как подчеркивала известный западный советолог Элен Каррер д'Анкос, — это прежде всего система власти»¹. Сталин, исходя из марксистской доктрины «диктатуры пролетариата», создал административно-тоталитарную систему государственного бюрократизма. Новая система власти превратилась в диктатуру одного человека, основными элементами которой стали абсолютная власть партии и государства, террор и злоупотребление законодательством, непомерно высокая роль репрессивно-карательного аппарата.

Сталин, отказавшись от идей нэповского либерализма, унаследовал инструментарий «военного коммунизма». Но было бы ошибочным противопоставлять Сталина «позднему» Ленину, который и сам неоднократно говорил, что нэп — «временная мера». В главном и основном Сталин продолжил «ленинское дело».

Правда, в 1924–1928 гг. Сталин вынужден был пойти на определенные уступки, продиктованные стратегией борьбы за власть, на какое-то время он занял центристскую позицию между «левыми» радикалами, полными решимости покончить с нэпом, и сторонниками Бухарина — «правыми», осознавшими необходимость соответствия между темпами и методами перемен и состоянием общественного сознания. Однако, избавившись от соперников, Сталин ясно продемонстрировал собственные позиции: волюнтаристский характер планов тотального и быстрого преобразования экономической, социальной и культурной жизни страны самыми радикальными методами: насильственное навязывание своих планов сверху безгласному обществу.

Уже в 1929 г. ноябрьский Пленум ЦК ВКП (б) сформировал сталинскую левацко-утопическую установку на радикальные общественные преобразования: «дело построения социализма в стране пролетарской диктатуры может быть проведено в исторически минимальные сроки»².

¹ Каррер д'Анкос. Сталинизм. В кн.: 50/50. Опыт словаря нового мышления. — М.: Прогресс: Р. Пайо, 1989. — С. 398.

² Хрестоматия по истории КПСС. Т.2. — М.: Политиздат, 1965. — С. 112.

Изменение политики сопровождалось изменением методов достижения поставленных целей. Нэп с его установкой на материальные стимулы, экономическую инициативу заменялся командно-бюрократической системой руководства, где главный упор делался на приказы – «революционный энтузиазм». Одновременно в качестве методов политического руководства усиленно применялись политические репрессии. Рассуждая о способах организации людей и средствах их принуждения, Сталин подчеркивал, что «репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления»¹.

Для обоснования необходимости репрессий был выдвинут тезис об обострении классовой борьбы, который совершенно не отражал фактического положения «буржуазных элементов» в обществе – их истинных возможностей и конфронтации с советским государством. Но надуманная «классовая угроза» давала основание решительно разделяться с любыми проявлениями инакомыслия, средствами террора укреплять диктатуру единоличной власти и при этом возможность обвинять во всех провалах в экономической и социально-культурной сферах классовых врагов.

Сталин превратил политический террор в официальную государственную политику, придал ему легитимный правовой характер. Двойственная роль права в советском обществе того времени являлась одной из доминирующих черт сталинизма, который обосновал принцип относительности права, подчиненного делу революции и меняющегося вместе с ее развитием. По его мысли, право существует, но только в соединении с волей и интересами государства – партии. При этом гражданам не остается возможности сопротивляться узаконенной и абсолютной государственной мощи. Сталин усовершенствовал эту систему так, что постоянное и повсеместное использование давления стало единственно допустимым средством управления, беззаконие – средством нейтрализации сопротивления общества, террористические и противоправные действия были возведены в ранг закона. Строительство нового законодательства проходило в условиях массовых чисток, затронувших все слои общества. Относительность права исчезала, приобретая абсолютистский характер. Это и отразила Конституция СССР 1936 г. Утверждена

¹Сталин И.В. Соч. Т.12. – М., 1953. – С.164.

была новая Конституция и в Узбекистане VI чрезвычайным съездом Советов Узб ССР 12 февраля 1937 года¹. Декларируемые в ней права и свободы граждан, якобы говорившие о «совершенной демократии», находились в явном противоречии с советской действительностью. Конституция была дополнена системой законов – уголовных кодексов, которые стали юридической основой противоправных действий. Совмещение репрессивной и законодательной функций было характерно для сталинской концепции, узаконивавшей его политическую практику.

Репрессивный режим, нарушение законности и человеческих прав усиливались с каждым годом. Карательная политика смещалась от подавления стойких оппозиционеров советской власти к массовым репрессиям, охватывая все новые и новые группы населения. Уже во второй половине 20-х гг. начались массовые аресты и ссылки участников внутрипартийных оппозиций, не совершавших никаких противозаконных действий. Причины репрессий фальсифицировались. В первую очередь это коснулось специалистов старой школы – инженеров, агрономов, экономистов. Квалифицированные специалисты, знатоки рыночной конъюнктуры, понимавшие всю бесперспективность командной экономики, чаще всего объявлялись шпионами, диверсантами и осуждались.

При начавшейся сплошной коллективизации сельского хозяйства репрессиям подверглись значительные слои крестьянства, в том числе и узбекское дехканство. Так, в Узбекистане к 1937 г. оказались репрессированными более 60 тысяч дехкан, обвиненных во «вредительстве колхозному строительству». Как «диверсии классового врага» расценивались случаи, когда неопытные молодые рабочие на новостройках или наскоро обученные механизаторы на селе являлись виновниками поломки техники.

В национальных республиках, в том числе и в Узбекистане, все шире велись репрессии против представителей творческой национальной интеллигенции и ответственных работников, пытавшихся отстоять национальные приоритеты, сохранить исконные народные духовные ценности, вековые традиции и обычаи.

¹Хронологическая таблица по истории Узбекской ССР (1917–1977 гг.) II часть. Методические указания для студентов заочного и вечернего обучения. Ташкент 1977. С.45

Дела так называемых «классово-враждебных элементов» уже с 1929 г. рассматривали «тройки» (первый секретарь райкома партии, председатель райисполкома и начальник местного отделения ГПУ). Рассмотрение дел было чрезвычайно упрощено. Осужденные направлялись на принудительные работы в отдаленные районы, либо в тюрьмы и лагеря.

До начала 30-х гг. репрессии были направлены главным образом на «классово-враждебные элементы» – кулаков, нэпманов, «буржуазных специалистов». При этом репрессированных было значительно больше, чем общее население этих групп.

В 1934 г. начался новый, еще более мощный поток репрессий, захвативший партийных работников, духовенство, интеллигенцию. Толчком послужило убийство в Ленинграде, в Смольном, 1 декабря 1934 г. члена политбюро ЦК, секретаря ЦК и Ленинградского горкома партии С.М. Кирова, как впоследствии было установлено тоже инициированное Сталиным, который опасался своего реального конкурента.

Сталинизм серьезно подорвал советскую культурную политику, вызвав глубокую деформацию духовной сферы общества как в целом по Союзу, так и в Узбекистане.

Вместе с тем, объективно оценивая этот мрачный период истории, было бы неверным утверждать, что в культурном строительстве второй половины 20-х начале 50-х годов наблюдался исключительно негатив. В этом отношении безусловно права Ю.А. Эргашева, отметившая, что «благодаря открытому и скрытому противостоянию народа, его созидательным усилиям культурное развитие в рамках «красной империи» предстало в виде сложного противоборства созидательных и деструктивных процессов»¹.

Большевики выдвигали на первый план вопросы, затрагивающие интересы бедного населения. Так, газета «Правда Востока» писала: «Ликвидация безграмотности, введение всеобщего начального обучения, реформа школы, осуществление политехнического образования является одной из самых решающих предпосылок культурной революции»². В ходе культурного строительства, не взирая на

¹Эргашева Ю.А. Культура Узбекистана: состояние, тенденции и проблемы развития (50–60-е годы): Авторефер. Дисс...докт. ист.наук. – Ташкент, 1998. – С.24.

² Правда Востока. 1930, 8 июля

тоталитарно-репрессивный режим, в соответствии с объективными потребностями общественного развития шли преобразования, которые способствовали становлению многих новых для Узбекистана отраслей науки, культуры, системы образования. Так, курс на форсированное ускорение «социалистического развития» народного хозяйства, культуры, взятый сталинским руководством в конце 20-х гг., способствовал повышению грамотности населения. Согласно постановления директивных органов «О всеобщем начальном обучении», принятом в июле 1930 г., по всей стране, в том числе в сельской местности, создавались школы первой ступени, средние школы.

В соответствии с установкой Центра, 25 июля 1930 г. в Узбекистане также было принято постановление ЦК ВКП (б) о введении всеобщего обязательного начального обучения¹. Постановление объявило обязательным обучение всех детей в возрасте от 8 до 10 лет. Введение всеобщего обязательного начального обучения решено было закончить уже в 1931–32 учебном году. Одновременно вводилось обязательное обучение для переростков 11–15 лет, не прошедших курс начального обучения, – для них предлагалось открывать двух- и трехгодичные школы-курсы с созданием отдельных школ для девочек. Таким образом расширялась сеть сельских школ, а также осуществлялось обязательное обучение в объеме семилетки во всех городах республики, фабрично-заводских и рабочих поселках, намечалось повышение качества обучения и проведение политехнизации школы. Были открыты начальные школы с обучением на таджикском, армянском.

Все это создавало базу для последующей подготовки многочисленных кадров – специалистов экономики, науки, духовной сферы, государственного управления. Именно в этот период в Узбекистане были открыты многие вузы, ставшие впоследствии кузницей национальных кадров. Так, в 1929 г. на базе инженерно-мелиоративного факультета основанного в 1918 г. Туркестанского Государственного Университета открылся Среднеазиатский хлопково-ирригационный политехнический институт (САХИПИ ныне ТГТУ), а в 1934 г. – Институт ирригации и механизации сельского хозяйства

¹Хронологическая таблица по истории Узбекской ССР (1917–1977 г.) II часть. Методические указания для студентов заочного и вечернего обучения. Ташкент, 1977. – С. 39.

(ТИИИМСХ). На базе идеологического факультета Университета в 1935 г. был создан Педагогический институт (ныне – ТГТУ им. Низами). Был придан заметный импульс устойчивому разворачиванию сети научных и культурно-просветительных учреждений. Определенные достижения наблюдались в литературе и искусстве.

Однако продолжающаяся идеологизация общественной жизни и культурного строительства во многом сдерживала полноценное развитие. Моноидеология исключала подлинно свободное, плюралистическое существование культуры. Мощное и нарастающее из года в год влияние тоталитарных форм жизни подчиняло себе культуру, не оставляя вне своего унифицированного воздействия ни одну ее область. На решение главной задачи культурной политики – воспитание принципиально новой личности коммунистического типа как прочной клеточки искусственно создаваемого социалистического общественного организма – были нацелены все средства массовой информации, литература, искусство, программы учебных заведений всех ступеней, даже процесс воспитания в группах детских садов.

Так, газета «Правда Востока» писала: «Необходимо добиться коренного перелома в перестройке методов работы органов народного образования на основе тесной связи со всей политической работой партии»¹.

Сталинский режим, опираясь на ленинские традиции, добивался превращения человека из самобытной личности со своими нуждами и интересами в преданного бойца коммунистической партии, беспрекословно исполняющего волю вождя. Все институты культуры и карательно-принудительный аппарат использовались для установления жесткого контроля над сознанием личности, ее мыслями, внутренним миром.

Путем всех этих мер и без того ущербная ленинская доктрина «культурной революции» была примитивизирована до предела. Произошла перемена критериев. «Культурная революция» свелась к весьма ограниченному и формальному набору «показателей» преимущественно количественного характера.

Как писала газета «Правда Востока»: «Большевики считали не-

¹Правда Востока. 1930, 2 июня.

обходимым культурную пятилетку подогнать к темпам хозяйственного роста»¹.

В культурной сфере такой подход особенно нашел отражение в системе народного образования. На первый взгляд здесь были заметны успехи. Так, в 1940 г. количество общеобразовательных школ составило в Узбекистане 5,5 тыс., в них занималось более 1 млн. 300 тыс. учащихся. Число учителей достигло 36852.² Кроме того, в республике действовало 30 высших и 98 средних специальных учебных заведений, в которых обучались соответственно 19,1 и 25,1 тыс. студентов. Количество дипломированных специалистов с высшим образованием возросло к этому времени до 20,2 тыс. а со средним специальным – до 35,1 тыс. человек³.

Но за внешне внушительными цифрами количественного роста скрывались серьезные изъяны и диспропорции. В частности, вследствие «остаточного принципа» финансирования народного образования чрезвычайно бедной оставалась материальная база учебных заведений, что сказывалось на качестве обучения школьников и студентов, профессиональной подготовке специалистов. Предельно низким был социальный статус учителей.

Кроме ориентации на валовые показатели, серьезное деформирующее воздействие на качество культурного строительства оказывал приоритет классового подхода. Закреплялось это воздействие целым рядом решений партийных органов, в частности, принятым Постановлением ЦК ВКП (б) «О работе партийной организации Узбекистана» в области хозяйственного и культурного строительства от 25 мая 1929⁴. Исходя из тезиса «обострение классовой борьбы», сталинский режим повел решительное наступление против всех социальных групп и слоев, не вписывающихся в коммунистическую доктрину. Так, жесткая классовая линия проводилась при наборе в

¹Правда Востока. 1930, 2 июля.

²Чориев Б. Проблемы народного образования и подготовки педагогических кадров Узбекистана. – Ташкент.: Фан, 1997. – С. 74.

³Народное хозяйство УзССР за 50 лет. Сб. стат. Материалов. –Ташкент, 1967. – С.183, 219.

⁴Хронологическая таблица по истории Узбекской ССР (1917–1977 г.) II часть. Методические указания для студентов заочного и вечернего обучения. Ташкент, 1977. –С. 37

вузы и техникумы, закрывая доступ молодежи с законченным школьным образованием, но не принадлежавшей к рабочему классу.

Принцип «классового подхода» действовал во всех сферах духовного производства, определяя репрессивную природу всей культурной политики. Это обедняло возможности здорового культурного роста, так как искажало само содержание культурных процессов. Гипертрофированно – критическое отношение ко всему, что было унаследовано от дореволюционного прошлого, схоластические схемы воздвижения «пролетарской культуры» обедняли, лишали глубинного духовного смысла все культурное строительство.

Процессы классово-идеологической нивелировки духовного производства не могли не затронуть и сферу национальных отношений. Вся методология советской национальной политики, культурных аспектов была построена на пренебрежении к этнической специфике народов бывшего Союза, в том числе Узбекистана. В соответствии с марксистской теорией мировой социалистической революции все нации и народности должны были в ближайшее время слиться в единую «коммунистическую нацию», очистившись предварительно от всех национальных «нетрудовых» и «контрреволюционных» элементов. Исходя из приоритета право на «выживание» сохранялось лишь за той частью нации, которая поддерживает идеалы Октября и по своему происхождению является бедняцко-пролетарской. Поскольку после «революционной чистки» на передний план выходит классовое, а не национальное самосознание, то последнее должно отмереть, так как все национальные особенности расценивались как тормоз для торжества коммунистической идеи. Осуществить вливание наций и народностей в новую историческую общность, по мысли идеологов большевизма, были призваны принципы пролетарского интернационализма и опролетаризированная русская культура. Доказательством тому было создание Узбекской Ассоциации художников революционной России в апреле 1926 года¹.

В складывающейся советской империи действовали и иные факторы. Прежде всего шло подавление национального самосознания, которое могло бы стимулировать стремление народов национальных

¹Хронологическая таблица по истории Узбекской ССР (1917–1977г.) II часть. Методические указания для студентов заочного и вечернего обучения. Ташкент, 1977. – С. 35.

регионов к обретению государственного суверенитета. В этом отношении тотальная нивелировка наций и народностей, наряду с активным вытеснением национальной идеи классовой, призвана была содействовать укреплению имперских основ советского государства.

В системе карательных мер, нацеленных на разрушение национального самосознания, сталинский режим активно использовал апробированные еще в годы «военного коммунизма» масштабные акции по борьбе с «буржуазным национализмом» – гонения против национальной интеллигенции, выступавшей за сохранение национальных культурно-духовных ценностей.

В идеологическом плане сталинская администрация всеми мерами обеспечивала гегемонию «пролетарской идеологии» и принципов партийности в литературе, искусстве. С использованием разнообразных средств государственного давления повсеместно «сверху» насаждалась культура «социалистическая по содержанию, интернациональная по духу». Правда, делался реверанс в сторону сохранения национальной специфики, но речь шла исключительно о форме. Национальное сохранялось лишь во внешнем декоре.

В стратегии подрыва национального фактора и подавления общественного и индивидуального сознания сталинское руководство широко использовало политику системной «русификации». При этом оно вслед за царизмом неизменно выступало от имени русского народа, что в конечном итоге «способствовало восприятию народами национальных окраин русской нации в качестве «имперской». Но, безусловно, правы Д.А. Алимова и А.А. Голованов, отметившие в этой связи, что «...важно отделить народ от неправых действий правящего режима. Русский народ сам испытал неисчислимые тяготы как в условиях царского самодержавия, так и советского тоталитаризма»¹.

Усилилось в исследуемый период наступление и на религию, и в особенности, на Ислам. В ходе тотального «освобождения» от «религиозного дурмана» было уничтожено огромное количество старинных рукописей по исламской теории, мечетей, медресе, конфисковывались святыне реликвии. Репрессиям подвергались и представители духовенства. Даже хранение нерелигиозной литературы, но изданной на арабской графике, каралось заключением сроком от 10 до 15 лет.

Развернулась борьба и против такой повсеместно распространен-

¹Алимова Д.А. Голованов А.А. Указ .соч. – С.60.

ной формы национального самосознания, как народно-религиозные обычаи и традиции в сфере быта, семьи, образа жизни. Взамен искусственно насаждалась надуманная советско-интернациональная обрядность, внедрялись «революционная» символика, чуждые народу «социалистические» ритуалы.

Вся эта кампания сопровождалась выступлениями прессы «Вся политико-просветительная и культурная работа должна получить увязку с задачами социалистического строительства. Она должна быть пропитана марксистско-ленинским содержанием»¹.

Все сказанное позволяет заключить, что в исследуемый период в Узбекистане, как и во всем бывшем СССР, шло активное закрепление тоталитарной модели «культурной революции». Репрессии коснулись, прежде всего, духовной сферы, лишая творческих работников стремления к созидательному труду. Подавлялось национальное самосознание; результатом действия всеобъемлющей контролирующей государственной машины, не взирая на сопротивление снизу, становилось господство единой и всеильной государственной идеологии.

Ленинско-сталинская политика всеохватного идеологического натиска, ее смыкание с акциями нарастающих политических репрессий наложили серьезный негативный отпечаток на процессы культурного строительства в Узбекистане, вызвав глубокие изменения духовной сферы.

1.2. Усиление идеологии репрессивного режима и его проявление в Узбекистане

20-е годы XX века – период становления в бывшем советском обществе, в том числе в Узбекистане, типа культуры, который можно охарактеризовать как противоречивый и переходный. Выбор был не за деятелями самой культуры, а за партийным руководством, которое в силу указанных выше причин не обеспечивало развития по первому пути. В 30-е годы XX в. в процессе завершения эволюции советского государства утвердилась большевистская модель культуры. В результате, пройдя через множество деформаций, культура оказалась крайне ослабленной как в плане своего общецивилизованного

¹ Правда Востока. 1930, 8 июля.

содержания, так и с точки зрения исконно национальных обычаев и традиций.

Заметное воздействие на активизацию репрессивных начал в идеологии и практике культурного строительства тех лет оказала, с одной стороны, острая политическая борьба, развернувшаяся в эшелонах высшей союзной власти, а с другой – стремление руководства и интеллигенции национальных республик реализовать конституционно закрепленное право на «свободное национально-государственное самоопределение».

Говоря о сути разногласий в союзном партийном руководстве, следует отметить, что большая часть литературы, посвященная истории 20-х – начала 30-х годов, рассматривала ее исключительно в контексте персональной борьбы за власть. Политическая борьба «наверху» определялась суммой многих обстоятельств, складывавшихся во внутренней и международной жизни – от самых низших ее пластов до высших эшелонов руководства. Если все из коммунистических вождей были согласны с тем, что на пути строительства нового общества нужно проводить индустриализацию, кооперирование, культурную революцию, то по вопросу о том, можно или нельзя построить социализм в одной стране имели место разногласия. Если нельзя, то как и каким образом удерживать подступы к мировой революции, можно или нет осуществлять «экспорт» революции в другие страны, какими путями и способами? Сильно расходились точки зрения и по вопросу о темпах и методах строительства социализма, об отношении к отдельным классам и слоям советского общества. С учетом сказанного дискуссии в ВКП (б)¹ представляли собой причудливое смешение разных и весьма противоречивых идей, одни из которых, едва родившись, отправились «на свалку истории», другие получили жизнь и конкретное воплощение в советской действительности.

Сущность дискуссий проще понять в связи с процессами бюрократизации советского общества и образования его нового правящего слоя – номенклатуры. Предпосылкой этого процесса было превращение РКП (б) в особый политический институт по руководству

¹Состоявшийся в декабре 1925 г. партийный съезд коммунистов СССР переименовал Российскую компартию (большевиков) – РКП (б) во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков) – ВКП (б).

государством, что произошло в предшествующие годы. Однако сложилось противоречие между бюрократическим устройством советского государства и сохраняющимися элементами внутрипартийной демократии, требовавшими своего устранения. Для ограничения последней существовало гораздо больше причин, чем для ее расширения. Проводником номенклатуры становится партийный аппарат, позиции которого постоянно усиливались по мере роста партии и ее влияния на управление страной. Все более заметной становилась роль Секретариата и Оргбюро ЦК РКП (б).

Возглавив партийный аппарат, Сталин выступил в роли теоретика и создателя номенклатуры. На XII съезде РКП (б) в апреле 1923 г. Сталин говорил о необходимости охватить коммунистами все отрасли управления, особенно духовно-идеологический командный состав, при помощи которого партия держит в руках аппарат и осуществляет свое руководство. Одновременно выдвигались и требования к кадрам на руководящих постах: это должны быть «люди, умеющие осуществить директивы, могущие понять директиву, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие претворить их в жизнь»¹.

Вошедшие в номенклатуру коммунисты переходили с должности на должность: работники, которые «проштрафились», обнаруживали некомпетентность, профессиональную непригодность и т.д., передвигались на другие, менее значимые посты. В соответствии с должностью определялись преимущества и привилегии для номенклатурных работников. Для поддержания материально-бытовых условий их существования был установлен некий уровень в пределах партминимума и партмаксимума.

Сложилась также своеобразная система функционирования номенклатуры. Партийные съезды, съезды Советов, профсоюзов и т.п. стали превращаться в массовые сборища номенклатуры, причем за каждым органом закреплялась своя роль. Главным становился партийный съезд, утверждающий основные установки и директивы, которые другие органы должны были претворять в жизнь. Съезды Советов и сессии ЦИК были призваны законодательно подтверждать принятые решения, создавать видимость поддержки. Номенклатура не была заинтересована в широком обсуждении вопроса, для нее

¹ Двенадцатый съезд РКП (б) Стеногр. отчет. — М., 1968. — С. 62–63.

нажнее всего являлись четкие указания и директивы, согласно которым нужно было действовать. Всякие дискуссии и рассуждения рассматривались как мешающая делу пустая болтовня. Разгром «навязанных» партии дискуссий тщательно готовился в недрах аппарата. С этой точки зрения и необходимо рассматривать политическую борьбу на съездах и конференциях 20-х годов.

Между тем, внутривластная борьба 1924–1927 гг. характеризовалась постоянным усилением позиций номенклатурного слоя, возглавляемого Сталиным, и его возвышение сугубо аппаратными методами, интригами и инструментами власти. Идейные разногласия «правых» и «левых» для него имели второстепенное значение.

Основная масса членов партии, как свидетельствуют многочисленные документы, шедших снизу, плохо разбирались в сущности теоретических расхождений в среде политических лидеров, больше откликаясь на те или иные повороты в текущих делах. «Генеральная линия» складывалась как причудливое смешение разнонаправленных действий, проводимых сталинским аппаратом. Всякое выражение инакомыслия превращалось в серьезную проблему. Попытки оппозиции воздействовать открыто на общественное мнение встречали необходимые преграды, толкая ее на путь нелегалитетности, а это, в свою очередь, создавало прецедент для политических обвинений. За оппозиционерами неотступно следовали агенты ОГПУ.

Борьба за «чистоту» марксистско-ленинской теории в национальных регионах страны, в том числе в Узбекистане, рассматривалась союзным руководством прежде всего сквозь призму «преодоления идеологии национализма», под которым понималось стремление к свободной национальной государственности и сбережению национальной самобытности народа.

Следует сказать, что еще в первые годы советской власти Ленин, подчеркивая первостепенную важность развертывания борьбы с духовенством, другими «реакционными и средневековыми элементами», имеющими сильное влияние среди «отсталых» народов, а также с «разного рода националистическими взглядами», выдвигал перед партией задачу разработки способов этой борьбы. К середине 20-х гг. в ее решении союзным руководством уже был накоплен значительный опыт. В частности, касаясь среднеазиатского региона, удалось уничтожить вооруженную оппозицию советской власти, существенно ослабить в жизни общества роль духовенства. Однако

в Узбекистане, как во всех национальных республиках Союза, если использовать терминологию тех лет, «еще не была окончательно ликвидирована экономическая и социальная почва буржуазного национализма». Поэтому актуальность борьбы против любых его проявлений для партийных верхов сохранялась. Более того, обозначились новые факторы, которые усилили внимание ЦК ВКП (б) вопросам борьбы с так называемым «местным национализмом».

Дело в том, что после образования СССР и последовательного укрепления властных позиций сталинской администрации на всем союзном пространстве среди национальных руководителей росло разочарование в проводимой центром политики национально-государственного строительства, высказывалось недовольство усилением «колонизаторских тенденций» ЦК Всесоюзной коммунистической партии, возрождением практики «административного командования». Причем, оппозиционно настроенные национальные лидеры пытались объединить свои освободительные усилия.

Свидетельством тому явилось состоявшееся в Москве 12–14 ноября 1926 г. «частное совещание националов – членов ВЦИК». Оно было созвано без ведома ЦК ВКП (б) по инициативе и под председательством Т. Рыскулова, ставшего к тому времени заместителем председателя СНК РСФСР.

Участники совещания в своих выступлениях недвусмысленно обвиняли союзный партийный генералитет и центральное правительство в игнорировании интересов нерусских национальностей, невыполнении принятых на официальном уровне решений «О ликвидации фактического неравенства ранее угнетенных народов». Они с горечью констатировали, что ни одна республика не сделала серьезных шагов вперед в отношении этого неравенства, доставшегося в наследство от царского режима.

Совещание предъявило ЦК ВКП (б) целый ряд серьезных требований, частности: построение центральных руководящих органов партии, являвшейся, как известно, главной из вертикалей власти советского государства, на основе национального представительства (имелось в виду производить выборы членов ЦК пропорционально от каждой национальной республики и области по национальному признаку); неизменно учитывать в проводимой союзным правительством социально-экономической и культурной политике национальный фактор.

Аналогичные настроения царили и в Узбекистане, где после национально-территориального размежевания и образования Узбекской республики отмечался подъем национального самосознания народа, активизировались усилия либеральной части национального руководства и передовой интеллигенции по обеспечению национально-государственной самостоятельности.

Учитывая этот фактор, ЦК ВКП (б), сразу же после образования новых среднеазиатских республик, сосредоточил энергичные усилия по предупреждению «опасности», исходящей от неконтролируемого роста национального самосознания, угрозы «местного национализма».

Этот курс нашел отчетливое отражение уже в решениях I съезда компартии Узбекистана (февраль 1925 г.). Так, в принятой на данном съезде специальной резолюции недвусмысленно отмечалось, что «...в условиях нэпа, в обстановке почти исключительно крестьянской страны, где веками господствовал чиновник, бай, маанп, мулла, царь, где широкие трудящиеся массы темны и забиты, - подъем национально-государственного самосознания трудящихся Узбекистана может быть использован враждебными нам слоями для ривнития панисламизма, пантюркизма, национал-шовинизма и др., т.е., в конечном счете, для борьбы с властью Советов»¹.

Центральная власть опасалась, что «контрреволюция», и внутренняя и внешняя, могут взять на вооружение сам факт «национально-государственного размежевания» для развертывания «националистической пропаганды», отторжения Средней Азии от советской империи.

И надо сказать, что основания для беспокойства имелись. Во второй половине 20-х г. среди зарубежной эмиграции «усиливались, — как писалось в советской печати тех лет, — голоса идеологов пантюркизма» — Заки Валиди, Мустафы Чокая, М. Расул-Заде и др., сгруппировавшихся вокруг издававшегося в Константинополе журнала «Янги Туркистон». Они резко критиковали национальную политику

¹ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК (1925–1986). В 4-х томах. Т.1. 1925–1937 гг. — Ташкент: Узбекистан, 1987. — С.18.

союзного руководства, аргументированно указывали на формальный характер провозглашения национальной государственности в среднеазиатских республиках.

В свою очередь, оживлялись оппозиционные настроения непосредственно в регионе, особенно в Узбекистане. Квалифицируя попытки местных прогрессивных сил обеспечить официально провозглашенное право на национально-государственную самостоятельность как «нацио-налистическую контрреволюцию», правящая политическая элита центра стремилась на первом этапе прежде всего идеологически их дискредитировать. В этих целях был изобретен надуманный тезис, будто бы «внутренняя контрреволюция повела работу по раздуванию национального антагонизма, в первую очередь между российским пролетариатом и местным дехканством».

В частности, эту направленность «националистической пропаганды» отметил II съезд компартии Узбекистана (ноябрь 1925 г.). «Враждебные силы, – подчеркивалось в его документах, – пытались и пытаются удержаться во всех порах государственного аппарата и кое-где им еще удастся держать под своим влиянием низовые советские аппараты. Их последней попыткой является усиление национально-шовинистической агитации, направленной против основ Советской власти – на срыв союза дехканина с рабочим классом»¹.

Подобная трактовка разворачиваемых событий позволяла коммунистическим идеологам смести акцент с критики национальной политики советского государства в сторону классового противоборства, представив истинные намерения и цели прогрессивных национальных сил.

Особенно острым нападкам подверглись в середине 20-х гг. джадиды. Туркестанские джадиды призывали к службе, правде и просвещению. Для них признаком прогресса и источником распространения знаний стала газета. Туркестанские прогрессисты в самом начале своей журналистской деятельности сравнивали газету с доктором, вылечивающим «болезни» общества.² Утвердилась схема, согласно которой «внешняя контрреволюция» в борьбе про-

¹ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... Т.1 – С.219–221.

² Абдурашидов Зайнабиддин. Аннотированная библиография Туркестанских материалов в газете «Таржуман» (1883–1917) TIAS Central Eurasian Research Series # 5 Graduate School Humanities and Sociology The university of Tokio. 2011, с. 29.

тив советской власти взяла на вооружение идеи «панисламизма»¹ и «пантюркизма»², а внутренняя – в лице торговой и промышленной национальной буржуазии – идеологию джадидизма, пытаясь вдохнуть в нее новые силы.

Союзное партийное руководство, Средазбюро ЦК ВКП (б) настораживало, что определенные попытки защитить, поддержать джадидизм были сделаны даже членами партии. К примеру, уже на VII пленуме Средазбюро ЦК ВКП (б) (2–4 июля, 1925 г.), констатирующего, что главным орудием борьбы контрреволюционных элементов является игра на национальных чувствах и попытки разложения советского аппарата с целью его дискредитирования, некоторые коммунисты попытались отвести удар от джадидизма. Указывая на то, что реформаторская часть духовенства представляет большую опасность, чем джадиды, они ставили перед партией альтернативу: поддерживать прогрессивную (реформаторскую – *авт.*) часть духовенства или старых джадидов?

Но для союзных партийных верхов важно было в корне пресечь любые формы идеологической оппозиции. Поэтому Средазбюро, оценив «опасность усиливающейся националистической пропаганды в партийных рядах», в решении VII пленума призвало партийные организации вести активную борьбу со всеми ее проявлениями. В соответствии с чем в Узбекистане развернулась кампания по разоблачению «новых идеологических установок национализма».

Большое внимание проблемам «идеологического противоборства» было уделено на III пленуме ЦК КП (б) Уз (14–19 мая 1926 г.), специально рассмотревшем вопрос «Очередные задачи на идеологическом фронте». По сути пленум определил и обосновал в свете «генеральной линии» ЦК ВКП (б) политику борьбы республиканской

¹Панисламизм (др.греч. «Pan» - всё, и араб. Islam- ислам). Религиозно-политическая идеология, в основе которой лежат представления: о духовном единстве мусульман всего мира вне зависимости от социальной, национальной или государственной принадлежности, о необходимости их политического объединения под властью высшего духовного главы (халифа).

²Пантюркизм (син. пантуранизм) – культурное политическое течение, идеология, распространенная в государствах, населенных тюркскими народами, в основе которых лежат идеи о необходимости их политической консолидации на основе этнической, культурной и языковой общности. Сформировалось во 2-ой половине XIX века.

партийной организации с «буржуазно-националистической идеологией» за упрочение позиций «пролетарского мировоззрения». В связи с этим предпринимались шаги по проведению агитационной пропагандистской работы с помощью упомянутых ранее «красных чайхан»³ изб-читален, библиотек, громко-читален в городах и селах⁴.

Актуальными, с точки зрения разворачиваемого Центром идеологического наступления, стали его выводы о соотношении борющихся сил в республике, превращении идеологической сферы общественной жизни в арену «наиболее обостренной классовой борьбы» о решающих направлениях борьбы на идеологическом фронте – противодействие проникновению «буржуазно-националистической идеологии» в среду рабочего класса, дехканства и особенно в ряды партии, оформление и закрепление перелома «старой интеллигенции» в сторону советской власти, «разоблачение ложных позиций ее буржуазно-националистической верхушки»; усиление партийного руководства печатью, народным образованием, работой среди молодежи; воспитание и «закаливание интернациональных партийных кадров»⁵.

Исходя из соответствующего идеологического анализа экономического и политического развития республики III пленум ЦК КП (б) Уз отметил, что ведущей тенденцией, которая «обеспечивает победу основной идеи – переход к социализму», является укрепление позиций «пролетарского государства». С другой стороны, в условиях непа растут и укрепляются «враждебные силы». Соппротивление «национальной буржуазии», хотя она «потерпела поражение в экономической и политической областях, продолжает оставаться серьезным».

Охарактеризовав соотношение борющихся сил в республике и «вскрыв» причины «обострения классовой борьбы», пленум обратил внимание на то, что особую остроту она приобрела в идеологической сфере общественной жизни, так как «национальная буржуазия усилила атаки» по завоеванию школ, печати и других идеологических командных высот.

Одновременно, указывая, что главным идейным оружием «буржуазии» продолжает оставаться «идеология национализма», пленум

³ЦГА РУз, ф. Р – 34, оп.1, д. 2607, л.18, л.19.

⁴ЦГА РУз, ф. Р – 34, оп.1, д. 1903, л.57.

⁵Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... Т.1. – С.219–221.

констатировал, что за всеми новыми ее модификациями, установками (Советский Союз – замаскированный вид колонизаторства; отсутствие классов в Узбекистане, а отсюда отказ от классовой борьбы со своей «национальной буржуазией»; «узбек-коммунист должен быть националистом»; противопоставление «националистического воспитания интернациональному воспитанию» и т.д.) скрывалась ее «основная сущность – разжигание национального антагонизма, подрыв интернациональной дружбы между народами Советского Союза и, тем самым, срыв социалистического строительства в стране».

В борьбе с «буржуазно-националистической идеологией» Средазбюро и подконтрольный ему ЦК КП (б) Уз выделили в то время две приоритетные проблемы: во-первых, выработка тактического подхода к национальной интеллигенции и, во-вторых, установление природы «националистических проявлений» в рядах компартии Узбекистана, их социальной и политической сущности.

В партийных документах тех лет указывалось, что наряду с «большой частью» интеллигенции, признавшей советскую власть и работавшей с ней, а также «колеблющейся частью», которая не выступала против советской власти, но и не становилась на ее сторону, имелась еще и группа интеллигенции, открыто вставшая на путь «контрреволюционной борьбы». По мнению коммунистических идеологов, она социально была связана с «национальной буржуазией» и выражала «классовые интересы последней», являясь «основным носителем буржуазной идеологии». Добиваясь восстановления «господства национальной буржуазии», эта «контрреволюционная интеллигенция» стремилась якобы закрепить свое влияние «на колеблющуюся ее часть».

Особое внимание обращалось также на изменение тактики «буржуазной интеллигенции» по отношению к духовенству. Так, в документах III пленума ЦК КП (б) Уз подчеркивалось, что если до революции она, отстаивая интересы буржуазии в борьбе с «феодальными силами», еще выступала против духовенства как главного их идеолога, то теперь «с целью объединения и упрочения антисоветских сил» идет на установление с ним прочного союза с целью использования его влияния на некоторые слои местного населения»¹.

Выдвинутый в соответствии с этим лозунг – «Советски настроенную интеллигенцию (надо) закрепить за нами, колеблющуюся за-

¹ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... Т. I. – С. 222–223.

воевать, а вредную, контрреволюционную сбить с наших командных постов» – определил на тот момент основные направления работы партийной организации среди национальной интеллигенции¹.

В тесной связи с выдвинутой III пленумом ЦК КП (б) Уз задачей «самого широкого разоблачения перед трудящимися и близкой к советской власти интеллигенции ложных позиций верхушки буржуазно-националистической интеллигенции и попыток к смычке ее с духовенством, вскрывая при этом антисоветский контрреволюционный характер этой позиции», была предпринята попытка дать оценку джадидизму. «Насущная потребность» в этом диктовалась участвовавшими случаями «смещения идеологии джадидизма с пролетарской идеологией, отождествления джадидизма с большевизмом». В принятых III пленумом ЦК КП (б) Узбекистана решении четко указывалось на «полную непримиримость идеологии партии с идеологией джадидизма, полной их противоположности по классовым устремлениям и целям». Более того, в соответствии с выполнением поставленной ЦК ВКП (б) задачей по большевизации партийной организации определялась необходимость решительной борьбы «с идеологией национальной буржуазии, с джадидизмом»².

Вскоре после III пленума ЦК КП(б) Уз первый секретарь республиканской партийной организации Акмаль Икрамов еще более резко отделил «классовую сущность джадидизма». «Буржуазная идеология джадидизма, – говорил он на II пленуме ЦК ЛКСМ Уз (19 мая 1926 г.), – является идеологией торговой буржуазии. Она никакого отношения к нам не имеет... До революции джадида по отношению к царизму были прогрессивным элементом, но когда на сцену выступил пролетариат (и взял власть в свои руки), они превратились в контрреволюционеров»³.

В ходе разворачиваемой в середине 20-х гг. кампании идеологического «развенчания» «буржуазного национализма» политическому ostrакизму была подвергнута прежде всего «антипартийная платформа» «группы 18-ти» и так называемая «иногамовщина».

Обращаясь к истории борьбы против «группы 18-ти», следует отметить, что ее побудительной причиной послужило поданное 19

¹Акмаль Икрамов. Избранные труды. Т.1.–Ташкент: Узбекистан. 1972. – С.263.

²Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях.. – С. 221.

³Акмаль Икрамов. Избранные труды. Т.1... – С.221.

ноября 1925 г., накануне II съезда КП (б) Уз коллективное письмо в ЦК компартии Узбекистана 18-тью ответственными партийными и советскими работниками, среди которых находились Председатель СНК УзССР Ф. Ходжаев, Нарком внутренних дел Рахмат Рафиков, Нарком земледелия Хидыралиев и др. В своем заявлении они просили ввиду «создавшихся не нормальных условий для дружной и плодотворной работы», освободить их от занимаемых постов в Узбекистане и откомандировать в распоряжение центра. Вслед за письмом «18-ти» последовали аналогичные заявления от ряда руководящих работников на местах.

Участники «группы 18-ти» открыто не говорили об идеологическом и политическом давлении со стороны Центра, не поднимали вопросы культурного строительства. Они предлагали остерегаться практики уравнительного землепользования в процессе намечаемой аграрной реформы, полнее использовать потенциал товарно-денежных отношений, бережнее относиться к зажиточному деҳканству, повсеместно учитывать специфику и потребности края при осуществлении социалистических преобразований. Но даже такие, довольно умеренные предостережения, вызвали в центре негативную реакцию. Средазбюро ЦК ВКП (б) обвинило на своем заседании от 22 ноября 1925 г. членов группы в стремлении «сохранить байско-кулацкое землевладение», «законсервировать феодальные порядки», в уклоне в сторону «местного национализма». Вслед за этим Президиум II съезда Компартии Узбекистана принял специальную резолюцию¹, в которой утверждалось, что по идеологии, «мелкобуржуазной по своей сути», «группа 18-ти» носит «явно антипартийный, враждебный ленинизму» характер и представляет «исключительную опасность для единства партии, крепости диктатуры пролетариата в Узбекистане, представлявшим собою по преимуществу деҳканскую страну».

Волна «гневного осуждения» прокатилась по всей республике². Заклейменные как опасные «фракционеры», часть «группы 18-ти» (Ф. Ходжаев, Ходжибаев, Урунходжаев, Ишанов, Миркамилов и др.) подали на имя ЦК партии новое заявление, в котором «признались» в своих «политических ошибках». На тех, кто упорно от-

¹ II съезд КП (б) Узбекистана проходил в г. Самарканде с 22–30 ноября 1925 года.

² Всем членам и кандидатам КП (б) Узбекистана: о выступлении «18-ти»: Циркулярные письма ЦК КП(б), ЦК КП (б) Узбекистана – 1926–№1 – С.25-27.

стаивал свое мнение, обрушились административные гонения. Так были сняты с занимаемых постов Рафиков, Хидыралиев, Секретарь Зарафшанского облисполкома Саиджонов и др¹.

Борьба с идеологией «группы 18-ти» и в последующие годы оставалась в центре внимания союзных и республиканских партийных верхов, но особую остроту ей придало «разоблачение иногамовщины».

Важно подчеркнуть, что Рахим Иногамов, являясь заведомо печатником ЦК КП(б) Уз, наиболее полно выразил царившие в то время оппозиционные настроения среди национальной интеллигенции по вопросам культурного строительства. Он и поддерживающая его группа ответственных национальных работников в лице Мавлянбекова, Исамухамедова, Шермухамедова, Бабаназарова и других выступили с обоснованной критикой национальной политики союзного руководства, диктатуры партии, с требованием ликвидации Средазбюро ЦК ВК (б) и порочной практики «десантирования» центром многочисленных политических эмиссаров, содействующих закреплению имперских скреп советского унитарного государства в Узбекистане, подавлению национального самосознания и традиционной культуры узбекского народа.

Свои взгляды Рахим Иногамов публично выразил в изданной в конце 1926 г. книге «Узбекская интеллигенция». В ней проводилась мысль, что ведущую роль в развитии общества призвана играть не «диктатура партии», а сам народ, духовно возглавляемый интеллигенцией. Отвергая приоритет классового подхода, он вслед за национальными просветителями прошлого, известными джадидами утверждал, что вся сила – в знании, в духовном просвещении, основанном на органическом единстве вековых национальных культурно-гуманистических традиций и общечеловеческих гуманитарных ценностей.

Рахим Иногамов, как истинный патриот, тревожился за сбережение уникального национально-культурного наследия узбекского народа, выступал против проводимой союзным Центром культурной политики, нацеленной на отрыв от вековых духовно-культурных корней, губительной «пролетаризацию» духовного наследия, ис-

¹Готфрид Л. Против новых попыток «омоложения» идеологии «восемнадцати» // За партию – 1929, №9 С.31–39.

кусственного интернационального поравнения и разрушения национальной самобытности.

Несомненно, заслуга Рахима Иногамова и его сторонников в том, что они направили острие критики на главную опору советского тоталитаризма – компартию, через разветвленную сеть структурных подразделений которой формировалась имперская зависимость. И это сразу же уловили как в Москве, так и в кругах зарубежной эмиграции. Союзное руководство воспринимало позицию группы Иногамова как «буржуазный национализм», а туркестанские эмигранты как «протест смелых узбеков-коммунистов против диктатуры ЦК ВКП (б)». Показательна в этом отношении оценка лидера зарубежной эмиграции М. Чокая, отметившего, что «группа узбеков, во главе с Рахимом Иногамовым, категорически требовала права узбеков на самоопределение, развязывание пути препятствий к полной и настоящей автономии и ликвидации опеки Среднеазиатского бюро над Туркестаном».

Чрезвычайную опасность оппозиционных выступлений группы Иногамова партийные верхи видели в его растущей поддержке как со стороны национальных коммунистов, так и широких слоев коренного населения. Секретарь Средазбюро ЦК ВКП (б) И.А. Зеленский в своем письме, отправленном в январе 1927 г. в политбюро ЦК ВКП (б), откровенно признавался, что Иногамов и его единомышленники «... имеют серьезную опору в партии и массах. Они могут стать сильными, поскольку вокруг них начинают объединяться все партийные элементы».

Средазбюро и ЦК ВКП (б) решительно подняли всю партийную организацию республики на борьбу против «иногамовщины» с целью твердого пресечения «националистических вылазок» ее сторонников. Уже 16 января 1927 г. ЦК КП (б) Узбекистана направил письмо «Всем областным и городским, районным комитетам КП (б) Уз», в котором давалась политическая оценка «иногамовщины», полученная на заседании Исполбюро ЦК КП (б) Узбекистана 12 декабря 1926 г.¹ В нем отмечалось, что политическая платформа «иногамовщины» – широкое предоставление свободы слова всем, вплоть до «контрреволюционных буржуазных элементов»; отрицание «успе-

¹Очерки по истории Коммунистической партии Узбекистана. «Узбекистан», Ташкент. 1964.– С.178.

хов социалистического строительства»; отрицание «руководящей роли союзного пролетариата (в лице партии – *авт.*) в социалистическом строительстве в Узбекистане, приписывание ему колонизаторских функций», взгляд на национальную интеллигенцию как на руководящую силу; «неверие в творческие силы партии» свидетельствуют об отходе группы Иногамова на «позиции классового врага». Это «есть объективное выражение чаяний наших классовых противников, есть выражение мелкобуржуазной идеологии». ЦК КП(б) Уз призвал все партийные организации республики дать решительный отпор новой формации «мелкобуржуазного уклона».

Вместе с тем ЦК КП (б) Уз подчеркнул, что политическая платформа «иногамовщины», являвшаяся воплощением «реакционных взглядов» на сущность национальной политики партии в условиях диктатуры пролетариата, имела «четкую националистическую направленность». Эта оценка была развита в решениях XII пленума Средазбюро ЦК ВКП(б) (январь 1927 г.). В частности, выступивший на пленуме А. Икрамов заявил, что суть «иногамовщины» состоит в том, что ее приверженцы – «это люди, подпавшие под влияние новой растущей мелкой буржуазии, которая проповедует (и ставит задачей) во что бы то ни стало оторваться от Советского Союза». Аналогичные мотивы доминировали и в других выступлениях участников пленума. В итоге XII пленум Средазбюро ЦК ВКП(б) принял резолюцию, в которой провозглашалось, что «иногамовщина, прикрывающая свою национал-шовинистическую сущность леворадикальными фразами и требованиями, представляющими собою выражение чаяний и стремлений радикальных элементов буржуазии и байства...», будучи «националистическим уклоном», представляет «наибольшую опасность»¹.

Надо отметить, что борьба с «иногамовщиной», достигшая кульминации в конце 1926–1927 гг., не только совпала по времени с «разоблачением» «троцкистско-зиновьевского блока», но и носила на себе отпечаток этой борьбы. Вскрытые XV конференцией ВКП (б) (26 октября – 3 ноября 1926 г.) «принципиальная несостоятельность взглядов оппозиционного блока», их «несовместимость» с «ленинизмом», жесткая классово-политическая оценка дали толчок мас-

¹Среднеазиатское бюро ЦК ВКП (б). Резолюции и постановления XII пленума 24–27 января 1927 г. –Ташкент: Уз печать, 1927. – С. 6–7.

совому «очистительному» походу, активизации идеологического наступления на всем союзном пространстве. В Узбекистане объявленный партией в начале 1927 г. идеологический «Худжум» проходил под лозунгом «Мафкура майдонида кураш» – активное наступление на всех участках идеологической борьбы «нового со старым». В контексте его осуществления предусматривалось, наряду с нарастающей чисткой партийных рядов, властно-управленческих органов, общественных организаций от «враждебных элементов», предпринять энергичные усилия по интенсивному проращиванию «ростков социализма» во всей духовной сфере.

Особое значение в этом отношении придавалось уничтожению любых каналов инакомыслия, ликвидации сохранившихся ещё идеологических институтов, способствующих проявлению «несоциалистических форм сознания, в частности религиозного».

Еще одна характерная черта того времени – стремление сталинского руководства «огнем и мечом» вытравить не только оппозицию, но и саму мысль о свободном национальном самоопределении, последовательно трансформировать идеологические методы подавления в политические репрессии. Так, в соответствии с генеральной линией ЦК ВКП (б) III съезд компартии Узбекистана определил в качестве первоочередной задачу «самым решительным образом вести твердую борьбу со всяческими националистическими уклонами как среди рабочих, так и в рядах партии»¹.

Приоритетность этой задачи вновь была подчеркнута в решениях XVII пленума Средазбюро ЦК ВКП (б) (октябрь 1928 г.), констатировавшего вслед за XV съездом ВКП (б), что в среднеазиатских республиках, в том числе в Узбекистане, все еще продолжает сохраняться реальная почва для национализма. «Основными носителями этой враждебной рабочему классу идеологии, – указывалось в резолюции пленума «Об основных моментах борьбы на идеологическом фронте», – являются: а) сохранившиеся, а отчасти растущие в условиях нэпа капиталистические элементы...; б) бюрократические и антисоветские элементы, проникшие в наш советский и хозяйственный аппарат; в) байско-манапские и феодально-родовые слои

¹Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... т.1. – С. 323.

деревни, а также представители религиозных культов»¹. Идеологами и активными пропагандистами этой «враждебной рабочему классу идеологии», отмечалось далее в данном документе, являются «националистически настроенная местная интеллигенция, связанная с торговой буржуазией и пантюркистскими элементами, представители духовенства, остатки старого чиновничества». Выработав с учетом местной специфики практические предложения по усилению борьбы на идеологическом фронте, пленум с особой твердостью подчеркнул, что «в этих условиях требуется исключительное внимание и руководство партии идеологическими вопросами, требуется четкая классовая линия в работе коммунистов на идеологическом фронте»².

ЦК ВКП (б) и его Средазбюро своими документами о «национализме» определили методологические подходы к «разоблачению» конкретных проявлений «националистической идеологии». Они ужесточались на фоне растущего противоборства в эшелонах союзной власти. В частности, именно в то время сталинское руководство выдвинуло положение об обострении классовой борьбы в реконструктивный период. Этот вывод обосновывался тем, что «в условиях переломного этапа в социалистическом строительстве с присущими ему тенденциями ускоренного развития» сам факт широкого развертывания социалистического строительства «объективно вызывает яростное сопротивление враждебных классовых сил». «Пролетарская диктатура на данном этапе, — подчеркивалось в резолюции Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) (апрель 1929 г.) — означает продолжение и усиление (а не затухание) классовой борьбы»³.

Применительно к Узбекистану особое «теоретическое и практическое значение» для дальнейшего углубления идеологического «Худжума» имел вывод XVI съезда ВКП (б) (16 июня–13 июля 1930 г.)

¹ XVII пленум Среднеазиатского бюро ЦК ВКП (б). Резолюции и постановления. —Ташкент: Правда Востока. 1928, 2 сентября.

² XVII пленум Среднеазиатского бюро ЦК ВКП (б). Резолюции и постановления. —Ташкент: Правда Востока. 1928, 2 сентября.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд-е 8-е, дор. В 12-ти тт.—Т.4. —М., 1978. —С.183.

о том, что обострение классовой борьбы в стране обуславливает и активизацию в рядах компартии национальных уклонов¹.

Рассмотренные ЦК ВКП (б) в тесной связи с «разоблачением теории и политики правого уклона» вопросы о «местном национализме», его призыв к ужесточению «нейтрализующих мер» по отношению к «националистической контрреволюции» послужили идейной платформой развертывания кампании по «поиску и уничтожению классовых врагов», переходу к практике политических репрессий в Узбекистане.

Ярким примером данной трансформации может служить «дело Иногамова». Так, после его изучения в Президиуме ЦК КП(б) Уз (январь—октябрь 1927 г.) Р. Иногамову первоначально было вынесено только партийное взыскание. Другие участники его «группы» (Н. Мавлянбеков, Алимов, Шермухаммедов, Ходжаев Н. и Бабаназаров) были «предупреждены о недопустимости каких бы то ни было шагов, направленных к возрождению групповой борьбы в партии». Сам Р. Иногамов был освобожден от работы в ЦК КП (б) Уз и направлен в Кашкадарью. В июле 1929 г. ему удалось пройти чистку в Бех-Будинской (Каршинской) городской организации. Однако в обстановке ужесточения политического климата партийное руководство посчитало необходимым усилить репрессивное давление. Президиум ОКК Кашкадарьинского округа 26 апреля 1930 г. под предлогом, что Иногамов «уклонился от подачи письменного заявления и опубликовании в партийной печати о вредности допущенных им ошибок», отменил решение проверочной комиссии по чистке 1926 г. и пересмотрел ее материалы по «делу Иногамова». Ему был объявлен строгий выговор с направлением на низовую работу, связанную с производством.

В условиях непрекращающегося административно-политического давления Р. Иногамов вынужден был написать в апреле 1930 г. заявление в Средазбюро ЦК ВКП (б) и в ЦК КП (б) Уз с «признанием своих ошибок». Это письмо было помещено в газете

¹КПС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. е 8-е, доп. В 12-ти тт.—Т.4. —М., 1978. — С. 418.

«Правда Востока» 30 мая 1930 г.¹. Партийному руководству важно было не только «выбить признание об ошибках» у Иногамова, но и публично его «идейно разоружить».

Тем не менее борьба против «иногамовщины» не прекращалась. В частности, решением Президиума ЦК КП (б) Уз от 12 ноября 1930 г. был исключен из партии Алимов². В 1931 г. политическим преследованиям подверглись «участники иногамовской группировки»: Н. Мавлянбеков, У. Ишанходжаев и Исамухамедов³.

Ширились гонения и против других представителей национальной интеллигенции. К примеру, в 1926–1929 гг. известный общественный деятель, один из основателей джадидского движения Мунаввар Кори Абдурашидханов периодически лишался властями работы и средств существования. Такой же участи подвергся Фитрат. В конце 20-х гг. были лишены работы и исключены из партии почти все работники бывшей «группы 18-ти». В марте 1929 г. по надуманному обвинению в коррупции и в связях с пантюркистами и панисламистами, а в действительности за противодействие засилью представителей некоренных национальностей в органах суда и прокуратуры, за попытки спасти от расправы национал-патриотов из среды местной интеллигенции были сняты с занимаемых должностей председатель Верховного суда Узбекистана Сагдулла Касымов, члены Верховного суда и Ташкентского городского суда Шарипов, Алимов и судья Мирзачульского суда Мирзакаримов⁴.

Судебный процесс над ними был превращен в политический спектакль с заранее определенным исходом. Ни государственный обвинитель Р. Катанян, ни общественные обвинители не смогли привести ни одного доказательства действительно преступных деяний С. Касимова и его единомышленников. Зато упорно повторялось о «связях» подсудимых с Мунавваром Кари и созданной им партией «Турк адами марказияти», дружбе Касимова с адвокатом, извест-

¹Правда Востока. 1930, 30 мая.

²Правда Востока. 1931, 18 апреля.

³Правда Востока. 1931, 10 апреля.

⁴Хасанов Б.В. Национальная интеллигенция Узбекистана и исторические процессы 1917–начала 50-х годов. –Ташкент: Академия МВД РУз, 2000. – С.78–79.

ным в прошлом джадиде Убайдуллою Ходжаевым, являвшимся якобы уполномоченным представителем выдуманного «Туркестанского национального комитета» в Японии¹.

В конце 1929 г. начались аресты членов национальной подпольной организации «Миллий истиклол» во главе с Мунавваром Кари. Из 85 арестованных членов этой организации 15 были расстреляны, остальные отправлены в исправительные лагеря. К смертной казни и длительным срокам были приговорены члены организации «Миллий иттиход» Рамзи, Насыр Саидов, Бату, Хосил Восилов, Собир Кадыров и др.

Раскрытие подпольных организаций «Миллий истиклол» и «Миллий иттиход» союзные правящие верхи активно использовали для нагнетания политической истерии, развертывания в Узбекистане масштабной кампании по повсеместному «разоблачению» конкретных проявлений некоммунистической идеологии и подавления оппозиционных выступлений, налаживанию бескомпромиссной борьбы с «националистической контрреволюцией», «протянувшей, как писалось в те годы, свои щупальца» к властным органам советской власти — аппарату силовых структур, учреждениям народного образования, печати, литературы и т.д. Все это подготавливало почву для идеологического оправдания и развертывания в республике массовых политических репрессий.

Таким образом, предпринятый в главе концептуально-теоретический анализ позволяет прийти к заключению, что сталинский тоталитарный-репрессивный режим не являлся исключительным явлением в советской истории. Сталинизм исходил из идеологии марксизма и был логическим ее воплощением в живой действительности. Еще духовные отцы коммунистического учения заложили идеологическую мину правомерности тотального насилия, репрессивного переустройства общества, в том числе и в духовной сфере.

Ленинская «культурная революция» целиком исходила из стратегии утверждения тоталитарно-имперского строя, базировалась на концепции государственного терроризма как ведущего метода «революционного» обновления, была нацелена на формирование тотализированной личности, отчужденной от национальных корней и культуры собственного народа.

¹Киптян Р. Против Касымова, против касымовщины. — Ташкент, 1931. — С. 125.

Ярким выражением теории и практики ортодоксального марксизма, политики выдвижения «красной империи» стал режим «военного коммунизма». Предпринятые в то время ленинским правительством насильственные меры по внедрению советской власти, великодержавный шовинизм большевиков, идеологический тоталитаризм российской правящей элиты, силовое насаждение чуждой национальному менталитету социалистической государственности обусловили недопуск узбекского народа к рычагам власти, тем самым лишив его права на свободный исторический выбор и национально-культурное самоопределение. Вооруженная эскалация советской власти, совмещающаяся с коммунистическим государственным терроризмом, определили утверждение в обществе идеологического монополизма, когда одна партия, социалистические институты и союзные политические лидеры навязывали свои взгляды, оценки, идеологические концепции как единственно правильные, блокировали возможности народа по реализации альтернативных путей социально-экономического и духовного прогресса.

Существенно укрепился тоталитарно-имперский строй в годы сталинского деспотического режима. Развивая ленинские традиции и широко используя карательные акции, руководство установило разветвленную систему гласного идеологического надзора над учреждениями культуры и творческими организациями, усилилось вмешательство партии в духовные процессы. В результате культура превратилась в инструмент политики. Место духовной культуры в обществе жестко регламентировалось в соответствии с эгоцентристскими идеологическими интересами и тоталитарными политическими целями.

Под предлогом усиления классовой борьбы развернулись массовые репрессии против национальной интеллигенции, все больше ограничивалась свобода творчества, в «прокрустово ложе» утопического учения укладывалась деятельность научных и культурно-просветительских учреждений, театров, творческих союзов, учебных заведений. Культурная политика того времени была нацелена на тотальную манкуртизацию общественного и индивидуального сознания, на решительное подавление национального самосознания, на воспитание преданных бойцов партии. Сталину удалось путем больших человеческих потерь внедрить тоталитарную модель духовного производства. Но это была пиррова победа. Несмотря на

массовые репрессии узбекский народ никогда не оставлял надежды на национальное и социальное освобождение. Сталинизм сумел заложить мощный механизм торможения во всех сферах общества, в том числе в духовной, но в конечном итоге этот же механизм вызвал системный кризис и падение советского тоталитаризма.

ГЛАВА 2. РЕПРЕССИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ В 1924–1953 гг.

2.1. Политические процессы в сфере народного образования

История свидетельствует, что в рассматриваемый период в развитии среднего специального и высшего образования в Узбекистане имели место известные нам достижения. Как уже отмечалось, широко развернувшаяся в 20–30-х гг. реконструкция народного хозяйства, потребности становления и развития социалистической экономики и культуры, задачи масштабного переустройства общества объективно выдвинули на передний план проблему повышения общей грамотности населения, подготовки квалифицированных специалистов. В соответствии с этим предпринимались энергичные усилия по массовой ликвидации неграмотности, развертыванию сети школ, средних и высших учебных заведений.

Вместе с тем «социалистическая модернизация» образовательной сферы сопровождалась глубокими деформациями. Здесь, как и по другим направлениям советского культурного строительства, отчетливо проявлялись идеологические императивы, активно использовались открытые и завуалированные методы государственного насилия, политического террора¹. Причем на характер их проявлений определяющее воздействие оказывали два фактора.

Первый был связан с самой философией ленинской «культурной революции», определяющей силовое переустройство духовной сферы на социалистических началах. Советская образовательная система вращивалась в послеоктябрьских реалиях на почве идейно-теоретических позиций классовой борьбы, тотального насаждения коммунистического мировоззрения. Осуществляя образовательную

¹См. об этом, например: Тилаватов Ф.У. Политика культурной революции советской власти в 20–30-е годы XX века и ее осуществление в Узбекистане. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент – 2009, Азимов А.Х. Таджикская журналистика в период культурной революции (1929–1940 гг.). Автореф. дисс. ... докт. фил. наук, – Душанбе, 2009; Тургунбаева А.М. Формирование системы народного образования в период культурной революции в Киргизии (20–30-е годы XX века). Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Бишкек 2008.

политику в рамках социалистического наступления, партийно-политическая элита советского государства твердо руководствовалась указаниями Ленина, который подчеркивал, что «школа должна стать орудием диктатуры пролетариата, т.е. не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитывающего влияния пролетариата (читай компартия – *авт.*) на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс, в интересах полного подавления сопротивления эксплуататоров и осуществления коммунистического строя»¹.

Второй фактор обуславливался стратегией и логикой тоталитарной эволюции советского государства, политикой «великого перелома», со свойственными ей крайними формами радикализма и экстремизма, нагнетанием политической истерии и атмосферы «классовых боев»².

В этой связи уместно заметить, что с приходом большевиков к власти советский политический режим изначально получил тоталитарный вектор развития. Экономические предпосылки такого варианта создавались национализацией средств производства, политические – уничтожением оппозиции и инакомыслия. В условиях неповского курса наблюдалось определенное ослабление тоталитарных начал. Политический режим того времени можно характеризовать как авторитарный, который в отличие от тоталитарного создает частичные возможности для выражения социальных интересов, а отношения государства и личности, хотя и построены больше на принуждении, чем убеждении, но без применения средств вооруженного насилия и массовых репрессий.

С разворачиванием же сталинской революции «сверху», утверждением плановой экономики в ходе индустриализации и коллективизации, а также единомыслия и единогласия завершается становление тоталитарного режима (конец 20-х – начало – 30-х гг.), уничтожение экономической свободы индивида, без которой нет ни политических прав и свобод, ни личных прав граждан.

¹ Ленин В.Л. Полн.собр.соч. Т.38. – С.116.

² Красная Заря. 1923, 23 августа.

Контроль ментальности¹, содержания индивидуального и массового сознания – самая важная отличительная черта советского режима, которая обернулась интеллектуальной и творческой несвободой, информационным вакуумом. Именно для утверждения тоталитарного контроля над ментальностью уничтожалась оппозиция и инакомыслие (20-е гг.), а затем в ходе массового произвольного террора утверждалось единомыслие и единогласие, которое сопровождалось формированием «нового типа общественного сознания», путем проведения активной пропагандистской работы в периодической печати².

Именно произвольность репрессий является пугающим фактором, так как никто не застрахован от произвола. Но в страхе долго жить нельзя, страх меняет биохимию организма. И человек, спасаясь от страха, начинает приспосабливаться к требованиям режима в мыслях и делах, иными словами, сливаться, идентифицироваться с существующей системой. Таким образом, основное назначение репрессий – обеспечить идентификацию, слияние индивида с системой³.

Идентификация обеспечивает успех веры в тоталитарный режим, в условиях СССР – веры в социализм. В данном случае вера выступала в качестве оборотной стороны страха, спасения от него, давала так называемые гарантии.

Лишенный гражданских прав человек мог получить их только через обращение к структурам партии и личности вождя, т.к. наиболее характерными чертами тоталитарных режимов является не только жесткий контроль за всеми сферами жизнедеятельности человека со

¹Ментальность – система ценностных ориентаций индивида, побуждающая к определенным действиям.

²Письменный С. На борьбу с классовым врагом на идеологическом фронте : К итогам XVIII пленума Средазбюро ЦК ВКП (б). // За партию 1928. №10, Зеленский И. Задачи партии, соввласти и профсоюзов в Средней Азии. Доклад на Ташкетской новгородской партконференции // Красный рубеж 1925. №2 с.3–12, Письменный С. Основные моменты партийного просвещения в нацреспубликах Средней Азии // Коммунистическая революция. – 1928- №11–12.с. 70-79, Нодель В. Развернутым фронтом в наступление: К итогам XV пленума Средазбюро ЦК ВКП (б).

³Характерные материалы, опубликованные в этом плане в 1930 г. См., например, Правда Востока. 1930, 30 мая, 8,12,24 июня, 27 августа.

стороны партии и государства, но и опора в массах, достигаемая как с помощью идеологического манипулирования и массового террора так и благодаря тому, что эти режимы на каком-то отрезке времени могут быстро решать и некоторые общенациональные задачи¹.

Крайне важной функцией развязанных в сталинское время репрессий выступило дробление, атомизация общества, разрыв всех связей: а) семейных (сына принуждали отказываться от отца, жену от мужа, родственники боялись приютить детей репрессированных и т.д.); б) профессиональных (действовал принцип «больше трех — не собираться»); в) национальных (этноты перемешивались в котле репрессий) и др.

Стремясь установить всеохватный контроль над индивидом и обществом, сталинская администрация уже в середине 20-х гг. объявила «пролетарский поход» в духовную сферу, ориентированный на нейтрализацию всех форм некоммунистического сознания, уничтожение «классовых врагов», в том числе и в системе образования. Применительно к Узбекистану одна из главных задач в этом отношении виделась в классовом пресечении «борьбы байства и духовенства» за школу, обеспечение полной коммунизации образовательного комплекса.

В соответствии с решением этой задачи сразу же вслед за образованием Узбекской ССР союзное руководство нацелило правительство республики, с одной стороны, на расширение и укрепление советской «единой трудовой школы», с другой — на ликвидацию традиционных мактабов.

Во второй половине 20-х гг. попала под удар получившая с переходом к нэпу возможность возрождения мусульманская система образования. Так, состоявшийся в марте 1927 г. II съезд Советов Узбекистана в русле идеологических установок ЦК ВКП (б) поставил конкретную цель: «В ближайшие сроки закрыть конфессиональные школы, не давая им возможности существовать, ибо они являются вредными, ... портят наших детей»².

¹История России с древнейших времен до начала XXI века. Дрофа. Москва, 2005.— С.425.

²Второй съезд Советов рабочих, دهقانских и красноармейских депутатов УзССР. Стеногр.отчет.— Самарканд. 1927.—С.298.

Данный идеологический императив, безусловно, носил репрессивный характер, и его практическая реализация предполагала активное использование методов политического насилия.

Партийно-советское руководство чрезвычайно тревожило, что к моменту провозглашения Узбекской ССР конфессиональная школа количественно превосходила сеть советских школьных заведений. Так, подавляющее число мусульманских старометодных мактабов и медресе приходилось на западные области Узбекистана, ранее входившие в Бухарскую и Хорезмскую советские республики. В 1925–26 учебном году таких школ насчитывалось 1329. В восточных областях, составлявших часть территории бывшей Туркестанской АССР, действовало 250 конфессиональных школ. Между тем число советских школьных учебных заведений в республике составляло только 908¹. При этом местное население, отдавая предпочтение традиционному мусульманскому образованию, материально поддерживало старометодные мактабы, содействовало их открытию, особенно на селе. Например, в 1925–26 учебном году дехканами на свои средства было построено 26, а на следующий год – 39 конфессиональных школ².

Направляя политику атаки на традиционный жизненный уклад местного населения, сталинская администрация потребовала от Наркомпроса УзССР интенсивного проведения в жизнь ленинского декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, обеспечения в системе образования монополии советской модели обучения и воспитания. В контексте реализации данной задачи вновь обрушились гонения на религиозные учреждения, активизировались акции огосударствления вакфов³.

С конца 1925 г. для вакфов, мусульманских мактабов, медресе Узбекистана и всей Центральной Азии начался самый трудный период в их многовековой истории. ЦИК Советов УзССР 14 декабря

¹Народное образование в Узбекской ССР за 25 лет (1917–1949). – Ташкент, 1949. – С.24.

²Второй съезд Советов... – С.297.

³Киселев И. Против бога и религии: / К итогам партсовещания на антирелигиозной пропаганде при агитпропе ЦК КП (б) // За партию.- 1928.- №1, С.84–86.

1925 г. принял специальное постановление о вакфах, которым изменялся порядок их эксплуатации и использования полученных от них доходов. При этом вакфная собственность религиозных культурно-просветительных учреждений объявлялась собственностью государства¹. Эти меры в сочетании с принудительно-конфискационными акциями властных органов серьезно подорвали материальную базу мусульманских мактабов и медресе.

Одновременно велась работа по уничтожению старометодного образования. В 1926 г. было принято правительственное решение о ликвидации в течение двух лет всех старометодных школ или переходе их на унифицированную советскую учебную программу. Учителя конфессиональных мактабов могли пройти курсы переподготовки. Причем средства на эти цели должны были выделять вакфы². Тем не менее, несмотря на ужесточение правительственного курса, старометодная школа сохраняла еще довольно сильные позиции. В 1926–27 учебном году насчитывалось 1305 старометодных мактабов с контингентом 9609 учащихся, 457 карыхона, где обучалось 1484 учеников³. Чтобы реально ослабить конфессиональную школу, в том же году директивными органами было предложено закрыть «старые мактабы» во всех сельских районах, где имелись единые «трудовые школы» и без санкций Округного отдела народного образования не открывать новых. Однако часть мактабов все же не была ликвидирована и действовала подпольно.

В начале 1927 г. ЦК Компартии Узбекистана, по указанию Центра объявил решительное наступление на всех фронтах идеологической борьбы «нового со старым» и, прежде всего, против религиозного сознания. Основываясь на партийно-идеологических установках, правительство республики упразднило в августе 1927 г. Главное вакфное управление и его местные органы, а все вакфное имущество было передано в ведение Наркомпроса Узбекистана. А уже в сентябре 1927 г. все виды вакфов – культурно-просветительные, религиозные были объявлены собственностью местных Советов. Правда, ЦИК и Совнарком республики, лишив мактабы, медресе и мечети

¹Госархив Ташкентского вилаята, ф. 17, оп. 1, д. 48, л. 433.

²ЦГА РУз, ф-94, оп.1, д.569, л.5–6.

³ЦГА РУз, ф-94, оп.5, д.43, л.38.

земли, торгово-ремесленных заведений и помещений, сделали исключение для мечетей, разрешив местным Советам в «установленном порядке», по ходатайству религиозных общин, передавать здания мечетей «для нужд религиозного культа»¹, но параллельно усилилась антирелигиозная пропаганда. Было специально организовано общество «Худосизлар» («Безбожники»), призванное содействовать повсеместному утверждению атеистического сознания.

В ноябре 1928 г. III сессия ЦИК Советов Узбекистана в соответствии с «генеральной линией» партии приняла постановление об окончательной ликвидации конфессиональной школы².

Это постановление явилось завершающим актом последовательного удушения конфессиональной модели школьного образования в послеоктябрьский период: все сохранившиеся еще мусульманские мактабы были закрыты, а количество медресе – резко сокращено. Тем самым методом административно-силового принуждения оказалось закреплено монопольное положение советской модели образования, занимающей приоритетное место в государственном механизме отформовки марксистского мировоззрения и коммунистического воспитания молодых поколений. Уже в 1929 г. количество советских школ достигло 2238, где обучались 157 тыс. человек³.

Завуалированную направленность скрытого идейно-политического насилия носили акции по введению в Узбекистане, как и в других национальных республиках «советского Востока», латинского алфавита вместо арабского, а затем кириллицы. Эти акции ускорили развитие советской модели образования, всего духовного производства.

Надо сказать, что в принципе объективная потребность в «латинизации» узбекской письменности назрела, о чем свидетельствует современная реформа узбекского алфавита.

Дискуссии о целесообразности перевода арабской графики, применяемой в зоне проживания мусульманских народов, на латинский

¹Собрание узаконений УзССР. 1927. – № 28. – С.166.

²ЦГА РУз, Ф. 86, оп.1., д. 4773, л. 15–16.

³Два года социалистического строительства в Узбекистане. Отчет правительства УзССР VI съезду Советов Узбекистана (1929–1930 гг.).– Ташкент, 1936. – С.124.

развернулась еще в начале XX века. Дело в том, что арабская графика была внедрена в ходе арабского завоевания. Арабский алфавит был заимствован в большинстве случаев механически. Он оказался сложным и не соответствовал фонетике национальных языков. Например, система арабских букв слабо передавала систему звуков узбекского языка. Попытки приспособить арабский алфавит с помощью добавочных значков к передаче звуков узбекского языка чрезвычайно затрудняло книгопечатание. Средствами арабского алфавита плохо выражались также оттенки узбекского языка, что затрудняло обучение в школе, тормозило процессы просвещения широких народных масс. Аналогичная ситуация наблюдалась и среди других народов мусульманского вероисповедания. Вследствие этого ряд стран, к примеру Турция, добровольно перешли на латинский язык. Однако в условиях «советского Узбекистана» реформа алфавита приняла явно неадекватные общественным потребностям формы. Она осуществлялась поспешно, волюнтаристски – приказными методами, без должного учета интересов местного населения, что нанесло серьезный урон духовной жизни узбекского народа, усугубив разрыв с его историческим прошлым.

Документальные источники свидетельствуют, что политика ускоренной латинизации определялась рядом факторов. Она рассматривалась союзным руководством в качестве одной из предпосылок подготовки грядущей «мировой социалистической революции». Разрабатывались даже проекты перевода на латиницу русского языка, чтобы легче было установить диктатуру пролетариата в латинизированном Западе. Но в большей мере она была нацелена на утверждение коммунистического атеизма.

Установка Центра на проведение реформы алфавита была принята еще в начале 20-х гг. В целях ее обеспечения в 1922 г. при Наркомате по делам национальностей была создана специальная комиссия по реформе письменности народов «советского Востока». В национальных республиках развернулась соответствующая идеологическая работа. Союзное руководство, пытаясь использовать назревшую потребность в реформе алфавита в своих политических целях, настойчиво внедряла мысль о своей неустанной заботе о национальном развитии бывших колониальных народов. И немало людей искренне верили в эти декларации¹.

¹См.: Алматов В.М. 150 языков и политика. –М., 2000. – С. 58–60.

Руководство СССР уделяло пристальное внимание внедрению латинизированной письменности в Узбекистане. В официальных документах тех лет подчеркивалось: «Как осуществление индустриализации страны невозможно без развития и усовершенствования техники, так и дело культурного строительства в Узбекистане требует для достижения максимального эффекта в нем перевода письменности на новый усовершенствованный узбекский алфавит»¹.

Начиная с 1925 г. в Узбекистане по рекомендации центральных властных органов стали создаваться общества друзей нового алфавита. В 1926 г. на IV сессии ЦИК Советов УзССР был образован Центральный комитет по новому узбекскому алфавиту, председателем которого утвердили Юлдаша Ахунбабаева². Через некоторое время были созданы окружные отделы.

Разработанный Центральным комитетом план обязывал всех преподавателей городских и кишлачных опорных школ первой и второй ступени, а также профтехнических заведений и совпартшкол изучить новый узбекский алфавит «в течение первого триместра 1927–1928 учебного года в объеме, необходимом для преподавания»³. Затем предполагалось охватить учебной основной массу учителей республики.

Согласно директивным установкам намечалось ввести изучение нового алфавита в системе образования со второго триместра 1927–28 учебного года. При этом рекомендовалось вести занятия по узбекскому языку и частично по другим предметам на новом алфавите. Однако учебников, основанных на новой письменной графике, не хватало, поэтому практические занятия шли параллельно на двух алфавитах.

С начала 1928–29 учебного года в общеобразовательных школах и средних учебных заведениях были введены отдельные часы для овладения латинизированной письменной графикой. Учащиеся учились читать и писать на новом алфавите. Одновременно в том же году было введено обязательное изучение алфавита с первого класса

¹ЦГА РУз, Ф. 94, оп.5, д.40, л.24.

²Торжество ленинских идей культурной революции в Узбекистане. –Ташкент, 1979. – С.162.

³ЦГА РУз, ф.94, оп. 5, д. 238, л. 115.

в городских школах I ступени, в сельской местности эта акция стала предприниматься с 1929-30 учебного года. К этому времени было полностью прекращено печатание учебников и учебных пособий с арабским алфавитом¹.

Новый алфавит с 1928 г. организованно изучался служащими всех учреждений. Через два года на него было переведено делопроизводство сначала в городах, позже - в сельской местности. На латинизированный шрифт переводились все издания общественной, научной и художественной литературы².

Предпринятые меры позволили быстро ввести в республике латинскую графику. В историческом плане данная акция, безусловно, была позитивной. Но в условиях социалистической действительности методы ее ускоренного проведения, идеологическая сверхзадача, предполагавшая использование латиницы в качестве вытеснения религиозного сознания, совмещаясь с уничтожением традиционной системы образования, обусловили серьезные негативные проявления. Главное из них заключалось в том, что тотальный отказ от арабской графики привел к утрате связи народа с тем языком, на котором создавалась его богатая древняя культура. Это вызвало негативную реакцию у многих представителей национальной интеллигенции Узбекистана, выступавших за сохранение исконных национально-духовных ценностей, культурного наследия тысячелетнего прошлого.

Такая позиция оценивалась правящими верхами как попытка «феодално-буржуазной реставрации», «сопротивление классовых врагов». Так, в резолюции III пленума ЦК КП (б) Уз (16 октября 1929 г.) «О развитии просвещения в связи с общими задачами социалистического строительства» подчеркивалось: «Борьба за школу, за овладение новым подрастающим поколением со стороны байства и духовенства, агитация их против организации советской школы (классовой, безрелигиозной школы), сопротивление внедрению в массы нового узбекского алфавита – все это является разнообразными видами и формами борьбы против пролетарской культуры со сто-

¹ЦГА РУз, ф. 94, оп.5, д.40, л. 24.

²ЦГА РУз, ф. 94, оп.5, д. 238, л. 117, д. 407, л.7–8.

роны наших классовых врагов»¹. Подобная оценка служила идеологической основой развязывания массовых репрессий, политических гонений как в системе образования, так и по другим направлениям культурной жизни.

Между тем сталинское руководство не ограничилось поспешным введением латинской графики. Уже с начала 30-х гг. в высших властных структурах советского государства стали смещаться акценты в языковой политике в сторону насаждения доминанты русского языка, который призван был стать языком межнационального общения.

Идеологию нового подхода в отношении межнационального языка и национальной политики в целом озвучил И. Сталин в своем выступлении 27 июня 1930 г. на XVI съезде ВКП (б). В частности он заявил: «Надо дать национальным культурам развиваться..., выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в общую культуру с одним общим языком в период победы социализма во всем мире. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, – в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре»².

Прежде всего было решено положить конец экспериментам с русской национальной письменностью. В январе 1930 г. политбюро ЦК ВКП (б) дало указание прекратить разработку вопроса о латинизации русского алфавита, которая ранее рассматривалась как условие приобщения русского и иных языков к «передовой» европейской культуре. 12 лет советской истории превращали этот проект в явный анахронизм. По верному замечанию российского исследователя А.И. Вдовина, «...формально СССР уже являлся страной социалистической (значит, передовой) культуры, а латинизированный Запад – буржуазной (значит, отсталой). Вместе с тем победа мировой революции становилась все более проблематичной и все далее отодвигалась за горизонт обозримого будущего, а объективные интересы

¹Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях ... Т. 1. – С. 488.

²Сталин И.В. Соч., Т. 12. – С.369.

СССР требовали знания единого межнационального языка от всех его граждан»¹.

Обстоятельствами исторического развития таким языком с давних пор становился русский, и власть выступила за признание этой роли вместе с кириллической основой его письменности. Латинизация стала представляться искусственной преградой, загораживающей нерусскому населению доступ к средствам межнационального общения. Преграду было решено устранить, а средство межнационального общения распространить по возможности как можно шире. В октябре 1933 г. комиссия под руководством М.И. Калинина признала по сути бесполезной дальнейшую работу по унификации письменности народов страны на основе латиницы и предложила заменить латинизированный алфавит у народов «национальных окраин» русским алфавитом². Практически перевод на кириллицу всех письменностей народов СССР начался после выпуска постановления Президиума ЦИК СССР от 1 июня 1935 г.³.

Непосредственно в Узбекистане перевод с латинской письменности на кириллицу стал предприниматься в 1937–1939 гг. В какой-то мере такой переход давал определенные материальные и тактические преимущества – русская графика облегчала издание учебников для всех классов школ и иных учебных заведений, их типографское исполнение. При этом следует признать, что латинизированный алфавит, который был принят лишь несколько лет назад, не успел еще стать органически присущим узбекскому языку. С ним так и не осмыслилось старшее поколение, всю жизнь пользовавшееся арабским алфавитом, и не так уж много молодежи получило образование на узбекском языке с латинизированной графикой.⁴

Переход с латиницы на кириллицу внешне был менее болезненным, чем отказ от арабского алфавита. Но по сути данная акция име-

¹Вдовин А.И. Эволюция национальной политики СССР. 1917–1941 гг. // Вестник Московского Университета. Серия 8. История, 2002. – №3. – С.15.

²См.: Горбаневский М.В. В начале было слово... малоизвестные страницы советской лингвистики – М., 1991. – С. 246.

³Алиштов В.М. Указ.соч... – С.87.

⁴«В слове сила». Языковая политика СССР в 20 – 30-е годы. – М, 2008.

ла далеко идущие последствия. Во-первых, очередная смена алфавита привела к тому, что немалая часть населения вновь оказалась неграмотной. Но главное заключалось в том, что закрепление русификации духовного производства в республике осуществлялось в насильственном отрыве самобытной культуры узбекского народа от глубоких национальных корней, его отчуждении от коренных нравственных и духовных ценностей, разрушении национального самосознания. Так, уже в 1938 г. союзным правительством было принято специальное постановление об обязательном изучении русского языка в национальных школах за счет максимального сокращения часов, выделяемых на изучение родного языка¹. В 1940 г. директивно была введена кириллица. Наравне с воздвижением русского языка в ранг государственного данная мера способствовала резкому сужению пространства и возможностей развития узбекского языка. Фактически он низводился до уровня второстепенного, была угроза утраты его оригинальности и самобытности.

Материалы исследования убеждают, что с утверждением сталинского режима углубились деструктивные тенденции в постановке учебно-воспитательного процесса в образовательной сфере, усилились его скрытые классово-репрессивные аспекты. Так, уже на рубеже 20–30-х гг. были предприняты решительные меры по предельной идеологизации всей школьной деятельности, строгой подчиненности дела обучения и воспитания интересам правящей коммунистической элиты.

Особое внимание было уделено классово-пролетарской перестройке учебных программ, повышению роли общественных дисциплин, рассматриваемых партией в качестве действенного средства идейного воспитания и овладения молодежью марксизмом-ленинизмом. Сталинская администрация стремилась унифицировать не только учебные программы, но и методику обучения. Она не столько нуждалась в творцах – воспитателях, сколько в послушных предметниках- функционерах, неуклонно проводящих «генеральную линию» партии².

Одним из ключевых директивных документов, нацеленных на принудительную тотализацию учебно-воспитательного процесса в

¹ Алимова Д.А. Голованов А.А. Указ.соч... – С.61.

²Вопросы воспитания и образования. –М., 1968. – С.124.

учебных заведениях, стало принятие в августе 1933 г. постановления ЦК ВКП (б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе»¹. В нем говорилось о необходимости усиления классовой направленности учебного материала, указывалось на недостаточность марксистского подхода к изучению общественных предметов, подчеркивалась важность изучения истории ВКП (б). Причем, каждый из пунктов этого постановления был ориентирован на усиление идейной зашоренности учащихся, на воспитание школьников в духе ортодоксального марксизма. Этой же цели были подчинены и другие постановления ЦК партии «Об учебниках для начальной и средней школы» (16 мая 1934 г.), «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (16 мая 1934 г.) и др.

Как и в системе школьного образования глубокой деформации подвергся в 30-х гг. учебно-воспитательный процесс в средних специальных и высших учебных заведениях. По мере укрепления сталинского репрессивного режима он все зримее приобретал тоталитарную направленность. Так, немалую роль в укреплении тенденций предельной идеологизации всей постановки учебно-воспитательной работы в образовательной сфере, в том числе вузов и техникумов, сыграл выход в свет в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП (б)», ставший единственным и обязательным источником по истории партии, а фактически и послереволюционного периода страны. В специальном постановлении III пленума ЦК КП (б) Узбекистана (сентябрь 1938 г.) утверждалось, что «Краткий курс» является образцом научной исторической мысли и теории, «...имеет всемирно-историческое значение, поднимает дело изучения истории ... на огромную теоретическую высоту»².

Оценки и выводы, изложенные в «Кратком курсе», несмотря на фальсификацию, стали концептуальной основой всей постановки учебно-воспитательной работы. По существу вся история страны и республики была сведена к изучению истории большевистской партии, которая рассматривалась как подтверждение «силы и жизнеспособности марксистско-ленинской теории», «решающей роли и значения

¹Там же. С.128–135.

²Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... Т.2. – С. 27.

партии в борьбе пролетариата за социалистическую революцию, за диктатуру пролетариата, за коммунизм»¹.

Глубоко политизированными и классово-ограниченными оказались и другие общественные дисциплины, которые подавались исключительно сквозь «практику социалистического строительства», служили целям закрепления догматизированного коммунистического мировоззрения у студенческой молодежи. Так, в 1936 г. ЦК ВКП (б) принял специальное постановление «О перестройке преподавания политической экономии» и «О программе и учебнике политэкономии»². В нем под маской борьбы «против проявлений схематизма и схоластики» в изучении экономической науки указывалось на «неправомерность положения, когда основное внимание уделялось периоду капитализма и недостаточно раскрывались закономерности социализма». Было решено ввести в практику преподавания вместо экономической политики, как это было ранее, курс политической экономии социализма, где приоритетное значение придавалось усвоению студенческой молодежью закономерностей социалистической экономики, якобы имеющих объективный мировой характер.

В подобном ракурсе строилось изучение философии и иных направлений советского обществознания. Причем, в обстановке усиливающейся идеологизации учебной работы, протекаемой на фоне повсеместного нагнетания атмосферы поиска «скрытых классовых врагов», изгонялась живая мысль, в корне пресекались любые попытки обновления методик обучения, которые не укладывались в русло воинствующих классовых представлений. К примеру, разгромной критике подверглось в 1937 г. учебное пособие «Предмет и метод педагогики». Коллектив его авторов был обвинен в том, что они недостаточно резко критиковали «педологические извращения», приводили положительные примеры из педагогического опыта Германии, где к тому времени к власти пришли фашисты. В целях решительного пресечения подобных фактов предлагалась снять с работы весь авторский коллектив и повсеместно проверить в педвузах и училищах содержание лекций по педагогике³.

Такой подход обусловил строгую регламентацию всей учебной работы, смысл которой заключался не в образовании в широком по-

¹ Тридцать лет большевистской партии (1903). – М., 1933. – С.5.

² История политической экономии социализма. – М., 1983. – С.23–25.

³ ЦГА РУз, Фонд Р-94, оп.5, д.2130, л.34.

пимании этого слова, а в коммунистическом воспитании учащихся школ и студенческой молодежи. Отныне советская средняя и высшая школа получала сверху жесткую установку не только по составлению расписания учебных занятий, но и налаживанию всей жизни учебных заведений. Все это выхолащивало учебно-воспитательный процесс, лишало квалифицированных педагогов возможности творчески работать со школьниками и студентами. Политизированные учебные планы и программы придали учебно-воспитательной работе строгость казарменного порядка¹.

Особенно большое внимание уделялось идейно-политической подготовке учителей. Перед учителями ставилась задача «активно и доходчиво разъяснять учащимся сущность и цели национальной политики компартии», разоблачать «происки классовых врагов». А для того, по мысли политического руководства, учитель должен быть сам идейно подкован, твердо стоять на классово-марксистских позициях. Иными словами, учителя, особенно обществоведы, призваны были стать своеобразными идейными надзирателями, активными участниками «классовых боев», приспешниками государственного политического экстремизма.

С учетом этого фактора принципиальное значение придавалось социальному составу педагогов и будущих учителей, подготавливаемых в системе педагогического образования. Так, уже в 1929 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «Об укомплектовании педагогических вузов», в котором указывалось на необходимость улучшить социальный состав этих учебных заведений. Рекомендовалось, в частности, зачислять в педвузы не менее 65%, а в педтехникумы — не менее 80% рабочих и крестьян. В постановлении предлагалось также в первую очередь вовлекать в педагогические учебные заведения батраков и крестьянскую бедноту². То есть на передний план выдвигались не знания и квалификация, а классовая принадлежность, что обуславливало очевидную классовую дискриминацию юношей и девушек — выходцев из непролетарских слоев.

Аналогичная жесткоклассовая линия проводилась и в системе подготовки иных категорий специалистов в вузах и техникумах. В

¹ Аршорун А. Школа на Востоке // Революция и культура. — 1929. — №1. — С. 34–39.

² Известия ЦК ВКП (б). 1929. — № 8–9. — С.18.

30-х гг. сложилась многоступенчатая иерархия, открывавшая доступ к интеллигентским профессиям представителям одних социальных групп и преграждавшая другим. Право на образование имели в первую очередь рабочие и их дети, в последнюю – дети служащих, в число которых входили и работники умственного труда. Так называемые лишенцы вообще не могли учиться в специальных учебных заведениях. Вследствие чего уже в начале 30-х гг. рабочие и их дети составляли более трети выпускников вузов и техникумов (36%)¹.

Классовая направленность среднего специального и высшего образования выразилась также в организации рабочих университетов и рабфаков, куда принимались в первую очередь рабочие. Так, в 1929–1930 гг. на рабфаках обучалось 2155 студентов, в том числе 60,3 % рабочих, 23,5 % дехкан. Еще выше была доля рабочих в рабочих университетах – 81,5 %².

Рабфаки, способствующие притоку рабочих в ряды интеллигенции, тем самым негативно влияли на ее качественный состав. Низкий уровень общеобразовательной подготовки студентов рабфаков не компенсировался приобретением профессиональных знаний. Невысокий уровень общего образования мешал усвоению рабочими профессиональных знаний и навыков.

Открывая с позиций классовой дифференциации дорогу к высшему образованию лицам, не имевшим соответствующего общего образования, рабфаки нарушали принцип социальной справедливости, так как ущемляли права молодежи с законченным школьным образованием, не принадлежавшей к рабочему классу, но более способной учиться в высших и средних специальных учебных заведениях. Однако «пролетаризация» интеллигенции облегчала властям решение задачи по использованию ее в своих политических интересах. Будущие специалисты призваны были быть «воинствующими материалистами, вооруженными марксистско-ленинской теорией, активными борцами со всякими проявлениями враждебной идеологии и классовыми врагами»³.

В первую очередь политическим преследованиям подверглись наиболее образованные и активные в общественном плане люди,

¹ ЦГА РУз, Фонд Р-1619, оп.12, д.179, л.74.

² Два года социалистического строительства в Узбекистане. Отчет правительства УзССР IV съезду Советов УзССР. – Ташкент, 1931. – С.125–126.

³ ЦГА РУз, Фонд Р- 94., оп. 5, д. 767, л. 24–25.

представители интеллигенции, отстаивающие национальные интересы. Образованная, самостоятельно мыслящая интеллигенция представляла особую опасность для сверхцентрализованной, командно-казарменной системы. Расправлялись с лучшими, уничтожая цвет нации, в корне пресекая свободомыслие.

Прежде всего, уже на рубеже 20–30-х гг. политические гонения стали предприниматься против видных руководящих работников Наркомпроса. В период с июня по октябрь 1930 г. были арестованы карательными органами Нарком просвещения республики Манон Рамзи, его заместитель Махмуд Ходиев, известный под литературным псевдонимом Бату, зам. председателя ГУСа и член Коллегии Наркомпроса Баис (Алтай) Кариев, завсектором наук НКП Лютфулла Аляви, член Коллегии Наркомпроса и зав. Андижанским ОКРОНО Насыр Саидов, зав. Главпрофобра НКП Сабир Кадыров и др. Все они обвинялись в контрреволюционной националистической деятельности в системе народного просвещения, а также в убийстве Абида Саидова – главного свидетеля обвинения по процессу бывшего Председателя Верховного Суда УзССР Сагдуллы Касымова. Всего по этому делу проходило 19 человек.

В частности, 8 августа 1930 г. состоялось заседание коллегии Наркомпроса Узбекской ССР и бюро ячейки КП (б) Узбекистана, на котором был заслушан вопрос «О проявлении касымовщины на фронте просвещения»¹. Основной акцент на заседании был сделан на том, что с «переходом к развернутому социалистическому строительству резко обострилась классовая борьба». В этих условиях «классовые враги сознательно устраивались на руководящую работу, чтобы осуществлять контрреволюционную идеологию». Ведущим выразителем данной идеологии в сфере образования назывался Бату. В результате было принято решение «немедленно снять его с работы заместителя Народного комиссара просвещения и исключить из партии». Аналогичные решения были приняты и по другим «фигурантам» сфабрикованного дела.

Вывод коллегии об определяющей роли Бату был не случаен. Он основывался на информации, полученной из Следственного отдела силовых структур УзССР, где Махмуду Ходиеву инкриминировалось обвинение в том, что он являлся инициатором создания «националистической контрреволюционной организации, ставившей целью

¹ЦГА РУз, Фонд Р-94, оп. 5, д. 812, л. 5–12.

подготовку националистических кадров в системе Наркомпроса». Среди других наиболее активных участников указанной организации назывались Маннон Рамзи, Насыр Саидов, Сабир Кадыров и Баис Кариев.

Система принудительных мер была применена в ходе допросов обвиняемых, проходящих по данному делу. Любыми способами следователи заставляли подсудимых дать нужные им «признательные показания», которые зачастую навязывались самими же следователями.

На основании подобного рода сфабрикованных «признательных свидетельств» 31 марта 1933 г. постановлением коллегии ОГПУ М. Ходиев, М. Рамзи, С. Кадыров, Б. Кариев и Насыр Саидов были приговорены к расстрелу. Остальные получили от 5 до 10 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях. Правда, первоначально приговор к расстрелу активистов указанных «контрреволюционных организаций» был заменен десятью годами ИТЛ. Но в последующем Бату и Рамзи будут расстреляны.

Исходя из материалов силовых органов об «антисоветской деятельности в Наркомпросе», Средазбюро ЦК ВКП (б) приняло 27 марта 1933 г. специальное постановление, в котором резко критиковались руководящие работники системы народного просвещения за «политическую близорукость», а также указывалось, что органы НКП «не борются против чуждых элементов, проникающих в высшие учебные заведения и школы».

Это постановление дало толчок развертыванию масштабной кампании чистки преподавательских кадров Узбекистана. К примеру, только в 1933–34 учебном году по классово-идейным соображениям лишились работы около 9% школьных учителей¹.

Следует отметить сотрудников института повышения квалификации кадров народного образования при Наркомпросе во главе с директором Назрулой Иноятовым. Сотрудники института Гасанов, зав. учебной частью Ашрафи Хайдар, составившие новую программу и учебный план, затем сменившие их Сорокин, директор Вахабов, зав. учебной частью Хасанходжаев, преподаватель Нигматов Хикмат, Бахшулла Ходжаев – руководитель управления средними школами Рафиков, главный инспектор Хамидов и др. были репрессированы.

¹ЦГА РУз, Фонд Р-94, оп. 5, д. 1176, л. 34.

Так, наряду с названными деятелями народного просвещения, видной фигурой в составе руководящих работников Наркомпроса, подвергнувшейся репрессиям, стал Усманхан Ишанходжаев. После ареста осенью 1937 г. ему было предъявлено обвинение в том, что «будучи членом коллегии Народного Комиссариата просвещения, а в последствии Секретарем Ташкентского обкома партии и Народным Комиссаром просвещения Туркеспублики, он как член националистической организации «Миллий Иттиход» последовательно проводил в жизнь ее установки, получаемые через Рахимбаева и Тюракулова», которые якобы сводились «к насаждению в совпапарите кадров националистического элемента; захвату руководящих постов в партийном и советском аппарате членами организации «Миллий – Иттиход»; сохранению в органах просвещения «буржуазных националистов», а также «противодействие советской системы образования».

По делу У. Ишанходжаева также были привлечены Захретдин Аглям, Ахунди, Эльбек, Саид Ахмед Назиров и другие представители национальной интеллигенции.

В декабре 1937 г. – 9 января 1938 г. Совнарком и ЦК КП (б) Узбекистана приняли руководящее постановление «О мероприятиях по ликвидации последствий вредительства в системе Наркомпроса УзССР», где говорилось: «...Враги народа, разведчики иностранных государств – А. Икрамов, Ф. Ходжаев, Рамзи, Бату, Карамов, Цехер, Млнжпра через своих ставленников в Наркомпросе УзССР Усманова, Рузиева, Сорокина, Кожухова нанесли трудящимся Узбекистана огромный вред в области народного просвещения. Они всеми мерами пытались оторвать узбекский народ от передового носителя социалистической культуры – великого русского народа, отравить молодежь ядом национализма... Они, с одной стороны, сдерживали изучение русского языка в узбекских школах, лишая возможности изучать произведения Ленина и Сталина по первоисточникам, с другой стороны, сорвали перевод произведений классиков марксизма-ленинизма на узбекский язык»¹.

¹См.: Хасанов Б.В. Национальная интеллигенция Узбекистана и исторические процессы 1917– начала 50-х годов. –Ташкент, 2000. – С. 130.

Данное постановление обернулось гонениями против рядового учительства. Например, в 1938–1939 учебном году были отстранены от работы в школе более 10% учителей¹, что болезненно сказалось на качестве учебно-воспитательной работы.

Следует отметить, что преследовались даже те, кто выступал за привлечение в учительскую среду узбекских специалистов. Так за активную поддержку школьных учителей узбекской национальности был арестован, но чудом избежал расстрела, талантливый руководитель Айимского района Андижанской области Мухитдин Ишанходжаев. Несмотря на то, что на его иждивении находились супруга Шарифа, малолетние дочери Зарифа, Тамилла и Клара, М.Ишанходжаев был отправлен в Ферганскую тюрьму по надуманному обвинению как «враг народа», хотя позже был реабилитирован².

Репрессии, охватившие высшее звено управления системой образования, изначально захватили все ее подразделения.

Так, еще в 1929 г. видный просветитель Муннавар Кори, наряду с обвинением участия в «националистической организации», был осужден за то, что выступал за необходимость действенной коренизации школьного дела, перевода обучения в национальных школах на местные языки.

В 1930 г. органами ОГПУ оказалось искусственно раздуто дело против подпольной антисоветской группы «Асоси Қонун Дўстлари» («Друзья основ конституции»), основанной в сентябре 1930г., целью которой являлось достижение Узбекистаном государственной независимости. По делу одновременно проходили студенты экономического факультета САГУ Агзам Афзалов, Сабир Турсунов, студент САХИПИ Дильшод Сулейманов и выпускник рабфака, брат Бату – Ситдык Ходиев. Им ставились в вину резкая критика национальной политики советской власти, которая по их утверждению «ничем не отличалась от колониальной политики царизма», требования о реальном воплощении конституционного права на свободное национально-государственное самоопределение узбекского народа, осуждение вздувшей волны арестов представителей национальной ин-

¹ ЦГА РУз, Фонд Р-94, оп. 5, д. 3503, л. 77.

² Материалы беседы с Шарифой Ишанходжаевой, супругой М. Ишанходжаева (город Ташкент, 15 января 1995 года).

теллигенции, сопровождаемой истреблением национальных кадров. Участники «группы» были приговорены к заключению – на срок от 8 до 10 лет по статье «контрреволюционная деятельность».

Аналогичные обвинения были предъявлены на закрытом судебном заседании военного трибунала, состоявшемся 30 июня 1936 г. в Ташкенте, директору Ташкентской школы №8 им. А.Икрамова Турабу Кучкарову, Управделами Кизил-Кийского РИКА Маджетдину Мухамедову, студенту Института советского строительства и права Кадыру Исламову, студенту первого курса биофака САГУ–Хибзитдину Хасанову.

В материалах следствия по данному делу отмечалось, что в начале 1933 г. М. Мухамедов и Т. Кучкаров «решили создать контрреволюционную организацию для борьбы с советской властью». В осуществлении «намеченной цели» они «привлекли К. Исламова и Х. Хасанова». В апреле того же года на квартире М. Мухамедова якобы состоялось «подпольное совещание», на котором организационно была оформлена «националистическая организация – «Миллий-Галабият» («Победа нации»), во главе с М. Мухамедовым. Главной задачей этой организации, согласно официальному приговору, являлось «свержение советской власти в Узбекистане и создание самостоятельного буржуазно-националистического государства путем подготовки восстания к моменту возникновения войны между СССР и одним из капиталистических государств и с помощью одного из таких государств».

Предъявленное обвинение в основе своей было надуманным. Даже в материалах следствия констатировалось, что уже в мае 1933 г., то есть через месяц после «создания организации», ее «главный руководитель – Мухамедов» был осужден органами ОГПУ «по другому делу сроком на 5 лет». В связи с чем «Миллий-Галабият» прекратила свою практическую работу». Тем не менее за «продолжающую пропаганду ее идей» М. Мухамедов оказался осужден на 10 лет, остальные члены – на 8 лет.

В марте того же года Спецколлегия Верховного суда УзССР по стандартному обвинению в «контрреволюционной деятельности» приговорила к длительным срокам заключения группу работников ряда школ республики. В их числе директор школы № 77 г. Ташкента Иргаш Шакиров, преподаватель Мансурбек Худоярхонов и др. При

этом особо подчеркивалось, что М. Худоярханов, будучи «внуком Кокандского хана, т.е. выходцем из социально чуждой среды, ... резко выражал контрреволюционные и националистические настроения, пытаясь создать в этой среде недоверие к существующему строю и советской власти». В обвинительном акте указывалось, что подсудимые «расценивали политику партии и советского правительства как колонизаторскую, направленную на открытое ограбление трудящихся масс»; «распространяли провокационные слухи, нацеленные на дискредитацию мероприятий советской власти в форме анекдотов»; «срывали идейно-политическую работу среди учащихся».

Ширились карательные меры и в системе средних специальных и высших учебных заведений. Например, в декабре 1932 г. была арестована группа педагогов и учащихся сельскохозяйственных техникумов г. Самарканда. Среди них преподаватели – Сулейман Амиров, Алимбек Кадыров, Миртимур Турсунов, Рахманкул Джуманов, Мухамеджан Сабиров; учащиеся – Хамид и Хаким Кадыровы и др.

Обоснованно критиковалась «оппозиционерами» политика внедрения классового принципа в литературу и искусство. Показательна в этом отношении описываемая в «деле» беседа на одном из гапов, где С. Амиров с горечью констатировал: «Искусство коммунисты считают классовым, а потому стремятся его уничтожить под той же меркой «буржуазности». Возьмите, например, музыку. Что может быть классового в тех или иных нотах звука. Во времена свободного развития наций, искусство как узбеков, таджиков, так и других представителей коренного населения стояло очень высоко, особенно музыка. А сейчас все это гибнет, даже национальные мотивы признаются «чуждыми». Затем, «...Алимбек и Сулейман стали декламировать отдельные выдержки из националистических произведений Чулпана и Навои. Бахром Ибрагимов пел старинные националистические песни, а преподаватели из садоводческого техникума исполняли националистические музыкальные номера, отражающие рабское состояние нации».

На тех же гапах неоднократно остро критиковалась экономическая политика компартии, особенно в сфере аграрного производства, в частности коллективизация с ее последствиями, насаждаемая монокультура хлопчатника и др. По материалам следствия все обвиня-

смые по данному делу были осуждены на срок до 10 лет пребывания в «исправительно-трудовых лагерях».

Еще больший размах приобрела практика политических репрессий во второй половине 30-х гг., когда поиск «классовых врагов» принял тотальный характер. Соответственно ужесточились и меры наказания, все чаще выносился приговор – расстрел.

Одним из таких широко разрекламированных явилось «дело» учителя литературы Отдела узбекизации при Кокандском ГорОНО Ашурали Захири, арестованного в сентябре 1937 года. Это дело – яркий образец идеологической схемы карательных действий властных структур по нагнетанию атмосферы обострения «классовых боев».

Так, в обвинительном заключении, предъявленном Захири, подчеркивалось, что еще в 1917 – начале 1918 г. он, будучи редактором газеты «Эль-Байроги», активно участвовал в работе правительства «Кокандской автономии», а затем стал одним из организаторов «басмаческого движения». В 1921 г. Захири вступил в «контрреволюционную националистическую организацию «Миллий Иттиход», в рядах которой «активно добивался вооруженного свержения советской власти».

За «антисоветскую деятельность» Ашурали Захири был арестован в 1930 г. и осужден на 10 лет. Однако, как указывалось в материалах следствия, он «оставался на прежних позициях». Потому «по возвращении из лагерей в 1936 г. сразу же включился в контрреволюционную работу», пытаясь «создать новую националистическую организацию». Документальные источники свидетельствуют, что Захири отклонил многие выдвинутые против него обвинения, особенно по последним инкриминированным эпизодам. Тем не менее, в срочном порядке он был осужден и 28 декабря 1937 г. расстрелян.

По аналогичному сценарию были скроены органами НКВД дела арестованных в сентябре 1937 г. учителя средней школы г. Самарканда Исмадуллы Рахматуллаева и учителя женской средней школы г. Халкабада Бетретдина Сайдрасулева.

В частности, И. Рахматуллаеву было поставлено в вину то, что, будучи джадидом, он в 1914 г. создал собственную новометодную школу «Дарул-Саодат», действовавшую до 1917 г. Одновременно в течение 1917–1918 гг. состоял членом двух культурно-просвети-

тельских обществ «националистической направленности» – «Нашри Муариф» и «Анджумани Муариф». Далее, став членом «Миллий Иттиход», выполнял «поручения этой контрреволюционной организации по развертыванию антисоветской пропаганды в системе школьного образования». И. Рахматуллаев настойчиво доказывал, что никогда не состоял в «Миллий Иттиход» и «антисоветскую пропаганду не проводил». Но карательным структурам важно было как можно шире представить «заговорщическую» сеть «замаскированных классовых врагов». И. Рахматуллаев был приговорен к заключению в ИТЛ сроком на 10 лет.

Учителя неполной средней школы Куйбышевского района КК АССР Б. Сайдрасулева обвинили в еще более тяжких «преступлениях». В предъявленном ему обвинительном постановлении Военной коллегии Верховного суда Союза ССР под председательством Бригвоенюриста Алексеева утверждалось, что «Сайдрасулев с 1925 г. был активным участником антисоветской, националистической, повстанческой, а позднее террористической и диверсионно-вредительской организации, действовавшей в Каракалпакской АССР и ставившей целью свержение советской власти, отторжение республик Средней Азии от СССР и создание буржуазного государства; был организационно связан с одним из руководителей названной организации Саьдуллаевым, полностью разделяя ее террористические методы борьбы в отношении руководителей ВКП (б) и советского правительства».

Выдвинутое обвинение было явно надуманным, о чем наглядно свидетельствует та часть приговора, в которой рассматривалась «подрывная деятельность» Сайдрасулева. В частности, согласно следственным материалам, он осуществлял акции, которые просто не под силу даже ответственному работнику. На основе этих нелепых обвинений Б. Сайдрасулев был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией имущества. Приговор был немедленно исполнен.

Документальные источники свидетельствуют, что подобная практика грубой фальсификации и надуманных наговоров носила повсеместный характер. Ведь правящие верхи Союза настойчиво требовали «материального» подтверждения сталинской формулы «обострения классовой борьбы». Действовал даже план-разверстка

по привлечению к «пролетарскому суду» «замаскировавшихся врагов». Причем он регулярно пересматривался в сторону динамичного роста количественных показателей. Например, ЦК ВКП (б) принял 31 января 1938 г. специальное секретное постановление, в котором определялось дополнительное число подлежащего репрессиям «активного антисоветского элемента» по краям и республикам страны. Касаясь Узбекистана он включал 1500 человек.

О методах, применяемых сотрудниками силовых структур в то время, можно наглядно судить по жалобе Рахимы Исламовой, направленной в июне 1941 г. в Президиум Верховного Совета СССР. В ней сообщалось, что 28 января 1938 г. она была арестована Митанским райотделом НКВД Самаркандской области по обвинению «участия в антисоветской буржуазно-националистической, террористической и диверсионно-вредительской организации», по заданию которой якобы проводила националистическую пропаганду среди молодежи.

Р. Исламова, которой на момент ареста исполнилось всего 19 лет, являлась секретарем Митанского РК ЛКСМ, курировала учебные заведения. Как указывается в ее заявлении, «... арест мне казался недо-разумением. При допросе начальник райотдела НКВД Федяев задал вопрос: «Кто вас вербовал в террористическую организацию?» Я не могла удержать слез, заплакала и ответила, что я член комсомола и не могу позволить такие вещи. Федяев заявил, что если я не признаюсь, то никогда не буду выпущена... Я не могла ответить, потому что не знала такой организации. После чего в течение 11 суток мне не давали спать, есть. Я голодала, меня били, ругали. Я была измучена, готова была отказаться от жизни, теряла сознание. И в таком состоянии была вынуждена подписать какую-то бумагу, написанную на русском языке, которого я тогда не знала, а переводчика не давали. И в последующем все следствие велось на русском языке.

До 1 октября 1938 г. я сидела в Самаркандской тюрьме, затем была переведена в Ташкент, где вновь начались мучительные допросы. Мне предложили признать себя виновной и подтвердить... Я отказалась. По приказанию Наркома внутренних дел УзССР Д.З. Апресяна меня бросили в сырой карцер, где я мучилась 13 дней. Потеряла силы, человеческий облик... 15 октября 1938 г. в 11 часов предложили мне пойти на комиссию, в составе которой было несколько военных. Они спросили, признаю ли я себя виновной. Я от-

ветила: «нет». Через 5 минут был объявлен приговор о заключении меня в ИТЛ сроком на 8 лет с конфискацией имущества».

Подобным способом конструировались практически все раздуваемые тогда судебно-политические процессы, основанные на моральном и физическом подавлении людей, нацеленные на нагнетание атмосферы раболепия, укрепления государственного абсолютизма и имперских опор советского строя. При этом формулировка «классовая угроза» намеренно ужесточалась. Так, широко распространенные в Узбекистане обвинения в «буржуазном национализме» все теснее увязывались с «террористической деятельностью» и «шпионажем». Поводом к навешиванию ярлыка «агент международного капитала» могло послужить знание любого иностранного языка, пребывание за границей даже в досоветское время, обучение в зарубежных странах, которое еще в начале 20-х гг. допускалось и др.

Например, в октябре 1937 г. был арестован преподаватель Мумин Туляганов, обучавшийся в свое время в Берлине. Он обвинялся в том, что в период учебы «вступил в контрреволюционную организацию «Озод Туркестон». Используя изощренные методы допроса, следователи УГБ НКВД Узбекистана вынудили его «признать», что практическая деятельность данной организации «заключалась в пропаганде националистических идей среди студентов». С этой целью якобы «систематически созывались собрания участников организации, издавались националистические журналы, распространялись всякие провокационные сведения о советском строе». Причем, согласно принудительным «показаниям», «Мустафа Чокаев и Заки Валиди неоднократно выступали на собраниях со злобными клеветническими речами против Советского Союза, внедряя в сознание участников организации необходимость борьбы за отторжение Туркестана от СССР, создание в Туркестане независимого пантюркистского государства. Студентам прививалась ненависть к советской власти и внушалась необходимость борьбы с ней всевозможными средствами. Среди студентов распространялся журнал «Янги Туркистон», издаваемый Заки Валиди».

Далее, «раскрывая» по предложенной чекистами версии взаимосвязи «антисоветской организации «Озод Туркестон» с контрреволюционными националистическим подпольем в Узбекистане», Мумин Туляганов «засвидетельствовал», что «руководители «Озод

Туркестан» поддерживали постоянную связь с контрреволюционными кругами Узбекистана через приезжавших в Берлин националистов: Файзулла Ходжаев (1922), Рыскулов Турар (1924), Маджид Кадыри и Халмухамед Ахунди (1926 г.)). Туляганов Мумин был расстрелян как «немецкий шпион».

По аналогичному сценарию было скроено дело об организации «контрреволюционной организации» в Андижанской области. Так, согласно обвинительному заключению, составленному 5 ноября 1937 г. начальником 3-го отдела Андижанского сектора НКВД УзССР ст.лейтенантом госбезопасности Бергом, в Андижане в течение многих лет действовала «националистическая группировка», которая «имела связь и поддержку в своей антисоветской работе со стороны разоблаченных... врагов народа: А. Икрамова, А. Каримова, А. Сулейманова («Чулпан»), Бату, Рамзи, Фитрата и др»¹.

Имея якобы «одной из своих задач – распространение контрреволюционных буржуазно-националистических идей среди населения, в частности среди учащейся молодежи, контрреволюционная группировка через свою агентуру (М. Вахабов –завкультпром) Андижанского Горкома КП (б) Уз расставила своих единомышленников в школах». В их числе назывались преподаватели Хасанзан Ниязов, Бурхан Машраби, Баки Махмудов, Ходжи-акбар Муминов, Аскар Каюмов, Домулладжан Фахретдинов, Файзулла Султанов, Султан Махмуд Халбатыров и Абдушукур Хакимов².

Главными пунктами обвинения против них выдвигалось то, что являясь активными участниками подпольной организации «Миллий-иттиход-ислам», они «...высказывали враждебные контрреволюционные суждения о советском правительстве и руководителях ВКП (б); распространяли клевету на ленинско-сталинскую культурную политику, в том числе в сфере народного образования; выражали свои симпатии диверсантско-шпионским планам врагов народа, троцкистско-бухарским и буржуазно-националистиче-

¹См.: Репрессия. 1917–1938 годы. Документы и материалы. Вып.1. –Ташкент: Шарк, 2005. – С.128–149.

²См.: Репрессия. 1917–1938 годы. Документы и материалы. Вып.1. –Ташкент: Шарк, 2005. – С.129, 131,133–135, 139–140, 147.

ским бандитам и стремились создать самостоятельное государство «Мусульман-абад»¹.

Все из названных преподавателей согласно преступным законам того времени, были расстреляны, либо заключены на долгий срок в исправительно-трудовые лагеря.

Такая же участь постигла Хикмата Нигманова, который с 1927 по 1932 г.г. являлся аспирантом Института истории Средней Азии, с 1934 по 1937 г.г. был директором Института Совправа, а с мая 1937 г. — доцентом заочно-педагогического института. Он был репрессирован 5 ноября 1937 г. по обвинению в участии в Бухарском филиале национальной организации «Миллий Иттихад», а также за связь с Ф. Ходжаевым.

Другим из нашумевших процессов тех лет, связанных с системой образования, стало так называемое «дело» профессора кафедры языка Ташпединститута Газы Галима Юнусова, арестованного в июле 1937 г. В обвинительном заключении, предъявленном ему в декабре того же года, подчеркивалось, что будучи на учебе с 1909 по 1913 г.г. в Турции, а в 1914 г. в Каире, он получил «националистическое воспитание» и стал на позиции «пантюркизма». По возвращении из Турции Г. Юнусов «...установил связи с местными буржуазными националистами: Мунаввар Кары Абдурашидхановым, Низаметдином Ходжаевым, Сагдуллой Турсунходжаевым, вместе с которыми проводил буржуазно-националистическую работу».

Далее отмечалась, что «октябрьскую революцию Г. Юнусов, как буржуазный националист, встретил враждебно. В 1918 г. он (якобы — *авт.*) создал националистическую организацию «Турк учаги», возглавил ее и в том же году выехал в Турцию для установления связи с турецким правительством.

Получив от премьер-министра Талаат Таши и от министра безопасности Азиз Бея установку о развертывании контрреволюционной работы и о подготовке восстания, Юнусов Г. вернулся в СССР и вошел в созданную к тому времени националистическую организацию. В интересах данной организации и для подрывной деятельности внутри Туркестанской партийной организации Юнусов Газы вступил в РКП (б)».

¹Там же. — С.128–149.

Согласно официальной версии, «... в руководящее ядро организации вошли, кроме Г. Юнусова, Атаджан Хашимов, Фитрат и Булат Солиев». При этом А. Хашимов, занимая пост Председателя Комитета наук и одновременно являясь членом правления Союза советских писателей, будто бы «осуществлял влияние националистической организации на органы Наркомпроса, печати, издания и искусства; Фитрат обеспечивал влияние в литературе, Булат Солиев на историческом фронте; Газы Галим Юнусов – в области языкового строительства и в учебных заведениях».

В вину Г. Юнусову ставилось, что «... прикрываясь партийным билетом, он вел двурушническую работу, направленную на отторжение Узбекистана от Советского Союза, выразившуюся в пропаганде идей буржуазного национализма при преподавании в вузах и в вербовке новых членов организации». В частности, указывалось, что «лично Юнусовым были обработаны и вовлечены в контрреволюционную организацию аспиранты Института языка и литературы Камалов, Фахли, Турсун Ибрагимов, Сафо Зуфари и преподаватель Бухарского учительского педагогического института Миян Бузрук Салихов».

В материалах следствия неоднократно отмечалось, что члены организации особое внимание уделяли «воспитанию из среды молодежи контрреволюционных националистов». С этой целью, «помимо общего распространения идей буржуазного национализма на лекциях и выступлениях» они якобы «занимались прямым вредительством в области народного образования». В качестве примера называлось то, что «участник организации Каюм Рамазанов выпустил учебник родного языка («Морфология») для узбеков, в котором пропагандировались идеи буржуазного национализма и пантюркизма». Иргазиев, будучи инструктором по средней школе Наркомпроса, способствовал «внедрению в умы школьников националистических идей» посредством «составления соответствующих программ по родному языку». Миян Бузрук Салихов, «бывший сыном муллы, на занятиях критиковал советскую систему образования», говорил об «ущемлении узбекского языка».

В обвинительном заключении указывалось, что «Г. Юнусов в 1935 г. был завербован английским резидентом в Ташкенте профессором Машковцевым А.Ф. и по его поручению вел шпионскую ра-

боту в пользу английской разведки», «собирал шпионские сведения о стратегических дорогах на Таджикистан и Памир».

К моменту ареста А.Ф. Машковцев заведовал кафедрой языка в Промакадемии. Он обвинялся в том, что на факультете иностранных языков создал кружок «Любителей Англии», члены которого будто бы проводили «англофильскую работу среди интеллигенции и студентов», организовывали кружки по изучению английского языка в учебных заведениях «с целью внедрения англофильских настроений и пропаганды идей сближения Средней Азии с Индией».

Среди участников кружка «Любителей Англии» назывались этнограф и преподаватель таджикского языка М.С. Андреев; преподаватель иранской литературы, бывший начальник канцелярии Туркестанского генерал-губернатора А.А. Семенов; профессор географии и бывший глава городской думы в Ташкенте Н.Г. Малицкий, преподаватель П.Е. Кузнецов и др.

Касаясь же настоящего дела, следует указать, что с учетом данного факта в материалах следствия подчеркивалось, что Машковцев опирался на «широкий круг англо-агентов». Так, например, «через географа Архангельского он получал сведения о географических изменениях в республиках Средней Азии, через работника Госбиблиотеки Бехтерева ... получал статистические данные об экономике и производстве», которые «передавал английской разведке через Афганское консульство в Ташкенте».

Мотивы «вербовки» Г. Юнусова объяснялись тем, что «группа Машковцева состояла из европейцев и она нуждалась в помощи националов». Решение этой задачи было возложено на Г. Юнусова. Он, согласно следовательский версии, «вел англофильскую пропаганду среди националистов, посылал в Промакадемию преподавателей-националов, проводивших среди студентов националистическую работу, а также лично привлекал к шпионской работе участников националистических организаций». В числе последних назывались библиотекарь Государственной публичной библиотеки Шахид Исан Мусаев, секретарь Узбекского терминологического комитета Амири, преподаватель Бухарского педагогического института Миян Бузрук Салихов и др.

Суд над обвиняемыми по делу Газы Галим Юнусова был скорый. Судебное заседание продолжалось всего 20 минут. Он совместно с А.Ф. Машковцевым, Ш. Мусаевым, М. Салиховым и многими

другими участниками процесса был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 4 октября 1938 г. Была также арестована жена Г. Юнусова – Валентина Ивановна Юнусова по обвинению в «укрывательстве врага народа», а четверо их малолетних детей были направлены в спецдетдом.

Основываясь на надуманных обвинениях во вредительстве и буржуазном национализме, карательные органы по существу подвергли разгрому весь преподавательский коллектив ТашГПИ. В частности, репрессиям подверглись ректор Заргаров, проректор Романов, преподаватели Аббасалиев, Бабаев, Нурматов, Расулов, Шамсиев и другие. Студентка Самигулина была исключена из института за «антисоветские высказывания»¹. Были изъяты программы и учебники по истории узбекского языка. Во время «очищения от контрреволюционной скверны» Ташкентскому педагогическому институту было присвоено имя главного чекиста страны тех лет – Ежова².

Под категорию «вредительства» в вузах подводили организацию новых кафедр и факультетов, где потом оказывалось недостаточно преподавателей или была бедной учебно-материальная база. Чтобы сообщить в рапорте о своей бдительности и преданности «делу партии и лично тов. Сталину», руководством Наркомпроса проводились проверки в учебных заведениях по различным аспектам учебно-воспитательного процесса. При этом «летели с плеч головы» добросовестных работников, виноватых лишь в том, что научная и учебно-материальная база высшей и средней специальной школы была еще чрезвычайно бедной. Под лозунг борьбы с «вредителями» и «врагами народа» подводились документы, полные трескучих псевдопатристических фраз, фактически дезорганизирующих нормальную работу учебных заведений. В результате и без того чрезвычайно бедная квалифицированными кадрами система подготовки учителей, преподавательский состав вузов и техникумов понесли серьезный урон. Так, в Хивинском педтехникуме были сняты с работы «по социальным мотивам» Д. Бакиров – как сын ахуна, Ю. Ахмедов – за «идеологическую невыдержанность» – совершение намаза; С. Артыков – из семьи «крупного духовника» и т.д. Они обвинялись в «искривлении

¹ ЦА РУз, Фонд Р- 94, оп. 5, д. 2650, л. 12.

² ЦА РУз, Фонд Р-94, оп. 5, д. 2650, л. 37–39, 51–53.

классовой линии в преподавании», применении «буржуазно-реформистских методов»¹.

Политическая подкладка была подведена и под «разоблачение псевдонауки» – педологии. Еще недавно превозносившиеся до небес рекомендации педологов были объявлены «буржуазным извращением» и авторов работ по педологии заставляли каяться во всех смертных грехах, а студентов – «разоблачать» их с позиций пролетарской принципиальности. Подобному разгрому подвергся, к примеру, профессор Бендриков, автор известных работ по истории народного образования в Узбекистане. На него обрушилась волна критики со стороны ортодоксально настроенных преподавателей и студентов, которые обвиняли заслуженного ученого в том, что он «допускал возможным учиться у наших врагов»².

Волна сталинских репрессий захлестнула также Узбекский научно-исследовательский институт педагогики, в задачу которого входила разработка актуальных проблем педагогики, новых учебных программ, учебников и методических пособий, оказание помощи в подготовке и совершенствовании педагогического мастерства преподавательского корпуса республики. Во второй половине 30-х гг. были «разоблачены» и объявлены «врагами народа» многие талантливые национальные педагоги. В их числе Башулы-Ходжаев, Гиязов, Ашрафи, Шамсутдинов и др.

В период 40-х гг., особенно после вступления СССР в советско-германскую войну, волна репрессий в системе народного образования спала, но механизм политических гонений продолжал действовать. В частности, в декабре 1941 г. была арестована группа преподавателей г. Бухары, обвиненных в «антисоветской деятельности». Среди них учитель школы им. Ахунбабаева Раджаб Заде Нияз, учитель школы им. Сталина Шариф Бакиев, преподаватели педучилища № 15 Ариф Абдуллаев, Умар Клычев, Мирхан Саиджанов. В заключительном обвинении по их делу отмечалось, что, будучи «еще с 20-х гг. идейно связанными с националистической организацией «Иттиход Ислам», они в 1940–1941 гг. систематически устраивали контрреволюционные сборища из числа преподавателей и учащихся, где проводили антисоветскую агитацию пораженческого и клеветнического характера».

¹ЦГА РУз, Фонд Р-94. Оп. 5, д. 340, л. 139.

²ЦГА РУз, Фонд Р-94, оп. 5, д. 1420, л. 93.

Как и описанные выше дела, обвинения против бухарских педагогов были огульными. По сути главными пунктами обвинения явилось то, что во время гапов их участники «высказывали сожаление по поводу ареста писателей Абдуллы Кадыри, Фитрата, Чулпана, восхваляли их произведения». А также пытались разобраться в причинах неожиданного отступления советских войск в первых оборонительных боях. Тем не менее, согласно приговору Бухарского областного суда от 17 ноября 1942 г., У. Клычев и М. Саиджанов оказались приговорены к 10-ти годам лишения свободы, Раджаб Заде Нияз и Ш. Бакиев – к расстрелу. А. Абдуллаев, не выдержав допросов, умер в тюрьме до рассмотрения дела в суде.

В заключение параграфа следует подчеркнуть, что в рассматриваемый период политический террор явился неотъемлемой составной тоталитарной трансформации системы народного образования. Он облекался в разные формы: меры по ликвидации традиционного конфессионального образования и силовому закреплению монополии советской школы; принудительные методы по осуществлению реформы национальной письменности, в ходе которой дважды за короткий срок сменился алфавит; тотализация учебно-воспитательного процесса в учебных заведениях, внедрение классового принципа в систему подготовки будущих учителей и иных категорий специалистов в вузах и техникумах; разгул массовых репрессий.

Все эти акции, идейно вытекающие из ленинской доктрины «культурной революции», были нацелены на подавление национального самосознания, уничтожение независимого мышления, на отформовку преданных коммунистическому режиму молодых поколений, отчужденных от духовно-нравственных корней своего народа и призванных твердо воплощать чуждые своим духовным ценностям идеи.

2.2. Культурно-просветительские учреждения и их роль в коммунистической идеологизации общества

В осуществлении планов системной эскалации коммунистической идеологии принципиальное значение отводилось большевистским руководством налаживанию массовой культурно-просветительской и политико-воспитательной работы. Культурно-просветительские учреждения, по словам Ленина, должны были

стать ведущими государственными органами пропаганды коммунизма, опорными пунктами в деле идейной закалки, марксистского просвещения и коммунистического воспитания масс. Он разработал теоретические основы и программу практической деятельности культпросветучреждений по насаждению «пролетарской» моноидеологии¹.

Между тем к моменту Октябрьского переворота в Туркестане действовала разветвленная сеть разнообразных очагов культуры и просветительских учреждений. Особенно широкий размах их организация приобрела после победы февральской демократической революции. В частности, вдохновленные идеей «культурно-национальной автономии», джадиды создали национальную организацию «Шурои-Исламия», филиалы которой действовали по всему краю. Кроме того, повсеместно создавались небольшие национальные группы и общества либерально-демократического толка. Так, в первые месяцы революции в одном только Ташкенте было образовано около 20 таких организаций и кружков².

5 марта в старом городе Ташкента по инициативе национальной интеллигенции был создан «Комитет туземцев», 8 марта – общество учителей, врачей, приказчиков, служащих. В Андижане образовались такие общества, как «Озод халк» («Свободный народ»), «Хуррият» («Свобода»), «Марифат» («Знание»), «Муфтахаль-маориф» («Ключ к просвещению»), «Маорифат ва шариат джамияти» («Общество свободы, просвещения и шариата»), «Илятия» («Кочевник»), в Намангане – «Джамият исламия» («Общество исламистов»), в Каттакургане – «Равнакуль-ислам» («Развитие ислама»), «Иттихад ва тараки» («Единение и прогресс»), в Ходженте «Муила-талибин» («Организация студентов»), в Самарканде – «Мураввадж-уль-ислам» («Развитие ислама»).

Эти общества ставили своей целью просвещение народа, открытие новых школ, устройство библиотек и читален, издание газет на национальном языке, ознакомление населения с политическими событиями и т.д.

¹К народностям советского Востока. Обращение (ЦИК Союза СССР) к народностям, населяющим национальные республики области Советского Востока // Коммунистка. – 1925. – №3. – 3-5.

²Кенгаш. 1917. 19 июля.

Многие мусульманские организации и общества начали издавать свои периодические печатные органы. В Ташкенте, например, выходили газеты: «Туран», «Турк-эли» («Родина тюрков»), «Наджат» («Освобождение»), позже преобразованная в «Кенгаш» («Совет»), «Шуро-ислам» («Совет Ислама»), «Улуг Туркестон» («Великий Туркестан»), в Самарканде – «Хуррият» («Свобода»), в Бухаре – «Бухоро-и-Шариф» («Священная Бухара»), в Коканде – «Садои Фаргона» («Голос Ферганы»), «Тирик суз» («Живое слово»), журнал «Хуррият», в Фергане – «Фаргона нидоси» («Призыв Ферганы»)¹. Все эти газеты и журналы на своих страницах пропагандировали идеи национального единства, свободы, социальной справедливости.

Иными словами, при всех противоречиях «февральского обновления» наблюдались реальные демократические процессы, способствующие росту национального самосознания, развёртыванию национально-освободительного движения.

С установлением советской власти все национальные организации были обвинены в «буржуазном национализме», «панисламизме» и «пантюркизме» и запрещены. А многие видные представители национальной интеллигенции подверглись политическим гонениям².

¹ЦГА РУз, ф.и.-22, оп.1, д.1343, л. 39, 90.

²Характерны документы этой эпохи, определявшие политические репрессии. См, например, РГАНИ. Ф.107. Оп. 1. Д. 48. Л. 42-90. Документ №13 Протокол № 11 заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х гг., с приложениями 29.05.1990 РГАНИ. Ф. 107. Оп. 1. Д. 48. Л. 42-90. Подлинник. Машинопись. Опубликовано в сокращенном и отредактированном варианте: Известия ЦК КПСС. 1991. -№ 3. С. 75–85. 2001–2010 Архив Александра Яковлева. – <http://www.alexanderyakovlev.org/personal-archiv> т. См. также Мустафо Базаров. Советская религиозная политика в Средней Азии. 1918–1930 гг. Роль России в подавлении Джадидского движения. Шерали Турдиев, старший научный сотрудник Института литературы им.Алишера Навои АН Узбекистана. (Переписала из архива КГБ Узбекистана дочь Саида Ахрари – переводчик, член Союза писателей СССР Халида Ахрари, 18.XI.91 г.). Роль России в подавлении Джадидского движения (по материалам архива СНБ Узбекистана).

Решительное преследование религиозных и «буржуазно-националистических» культурно-просветительских учреждений переплеталось с акциями «социалистического обобществления» ранее существовавших «очагов культуры», их переориентации на службу упрочения «диктатуры пролетариата». Так, уже в 1918–1919 гг. были национализированы все театры, публичные, общественные, городские и наиболее крупные частные библиотеки, которые после соответствующей идеологической ревизии были объявлены «народными». Их книжный фонд комплектовался исключительно из литературы, отвечающей критериям советского режима.

Параллельно проводилась масштабная работа по созданию специфических советских культурпросветучреждений: клубов, народных и рабоче-дехканских домов, изб-читален, красных чайхан, красных юрт. В целом к середине 20-х гг. в Туркестане насчитывалось 177 библиотек, 97 клубов, 76 красных чайхан, 172 избы-читальни и пр¹¹.

Широкое распространение получила такая форма культурно-идеологической работы, как громкие читки большевизированных газет, журналов, брошюр, которые проводились в чайханах, на базарах и других общественных местах. Для проведения культпросветработы партийные организации и Советы создавали специализированные культпросветотряды; в их организации деятельное участие принимали также профсоюзные и комсомольские организации, политотделы Красной армии.

Пристальное внимание центральное правительство уделяло подготовке в крае соответствующих идеологических и партийно-советских кадров, работников «культурного фронта». Кадровая политика советской власти исходила из ленинских требований глубокой марксистской идейности, высокой партийности, непримиримости к «буржуазной» идеологии. Для решения этих целевых задач в Туркестане стали создаваться совпартшколы и коммунистические университеты.

После национально-территориального размежевания Средней Азии и образования Узбекской ССР стратегическая линия на активное использование культурно-просветительных учреждений в деле

¹¹Тилеукулов С., Голованов А.А., Оразымбетов Ш., Косанбаев С. Туркестан на историческом повороте 1917–1920 гг. –Ташкент: Абдулла Кадыри «Халк мероси», 2002. – С. 158.

насаждения идеалов социализма и идеологии марксизма в широкие народные массы не только сохранилась, но и пополнилась новыми формами. Одновременно усилились процессы их тотализации, сопровождаемые масштабным идеологическим наступлением, принудительным внедрением в общественное сознание канонов коммунистического учения.

Отличительной особенностью второй половины 20-х гг. в деятельности культурно-просветительских учреждений стало их активное использование в так называемом «идейном разоблачении национализма, как важного условия борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории».

Причем в среднеазиатских республиках «борьба за чистоту марксистско-ленинской теории» в первую очередь увязывалась «с преодолением идеологии национализма». Как, к примеру, указывалось на I съезде Компартии Узбекистана (февраль 1925 г.), «...после национально-территориального размежевания возник ряд моментов в общественно-политической и экономической жизни республики, которые создали условия для оживления местного национализма». Они виделись в том, что вызванный после образования Узбекской ССР «подъем национально-государственного самосознания трудящихся Узбекистана может быть использован враждебными... слоями для развития панисламизма, пантюркизма, национал-шовинизма и пр., т.е. в конечном счете для борьбы с властью советов»¹.

Другая опасность виделась в клерикальной идеологии, в высоком уровне религиозности местного населения, находящегося, по мысли большевистских идеологов, в плену «реакционного духовенства», которое представлялось «ярким врагом советской власти». При этом задача разрушения «феодально-клерикальной идеологии» виделась не только в «освобождении» широких масс «от религиозного влияния», но и в подрыве такой основы национального самосознания, как народно-религиозные традиции и обычаи, которых придерживались и значительная часть местных коммунистов. Неслучайно в постановлении XII пленума Средазбюро ЦК ВКП (б) (январь 1917 г.) было отмечено, что «масса работников, включая часть актива, не уяснят себе, что без преодоления всех пережитков родовой, феодаль-

¹ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... Т.1. – Ташкент, 1987. С.18.

ной ... идеологии борьба за строительство социализма чрезвычайно затруднена»¹.

Отталкиваясь от пресловутого марксистского тезиса – «религия представляет опиум для народа», коммунистическое руководство страны жестко потребовало от правительства Узбекистана интенсивного развертывания антирелигиозного атеистического движения. В соответствии с чем в июле 1927 г. ЦК КП (б) Уз в своих решениях особо подчеркнул, что вся атеистическая работа должна выражаться не только в агитационно-разъяснительной деятельности, но и «в разоблачении антисоветской ориентации реакционного духовенства».

Пропаганда против религии становилась одним из важнейших участков работы на «идеологическом фронте социалистического строительства».

В мобилизации антирелигиозного актива заметное воздействие оказало совещание, созванное в конце 1927 г. Агитпромом ЦК КП (б) Уз, где впервые были обсуждены практические вопросы атеистической работы среди различных слоев населения коренных национальностей. Если по содержанию атеистическая пропаганда в городе должна была направляться на «разоблачение» классовой сущности ислама, то в кишлаке – на марксистское «объяснение» явлений природы и общественной жизни².

В целом же основными задачами антирелигиозной пропаганды в то время были следующие:

1. «Разоблачение» классовой сущности религии, в первую очередь ислама и христианства как орудия «контрреволюции».

2. Внедрение марксистского миропонимания путем «развенчания» религиозного объяснения.

Антирелигиозная пропаганда совмещалась с разрушением системы религиозных учреждений и гонениями на духовенство, что было явным посягательством на свободу совести, составляющей базисное гуманитарное право человека.

Атеистическое движение распространялось в республике стремительными темпами: при партийных комитетах были образованы специальные религиозные комиссии; атеистические вопросы с 1928 г. были включены в программы партпроса, в курсы подготовки и пе-

¹Среднеазиатское Бюро ЦК ВКП (б). Резолюции и постановления XII пленума, 24–27 января 1927. – Ташкент, 1927. – С. 7–8.

²См.: Раджапова Р. Указ.соч... – С.137.

реподготовки учителей, в учебные планы профессиональных школ¹, при медкабинетах организовывались показательные антирелигиозные уголки по различным направлениям атеистических знаний.

Важной формой антирелигиозной пропаганды стал союз «Худосизлар» («Безбожник»). К 1928 г. в Узбекистане насчитывалось уже свыше 830 ячеек союза безбожников. В них насчитывалось около 14 тыс. членов. Начал издаваться журнал «Худосизлар» тиражом 3 тыс. экземпляров².

Совет союза «Худосизлар» по договоренности с Главнаукой организовывал в округах, где имелись музеи государственного и местного значения, антирелигиозные отделы, проводил специальные совещания по вопросам методики проведения атеистической пропаганды. Существовала тесная связь между Советами и Союзом «Худосизлар», были организованы секции массовой пропаганды.

В зимнее время с целью теоретической проработки вопросов широкого развертывания атеистического движения проводились антирелигиозные семинары учителей и партийно-пропагандистских работников. Союз «Худосизлар» совместно с культотделами советов организовывали пятничные антирелигиозные университеты в крупных промышленных центрах (Ташкент, Самарканд, Коканд, Бухара и т.д.). Для этой работы готовились специальные материалы для докладчиков и отправлялись всем руководителям культотделов³. А так же широко развернулась борьба против религии в СМИ⁴.

Для решения идеологических задач по «преодолению местного национализма» и ликвидации религиозного мировоззрения осуществлялась общая деятельность советско-партийных органов по внедрению в сознание народа социалистических идей, укреплению материально – воспитательной базы проводимой работы.

В частности, большое внимание было уделено развитию периодической печати, отвечающей требованиям коммунистического воспитания широких масс, их большевизации. В 1925 г. в Узбекистане

¹ ЦГА РУз, Фонд Р-837, оп.3, д.66, л.76–78.

² См.: Раджапова Р. Указ.соч... – С.158.

³ ЦГА РУз ф. Р-94, оп.5, д. 545, л.51. Тезисы антикурбанного доклада.

⁴ Киселев И. Против бога и религии. (К итогам партсовещания по антирелигиозной пропаганде при агитпропе ЦК КП (б) Уз.) // За партию. – 1928 №1. – С.-84–86.

издавалось уже 24 газеты и 22 журнала социалистической направленности общим тиражом 92 тыс. экземпляров. В их числе на узбекском языке выходило 17 названий газет и журналов (48 323 экз.). Газеты «Кизил Узбекистон» (на узб.яз.) и «Правда Востока» (на рус. яз.) являлись центральными органами ЦК КП (б) Уз. В октябре 1925 г. начал выходить теоретический и политический орган ЦК республиканской компартии – журнал «Коммунист»⁵.

Периодические издания активно использовались в пропаганде идей коммунизма, в налаживании тотального идеологического прессинга и обстановки бескомпромиссной борьбы с «классовыми врагами», обосновывали необходимость масштабных социалистических преобразований во всех сферах общественной жизни. К примеру, широко использовались средства массовой информации в ходе развернувшейся реформы узбекской письменности, предполагавшей переход с арабского алфавита на латиницу. Так, в Узбекистане в целях популяризации новоузбекского алфавита были повсеместно созданы общества «Друзья нового алфавита», на базе которого издавались журнал «Аланга» («Пламя»), специальные приложения к газете «Кизил Узбекистон» и журналу «Маориф ва уkitувчи» («Просвещение и учитель»)⁶.

Важным направлением в развертывании массовой партийной агитации в середине 20-х гг. явились подготовка агитаторов из рабочих и дехканских ячеек, а также руководство их работой через совещания агитаторов. С учетом того, что в кишлачных партийных ячейках на имелось «квалифицированных агитсил, уездные и районные комитеты КП (б) Уз обязывались созывать периодические совещания кишлачных агитаторов для подготовки их по соответствующим вопросам».

К примеру, уже в 1925 г. коллективы агитаторов существовали как в областных, так и в уездных городах Ферганской области. Кокандский коллектив состоял из 80 человек, коллективы уездных городов насчитывали от 15 до 30 человек. В Коканде при произ-

5 ЦГА РУз, Фонд Р-94, оп.1, д.277, л.271.

6 Торжество ленинских идей культурной революции в Узбекистане. –Ташкент: Узбекистан. 1970. – С.162.

водственных ячейках создавались кружки агитаторов из рабочих от станка¹.

Основная нагрузка в практическом руководстве ячейками в деле агитации и пропаганды ложилась на агитпропработников партийных комитетов. В 1925–26 гг. общая численность штатных агитпропработников составила 183 человека. В июне 1925 г. в целях существенного усиления агитационно-массовой работы исполкомкомиссия Средазбюро ЦК ВКП (б) приняла решение об организации курсов агитпропработников на 46 человек.

Заметной вехой по налаживанию политвоспитания членов партии, комсомола и союза «Кошчи» стал II съезд Компартии Узбекистана (ноябрь 1925 г.). В своих решениях он особо подчеркнул, что «успехи большевизации КП (б) Уз и установление в ее рядах полного единства и идеологической выдержанности на основе учения Ленина обуславливается, наряду с увеличением пролетарско-батрацкого ядра в партии, достижением более высокого политического уровня членов нашей партии»².

Сущность массового политического просвещения определялась в документах съезда следующим образом: «Овладение политической активностью масс, направление ее в сторону укрепления всей советско-хозяйственной системы, усиленное влияние партии на слои трудящегося населения и перевоспитания последних в духе коммунизма»³. Иными словами, речь шла об ускорении процессов тотализации массового сознания.

Основные звенья системы партийного воспитания, определенные в документах съезда, включали: «В кишлаке: 1) ликпункты; 2) школы передвижки. В старых городах: 1) ликпункты; 2) сокращенные школы политграмоты. В новых городах: 1) Сокращенные школы политграмоты; 2) нормальные школы политграмоты; 3) марксистско-ленинские кружки; 4) совпартшколы». При этом особо подчеркивалось, что «задачей школы политграмоты является подготовка активных партийцев-ленинцев, могущих стать сознательными проводниками правильного партийного руководства массами в борьбе

¹ Раджапова Р.Я. Указ.соч. – С.104.

² Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... – С.165.

³ Там же. – С.165.

рабочего класса за социализм»¹. Общая идеология такой системы воспитания была нацелена на обеспечение руководящей роли партии, повсеместную ликвидацию инакомыслия и всеобщее идейное уравнивание.

Пристальное внимание на съезде было уделено и вопросам политического воспитания широких масс через систему клубной работы, особенно в городах. Ее основной задачей провозглашалось объединение масс «вокруг задач советской власти и партии и вовлечение их в обсуждение вопросов социалистического строительства»². В сельской местности, «наиболее соответствующей условиям и быту в кишлаке, формой политико-воспитательной работы» была признана «Красная чайхана»³.

Реализуя указания съезда, парторганизация республики уже к началу 1926 г. охватила системой политического просвещения 54,6% и кружками ликбеза – 18,4% общего состава Компартии.

Причем из 392 политшкол различного типа в 148 занятия проводились на узбекском языке. Правда, политшколы преимущественно сосредоточивались в городах. Развитие сети школ партийного просвещения в сельской местности сдерживалось из-за острой нехватки пропагандистов. Тем не менее их подготовка, организованная через систему совпартшкол и краткосрочных курсов, позволила к концу 1928 г. довести сеть школ партийного просвещения в городах республики до 438 с охватом более 9,5 тыс. слушателей. В сельской местности к тому времени было организовано 143 школы партпроса, в которых обучалось свыше 3,8 тыс. человек⁴.

Заметное место в деятельности партийной организации республики занимала работа по привлечению женщин местных национальностей в социалистическое строительство, усилению соответствующей политико-воспитательной работы среди них: укреплялись женотделы, стали создаваться так называемые женские делегатские собрания, рассматриваемые партийным руководством в качестве «массовой школы общественно-политического воспитания жен-

¹ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... – С.167.

² Там же. – С.168.

³ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... – С.168.

⁴ Очерки по истории Коммунистической партии Узбекистана. –Ташкент: Узбекистан. 1974. – С.232.

щин». Здесь систематически делались доклады на общеполитические темы, обсуждались практические вопросы женской эмансипации. Делегатки проводили среди женщин активную работу. В 1924–1925 гг. в республике постоянно работали 820 делегатов-узбечек и 2000 делегатов других национальностей. К началу 1928 г. количество делегатов-узбечек увеличилось до 2,3 тыс¹.

Одновременно в целях усиления культурно-массовой работы среди женщин в городах создавались женские клубы, число которых составило к концу 1925 г. – 21. В их деятельности участвовало около 3-х тыс. женщин².

Учитывая особую роль женских клубов в деле «социалистической перековки» женщин советского Востока, в январе 1927 г. ЦК ВКП (б) принял специальное решение, в котором определялись основные задачи: подготовка женщин к производственному труду, привлечение их к работе Советов, подготовка лучших женщин-активисток для вступления в партию, овладение ими марксистской идеологией³.

Выполняя Постановление, в республике была проведена заметная работа по созданию, преимущественно в сельской местности, сети культурно-просветительских женских учреждений. В частности, к концу 1927 г. в Узбекистане действовали 34 женских клуба, 129 учреждений по охране материнства и детства, 138 школ для девочек, сотни красных женских уголков, кружков ликбеза и других очагов социалистической культуры⁴.

Деятельность этих учреждений, безусловно, способствовала решению назревших проблем женской эмансипации. Вместе с тем ее предельная политизация обусловила деформационный характер проводимых процессов.

Важным этапом в движении за «фактическое раскрепощение» женщин стал 1927 г. – год проведения массово-политической кам-

¹ Очерки по истории Коммунистической партии Узбекистана... – С.236.

² Женские клубы на Востоке. Сборник материалов 1-го Всесоюзного совещания работников женских клубов. – М.: Охрана материнства и младенчества. 1927. – С.45.

³ Шакулова В. С. Культурная революция и женский вопрос // Опыт КПСС в решении женского вопроса. -М., Мысль, 1981. – С.77-102. .

⁴ Шакулова В. С. Культурная революция и женский вопрос // Опыт КПСС в решении женского вопроса. -М., Мысль, 1981. – С.77-102.

пании «Худжум» («Наступление»), начало которой было положено решениями V пленума ЦК КП (б) Уз (март 1927 г.). В резолюции по идеологической работе пленум строго потребовал от всех партийных, комсомольских и профессиональных организаций республики мобилизовать всю энергию на усиление борьбы за «освобождение женщины Востока», широко развернуть «агитационно-разъяснительную работу среди трудящихся», в то же время «привлекать к суровой ответственности противников раскрепощения женщин». Причем, в числе «враждебных элементов» в первую очередь называлось мусульманское духовенство¹.

В целях «отпора реакционным силам» пленум потребовал заметно усилить роль культурно-просветительских учреждений в организации движения «Худжум». В частности было признано необходимым создать общественную организацию «Общество друзей нового быта», расширить деятельность женских клубов, делегатских собраний и других женских учреждений. Одновременно систематически организовывались массовые демонстрации женщин, «не желавших более мириться со своим приниженным положением».

Созывались митинги, на которых женщины сжигали паранджу. Так, уже за первые пять месяцев 1927 г., по официальным данным, сбросили паранджу 100 тыс. женщин². При этом умалчивалось, что нередко эти акции осуществлялись командно-силовыми методами. Немало женщин затем снова надевали паранджу.

Наряду с массовым развертыванием движения «Худжум», V пленум ЦК КП (б) Уз, в соответствии с установками центрального партийного руководства по усилению идеологического наступления в духовной сфере, строго потребовал углубить классовую борьбу на идеологическом фронте, обратив при этом особое внимание на развенчание «иногамовщины», нейтрализацию «враждебной части национальной интеллигенции, пытавшейся буржуазную культуру противопоставить пролетарской, социалистической».

Пленум также признал необходимым обеспечить активное участие партии в руководстве работой общества «Кизил-Калам», предпринять меры по преодолению «недостаточной политической выдержанности издаваемых Узгосиздатом и другими организациями

¹ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... — С.278–279.

² Архив Ташкентского областного хокимията. Ф.493, оп.1, д.23, л.103.

непериодических изданий – учебников литературы, по общественным наукам и т.д.», активизировать усилия по расширению сети культпросвет учреждений и идейному росту советской периодической печати¹.

В контексте тоталитарной эволюции советского государства и социалистической трансформации культуры периодическая печать Узбекистана развернула в то время широкую массово-политическую работу, подчиненную интересам, в первую очередь, правящих имперских кругов, хотя внешне это выглядело как проявление заботы о национальных интересах. Так, к началу 30-х гг. в республике появились новые журналы на узбекском языке. К примеру, в 1931 г. начали выходить журналы: «Ленинча уқишга ёрдам» («В помощь ленинской учебе») – орган сектора пропаганды марксизма-ленинизма ЦК КП (б) Уз, «Ёш большевик» («Молодой большевик») – ежемесячный политико-экономический журнал ЦК ЛКСМ Уз, в 1932 г. – «Ўзбекистон шуро адабиёти» («Советская литература Узбекистана») – орган Союза советских писателей Узбекистана и др. В 1932 г. в республике издавалось уже 205 газет и 56 журналов, в том числе на узбекском языке 132 газеты и 35 журналов. Книжная продукция выросла в эти годы до 6207 печатных единиц общим тиражом 38909 тыс. экз. Заметно увеличился выпуск соответствующей массово-политической литературы, особенно произведений классиков марксизма-ленинизма. Только за 1929–1932 гг. вышло 49 изданий произведений Маркса, Энгельса, Ленина общим тиражом 443 тыс. экз.

Быстрыми темпами возрастало число политико-просветительных и культурных учреждений. К концу 1932 г. в республике действовало 707 массовых библиотек, 3087 клубных учреждений, 469 киноустановок, 32 театра, 13 музеев. Книжный фонд 77 крупных библиотек уже в 1930 г. превысил 150 тыс. томов, а в 1932 г. книжный фонд 200 крупных библиотек в Узбекистане составил 550 тыс. томов².

К сожалению, за внешне внушительными показателями бурного количественного роста культурно-просветительных учреждений и средств массовой информации скрывались серьезные качественные изъяны. Будучи целиком подчиненными властным политическим

¹ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... – С.276–277.

² История Узбекской ССР. Т.3. – Т.: Фан. 1967. – С.577–578.

структурам, они внутренне были нацелены на репрессивное разрушение базисных основ национальной духовности, на нагнетание обстановки классовых боев, на воспитание зомбированной личности, особенно активное воплощение «идеалов социализма» в жизнь и жесткое противостояние «классовым врагам»¹.

Характерна в этом отношении развернувшаяся кампания по борьбе с «религиозными предрассудками». Так, в 20-30-е гг. в контексте воинствующей атеистической пропаганды стали активно использоваться практически все ресурсные возможности культпросветучреждений и СМИ. К примеру, были задействованы радиостанции для постановки антирелигиозных вечеров, выходила в эфир антирелигиозная радиогазета. В целях доведения этих акций до широких народных масс были приняты решительные меры по исправлению и расширению сети радиоустановок по всем округам, население заранее извещалось о днях и часах антирелигиозных радиопередач. Одновременно общество «Худосизлар» совместно с Узбеккино стали организовывать антирелигиозные лекции с демонстрацией специальных антирелигиозных или естественно-научных кинофильмов. В репертуарный план театров были включены антирелигиозные пьесы. Из состава артистов организовывались специальные труппы с атеистической программой, которые обслуживали клубы, красные чайханы и другие культурно-просветительские учреждения², так же учитывая работу среди дехкан — «Задачи политпросвет кабинетов по антирелигиозной работе во время весенней сельскохозяйственной кампании»³.

Была развернута работа по закрытию мечетей, которая оформлялась как «Постановление колхозного и бедняцкого собрания с просьбой о закрытии мечети»⁴

Вместе с тем по договоренности с редакциями местных газет были организованы антирелигиозные странички в виде приложе-

¹ См. рукопись: Хасанов Бахтиер. Духовное состояние интеллигенции Туркестана, Узбекистана 1917–1920-х гг. и ее отношение к социальным переменам.

² Инамов К. Социально-чуждые элементы // Правда Востока, 1937. 27 июля.

³ ЦГА РУз ф. Р – 94, оп. 5, д. 545, л. 22.

⁴ Протокол №10/48 от 22/IV 32г. карасуйского сельсовета о закрытии мечети. ЦГА РУз Ф.Р.-86.ю оп. 2, 146, л. 3

ния к их изданиям. Широкий размах приобрела агитация среди населения за подписку на атеистическую периодическую литературу¹. Узбекское педагогическое издательство регулярно снабжало книжные рынки, библиотеки, читальни антирелигиозной литературой и наглядными пособиями на узбекском и русском языках.

Кроме того, в целях отвлечения населения от исполнения религиозных обрядов, посещения церквей и мечетей, под руководством Агитпрома ЦК КП (б) Уз, культотделов Советов, Совпрофа, Главполитпросвета в праздничные дни устраивались антирелигиозные вечера с читкой атеистических лекций и театрализованных постановок с использованием печати, радио и кино.

Наряду с указанными формами антирелигиозной пропаганды широкое распространение получила в работе культпросветучреждений и организация агитсудов. Например, проводились суды над старой школой, над коммунистами, верующими в бога, над отдельными выступлениями имамов и мулл. Иными словами, религия публично осмеивалась².

Курс партии на максимальное использование системы культурно-просветительских учреждений и средств массовой информации по соответствующему идеологическому и политическому воспитанию «трудящихся масс», формированию у них конфронтационного марксистско-ленинского мировоззрения заметно усилился вслед за XVII съездом ВКП (б) (январь – февраль 1934 г.), на котором окончательно утвердилась властная монополия И. Сталина и его радикализированной группы.

К тому времени компартия численно заметно пополнилась, партийные организации, «закалились в борьбе против классовых противников», укрепились «внутрипартийная дисциплина», означавшая решительную ликвидацию инакомыслия и позволявшая сталинскому руководству беспрепятственно проводить собственные экстре-

¹ Безбожники рисуют ислам: советская (анти)религиозная пропаганда в комментариях востоковеда. Лекция Владимира Бобровникова. Полная стенограмма лекции кандидата исторических наук, заведующего сектором Отдела стран СНГ Института востоковедения РАН Владимира Бобровникова, прочитанная 5 февраля 2009 года в клубе — литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру».

² ЦА РУз, Фонд Р-2356, оп.1, д.49, л.57.

мистские установки в жизнь под прикрытием необходимости усиления партийно-организованной и партийно-политической работы как одного из главного условия повышения уровня партийного руководства. Считалось, что партия должна «организовать массы для проведения в жизнь этих лозунгов, организовать все органы и аппараты пролетарской диктатуры применительно к новым задачам реконструктивного периода»¹.

Более того, стремясь в корне подорвать любые формы инакомыслия, Сталин, несмотря на то, что к середине 30-х гг. все бывшие так называемые «эксплуататорские» классы и слои были уничтожены, настоял на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП (б)² об официальном признании долго пропагандируемой им формулы о неизбежном обострении классовой борьбы по мере продвижения Советского Союза к социализму. Это позволило ему возвести принцип «ожесточенной борьбы с классовым врагом» в норму внутрипартийной и государственной жизни, развернуть в стране массовые репрессии и утвердить культ собственной личности.

Вслед за XVII съездом ВКП (б) в стране, в том числе в Узбекистане, развернулась энергичная работа по повышению уровня пропагандистской работы и соответствующему совершенствованию структуры идеологических учреждений и органов. Так, 14 мая 1935 г. на базе Отдела культуры и пропаганды ленинизма в ЦК ВКП (б) были созданы Отделы партийной пропаганды и агитации, печати и издательства, школ, культурно-просветительной работы, а также Отдел науки³. Аналогичная перестройка прошла и в партийных комитетах республик, краев, областей, включая Узбекистан. В частности, в ЦК КП (б) Уз были созданы Отделы культуры и пропаганды ленинизма.

В целях закрепления марксистско-ленинского мировоззрения традиционно повышенное внимание было уделено уничтожению религиозного сознания. В частности, с очередным витком гонений на духовенство и религию существенно расширилась сеть специализированных антирелигиозных общественных организаций – Союза

¹ ЦГА РУз, Фонд Р-2356, оп.1, д.49, л.124.

² КПСС в резолюциях... 1971. Т.7. – С.207–208.

³ Очерки истории идеологической деятельности КПСС. 1917–1937 гг. – М.: Политиздат. 1985. – С.368.

воинствующих безбожников (СВБ) – «Худосизлар». Уже в 1937 г. в Узбекистане действовало 56 районных Союзов безбожников, руководимых республиканским, окружными и областными СВБ. Лишь в 622 районах Узбекистана число активных членов «Худосизлар» из числа воинствующих коммунистов и комсомольцев составило 1440 человек¹.

Широкий размах приобрела антирелигиозная пропаганда в так называемых «научно-атеистических» музеях, особенно в таких городах, как Ташкент, Самарканд и др. Им оказывали действенную помощь постоянно действующие двухмесячные курсы пропагандистов СВБ при ЦК КП (б) Уз и антирелигиозные университеты и семинары, организованные почти во всех областных центрах.

В определяемом партией идеологическом курсе развивалось библиотечное и издательское дело. В 1940 г. в Узбекистане насчитывалось 1792 библиотеки (в том числе 1295 – в сельской местности) с книжным фондом 2553 экз. (из них 1/3 в сельской местности)². Среди крупных книгохранилищ выделялись Публичная библиотека им. Навои, Фундаментальная библиотека САГУ, библиотека «Турон» и др.

О внимании, которое уделялось советским руководством данному направлению социалистической трансформации духовной сферы, наглядно свидетельствует то, что только за 1933–1937 гг. в республике было издано различной литературы, главным образом на узбекском языке, около 6,5 тыс. печатных единиц объемом свыше 233 млн. п.л. общим тиражом свыше 52 млн. экз. В их числе имелись публикации известных узбекских деятелей литературы и искусства, пытавшихся, хотя бы в завуалированной форме, отстоять национальные духовные ценности. Но в принципе основная масса издаваемой литературы, проходившая жесткий цензурный контроль, была нацелена на формирование классово-социалистического сознания. При этом особое значение придавалось публикации марксистской литературы. За 1933–1937 гг. на узбекском языке вышло 39 отдельных изданий произведений классиков марксизма-ленинизма общим тиражом 1659 тыс. экз. Был начат перевод собраний сочинений В. Ленина³.

¹ См.: История Узбекской ССР. Т.3... – С.656.

² История Узбекской ССР. Т. 3... – С. 656–657

³ История Узбекской ССР. Т.3... – С. 656–657.

Заметное место в коммунистической идеологизации общества продолжала занимать периодическая печать. К концу 30-х гг. в Узбекской республике выходило 200 газет с общим разовым тиражом около 900 тыс. экз. Из них 124 газеты на узбекском языке (542 тыс. экз.). Число журналов составило 52 с годовым разовым тиражом номеров в 1,6 млн. экз., в том числе на узбекском языке соответственно 19 и 1,4 млн. экз. Кроме того, выходили газеты и журналы на каракалпакском, уйгурском, таджикском языках, а также на языках национальных меньшинств¹.

Интенсивная идеологическая и советская культурно-просветительская работа проводилась в клубах, которых в 1940 г. в республике насчитывалось 2859 (в том числе на селе – 2471)². Не менее активную деятельность развернули в сельской местности Узбекистана и Каракалпакии и «Красные чайханы», которых к концу 30-х гг. насчитывалось более 3,8 тыс., и избы-читальни (около 300), при которых организовывались кружки художественной самодеятельности, проводились беседы, читались лекции и т.д.³.

Возрастала значимость кинематографа как средства духовного воспитания народа и идеологизации общества. В связи с чем последовательно увеличивалась сеть кинотеатров. Уже в 1933 г. в Узбекистане действовало 562 кинотеатра, 294 из них – на селе⁴. В 1940 г. число киноустановок достигло 633 (из них в сельской местности – 408)⁵. Расширялась также сеть музыкальных и драматических театров, по-прежнему рассматриваемых коммунистическими идеологами в качестве ведущих каналов «социалистической перековки» широких масс и пропаганды социалистического искусства. В 1940 г. в республике насчитывалось 45 театров, из них 2 театра оперы и балета, 32 – драмы, комедии и музыкальные, 11 – детского и юного зрителя. Число зрителей, посетивших театры только в 1940 г., составило более 3,8 млн. человек.

¹ Народное хозяйство Узбекской ССР за 50 лет... – С.229.

² Там же. – С.227.

³ История Узбекской ССР. Т.3... – С. 656.

⁴ Вахобов М. Формирование Узбекской социалистической нации. – Ташкент: Гос издат УзССР, 1961. – С.520.

⁵ Народное хозяйство Узбекской ССР за 70 лет советской власти. – Ташкент: Узбекистан, 1987. – С.282.

Усиливалась роль музеев в культурно-просветительской работе. В 1940 г. в Узбекистане функционировало 17 музейных учреждений, в том числе 1 историко-революционный, 12 краеведческих, 4 отраслевых. Число посетителей музеев в тот год достигло 789 тыс. человек¹.

К сожалению, эти внешне значимые перемены не свидетельствовали о подлинно духовном обогащении узбекской нации и всех народов Узбекистана. В условиях тоталитарного режима была достигнута победа коммунистической культурной революции, нашедшая разнообразные формы выражения в различных сферах духовного производства в духовной жизни господствующего положения социалистической идеологии и коммунистической морали, опирающихся на принципы тотального политико-идеологического подавления. По сути, как и иные институты духовной жизни узбекского народа, культпросветучреждения оказались репрессированными. Характер репрессий определялся, с одной стороны, командно-приказной системой управления, подавляющей свободу творческих действий, силовым внедрением марксистской модели системных культурных преобразований, а с другой – карательной политикой по отношению к тем работникам культурно-просветительской сферы, которые по мере возможностей стремились отстоять национально-духовные и народно-религиозные ценности, сохранить преемственность великого духовного наследия прошлого, сберечь исконную национально-культурную почву, донести до народа правду о достижениях самобытной среднеазиатской цивилизации.

Одним из ярких примеров репрессивного отношения властей к деятельности культпросветучреждений может служить предпринятая в декабре 1937 г. акция по ликвидации в Узбекистане большого числа клубов национальных меньшинств и других национальностей. Показательна при этом мотивировка данного решения, зримо отражавшая атмосферу классового насилия, инспирируемого сталинской администрацией, и логику репрессивного мышления тех лет. В частности, в постановлении СНК ЦК КП (б) УзССР по указанному вопросу недвусмысленно подчеркивалось, что одной из главных причин закрытия опальных клубов явилось «...превращение их в сбо-

¹Народное хозяйство Узбекской ССР за 70 лет советской власти. –Ташкент: Узбекистан, 1987. –С.280, 281.

рища антисоветских, контрреволюционных и шпионских элементов, которые использовали клубы в своих вредительских целях»¹. В составе таковых назывались польский, еврейский, местно-еврейский и уйгурский клубы в Ташкенте, клуб им. Озет в Коканде, местно-еврейский и армянский клубы в Самарканде.

В соответствии с таким подходом к 1 января 1938 г. оказались ликвидированы в Ташкенте польский, татаро-башкирский, азербайджанский, местно-еврейский, уйгурский, венгерский клубы, в Самарканде – местно-еврейский и армянский клубы; в Коканде – армянский и местно-еврейский; в Бухаре – местно-еврейский; в Андижане – уйгурский; в Кермине – татаро-башкирский; в Намангане – клуб нацменьшинств.

Аналогичная практика поиска «врагов народа», стремление властей списать на них все недостатки в организации практической работы, а также в материально-техническом обеспечении культпросветучреждений наблюдалась и по другим структурным подразделениям этих «очагов культуры».

К примеру, еще в 1932 г. городская библиотека им. Бехбуди в Самарканде обратилась в Совнарком УзССР с просьбой оказать сильную помощь в укреплении ее материального положения. В докладной директора библиотеки С. Тойкина говорилось, что «библиотека им. Бехбуди в старом городе Самарканде, существует с 1910 г.», «после Октября она стала очагом культурного просвещения народа... Но за время 1917–1931 гг. никто не позаботился о ней, никто не оказал ей нужной материальной помощи. Потому она влачит жалкое существование, между тем пора на эту библиотеку обратить внимание... Нельзя же в самом деле оставлять единственное книгохранилище, обслуживающее коренное население старого Самарканда без средств, помещения и работников. Нужно, чтобы было претворено в жизнь постановление Окрисполкома 1929 г. о постройке нового здания для библиотеки, а не оставлять ее в жалком с протекающей крышей и совершенно непригодном для книгохранилища помещении. Нужно увеличить штат и повысить зарплату работникам. Только такими реальными мерами можно будет прикрепить к библиотеке постоянных и квалифицированных работников. Только увеличив и обогатив библиотеку сотнями новых книг, можно будет вести

¹ ЦГА РУз, Фонд Р-837, оп. 32, д. 759, л. 132.

работу среди коренного населения г. Самарканда, удовлетворять его духовные запросы и действительно создать книгохранилище, отвечающее... периоду ликвидации поголовной неграмотности. Это нужно сделать не завтра, а сегодня, так как будет поздно. Горсовет и ГорОНО не на высоте своего положения, они не понимают того значения, какое имеет библиотека им. Бехбуди для населения. Они оставляют его без библиотеки. Они о ней забыли, несмотря на вопли и просьбы заведующих, которые, кстати сказать, меняются по несколько раз в год. По этой причине, учтя общее состояние и положение библиотеки, я как заведующий библиотекой и как партиец сигнализирую опасность и бью тревогу – обращаюсь (после того как много раз обращался в Самгороно) теперь в Совнарком, от которого жду помощи»¹.

Просьбу схожего характера высказывали и работники других библиотек республики. Однако из года в год они содержались на голодном финансовом пайке. В частности, в 1935 г. ассигнование на текущее содержание библиотечной сети выражалось в сумме 2 211,5 тыс. руб. В 1936 г. оно возросло до 2,5 млн. руб., в то время как реальная потребность выражалась в сумме 3 млн. 658,4 тыс. руб. Причем в 1936 г., согласно постановлению Совнаркома УзССР, Наркомпрос, городские советы, окружные и районные исполкомы должны были обеспечить организацию во всех районных центрах республики районными (центральными) библиотеками и увеличить сеть рядовых библиотек с таким расчетом, «чтобы к концу 1936 г. иметь в республике не менее 855 политпросветских библиотек»². Но средства, выделенные для решения этой задачи, были мизерные.

Понятно, что подобная практика не могла обеспечить должного повышения качества библиотечного дела, сдерживала возможности библиотек в налаживании эффективной культурно-просветительской работы. Но чиновнично-бюрократический аппарат, особенно после 1934 г., когда по всей стране, в том числе и в Узбекистане, прокатилась волна политического террора, оправдывал сложившуюся ситуацию «вредительской» деятельностью «врагов народа». Так, в докладной записке начальника Библиотечного управления Наркомпроса, направленной в июне 1937 г. замнаркому просвеще-

¹ ЦГА РУз, Фонд Р-837, оп.10, д.882, л.32–32 об.

² ЦГА РУз, Фонд Р-837, оп.14, д.48, л.26,34.

ния Узбекской ССР Кичанову, указывалось: «Сеть библиотек системы Наркомпроса... засорена вредителями, врагами народа, троцкистами... Враги народа подобрались к руководству многих библиотек, вредили на этом участке культурного фронта.

Разоблаченный враг Файзулла Ходжаев поставил своего человека Ханова в Бухарской государственной библиотеке во главе Восточного Отдела и премировал за мнимые его «заслуги» крупными денежными суммами.

Республиканским библиотечным коллектором руководили враги народа – троцкисты Липинский и его заместитель – Сафаров. Последний директор Уразов снабжал произведениями буржуазных националистов- контрреволюционеров.

Самаркандская государственная библиотека до последних дней оставалась не очищенной от контрреволюционного хлама. Это тоже дело рук врагов»¹.

Велись поиски «врагов народа» и в системе музеев республики. Так, в опубликованной 28 сентября 1937 г. в газете «Кизил Узбекистон» статье «Еще один факт, показывающий политическую слепоту»² говорилось: «Узбекистанский Наркомпрос в своем ведении имеет около десятка музеев, но руководства над ними никогда не было... Долгое время музеи Узбекистана не имели постоянного своего хозяина, переходили из рук в руки. Наркомпрос тоже не обеспечил хорошего руководства музеями. Этим воспользовались враги народа и аферисты, которые в течение более двух лет безнаказанно творили свои дела в Узбекстанском музее народного хозяйства.»

Более подробная картина «вредительства» в музее народного хозяйства содержится в докладной³ Е.М. Никифоровой, назначенной 14 января 1937 г. временно исполняющей обязанности директора. Показательно при этом, что данная докладная была направлена 3 октября 1937 г. не только в Наркомпрос, но и в органы НКВД.

Приведем лишь отдельные характерные выдержки из этого документа:

«В 1934 г. Комитетом наук была организована юбилейная выставка, на которую затрачено свыше миллиона рублей. В 1935 г. вы-

¹ ЦГА РУз, Фонд Р-94, оп.5, д.1472, л.24.

² Кизил Узбекистон. 1937, 28 сентября

³ ЦГА РУз, Фонд Р- 94, оп.5, д.2251, л.5–7.

ставка была передана НКПросу. Фонды выставки стали основными экспонатами и фондами музея народного хозяйства. Директором музея был Разводовский. Осенью 1935 г. он был снят. Директором назначается Арит, его заместителем – исключенный из партии троцкист Духовный. Духовный снят 10.01.36 г., вместо него назначен Шерстнев, в свою очередь отстраненный от должности замдиректора 26.11.36 г. и уволенный из музея 10.07.37 г. Ученым секретарем, фактически хозяином в течение 2-х лет, являлся старый знакомый директора Арита по НКВДовской работе – Протопопов... Все эти лица до такой степени «руководили» музеем, что развалили его окончательно. Музея фактически нет, он закрыт».

Цитируемая докладная довольно ярко отражает отличительную особенность того времени: неизменное увязывание нарушений в работе с «политическим вредительством», с намеренным выявлением «классового врага». Причем по утвердившейся схеме не только в эшелонах власти, в карательных органах, но и на низовом уровне отчетливо проявлялось стремление обрисовать связь между местными «вредителями» и «разоблаченными врагами» из состава высших структур властного управления. В данном случае так было с Л. Троцким, Н. Бухариным, Ф. Ходжаевым, а также Бату и другими работниками Наркомпроса, репрессированными в 1937 г.

Обращает внимание и тот факт, что развязанная И. Сталиным кампания классового террора развращающе воздействовала на умы немалого числа людей, которые, руководствуясь логикой конфронтационного мышления, из карьеристских или иных корыстных интересов стали посылать политические доносы в карательные и другие властные органы на сотрудничавших рядом с ними членов производственных коллективов, а также неугодных им лиц.

В этом отношении, наряду с цитируемой выше докладной, показательной является докладная, направленная в соответствующие органы 27 сентября 1937 г. научным сотрудником Политехнического музея А. Хатамовым, которую он назвал «Музей превращен в гнездо врагов народа»¹.

В ней, в частности, говорилось:

«...Узбекистан не имеет ни одного приличного музея, показывающего трудящимся все те достижения, которые имеет наша социа-

¹ ЦГА РУз, Фонд Р-94, оп.5, д.2742, л.6–10.

листическая страна. Это объясняется тем, что на культурном фронте в музеях засели такие люди, которые не считают для себя нужным показывать достижения социалистического государства посредством музеев.

Враги народа, засевающие в Наркомпросе и его отделах, в музеях, стремятся всеми мерами скрыть от народа достижения нашей советской страны. Для достижения своих целей они всячески стараются насаждать своих людей на ответственные посты, в частности в музеи, и тем самым встать поперек достижений страны социализма на идеологическом фронте».

Автор докладной, исходя из того, что «в последнее время выявлена масса вредителей и контрреволюционеров в различных музеях Узбекистана», призывает ответственные органы провести повсеместную тщательную проверку всех музейных работников, ибо, по его утверждению, «...какой бы ни взять музей, в нем обязательно разоблачается гнездо чуждых элементов».

Заявления подобного характера множились по мере усиления «классовой борьбы» в духовной сфере. По ним создавались многочисленные комиссии, которые стремились прежде всего проверить политическую благонадежность сотрудников музеев и иных культурпросветучреждений, выявить их «скрытую вредительскую деятельность».

Конечные выводы проверочных комиссий были предельно жесткими. Причем предлагалось «срочно проверить не только работу, но и кадры музеев».

Хочется обратить внимание и на тот факт, что все указанные в данной докладной «изъяны» сводились к характерному для тех лет искусственному возвеличиванию роли Сталина в «революционном движении», обоснованию проводимой им репрессивной политики и необходимости повсеместного поиска все новых «классовых врагов».

Подобными мотивами проникнута и докладная записка¹ начальника Музейного отдела Наркомпроса Уз ССР С.Н. Шарафиева, направленная 1 октября 1937 г. в Политпросвет – отдел ЦК КП (б) Уз. Обращение к данному документу позволяет объемно высветить репрессивную направленность идеологии музейного строительства в

¹ ЦГА РУз, Фонд Р-94, оп.5, д. 2721, л. 88–92.

рамках тоталитарной эволюции советского государства и укрепления культа единоличной власти И. Сталина.

Показательна в этом плане вводная часть указанной докладной. Так, в ней отмечается:

«В свете широко развернувшейся критики и самокритики во-круг вскрытых фактов засорения партийного и советского аппарата УзССР классово враждебными элементами из лагеря националистической группы троцкистско-бухаринских последышей, я хочу привлечь Ваше внимание к тому участку социалистического строительства УзССР, ведение которого поручено по линии Наркомпроса мне — к музейному строительству.

Описывать Вам состояние этого участка нашей работы нет надобности. Оно вам известно доподлинно. И должно быть известно в набрисовке его именно как весьма неудовлетворительного, а во многих случаях и прямо-таки отрицательного.

Не может быть никакого сомнения в том, что в таком печальном и явно нетерпимом состоянии музейное строительство УзССР оказалось в результате и как следствие вредительского «руководства» и хозяйственным, и культурным строительством со стороны разоблаченных ныне изменников Родины, врагов народа»¹.

Любопытна в этом отношении заключительная часть докладной записки С.Н. Шарафиева, где он вновь подчеркивал, что «при отсутствии помещений, при отсутствии кадров, в условиях полного игнорирования со стороны высших руководящих органов, — ни музейный отдел, ни каждый музей в отдельности, ни музейная сеть в целом, — не могли осуществлять своих задач как политикопросветительные учреждения научно-исследовательского типа. В этих условиях они лишь безэффективно... тратили народные деньги»².

Вместе с тем автор докладной, пытаясь предотвратить грядущие репрессии против музейных работников, хотя и в идеологических символах и стилистике тех лет, обращает внимание на тот факт, что экспозиции музеев создавались в соответствии с политическими реалиями предшествующего времени и их обновление потребует значительных средств и усилий. При этом «устаревшие» экспозиции,

¹ ЦГА РУз, фонд Р-94, оп.5, д.2721, л.88-89.

² ЦГА РУз, Фонд Р-94, оп.5, д. 2721, л. 90.

которые в один момент невозможно обновить, могут стать основанием для политических обвинений сотрудников музеев.

Будучи сыном своего времени, Шарафиев предложил схему обновления всех экспозиций, в принципе отражающей процессы тотализации и сталинского курса на манкуртизацию общественного сознания. Она сводилась к следующему:

«а) Смотрите, что унаследовало пролетарское государство от капиталистического строя (показ состояния производительных сил, гнета, бесправия и эксплуатации трудящихся).

б) Смотрите, чего добились мы на основе диктатуры пролетариата в результате торжества побед Октябрьской революции и ленинско-сталинской национальной политики (показ успехов соц. строительства, роста культурности и зажиточности масс, советского демократизма).

в) Но если бы не вредительство подлой своры изменников Родины, врагов народа, жалких троцкистско-бухаринских последышей, мы имели бы еще более грандиозные успехи. Неисчислимы вред, причиненный делу социализма врагами народа. Смотрите, каковы их подлые замыслы, их вредительские дела (показ выявленных вредительских актов).

г) Несокрушимо стоит большевистская партия Ленина–Сталина на страже интересов трудящихся. Она разгромила и громит всякие орды изменников Родины, заклятых врагов народа и неуклонно ведет нас к полному торжеству социализма, указывая пути и средства ликвидации последствий вредительства и еще более высокого подъема наших успехов на всех фронтах социалистического строительства (пропаганда лозунгов партии и призыв на борьбу за выкорчевывание корней вредительства и контрреволюции, на борьбу за еще большие успехи в соц. строительстве)»¹.

Собственно, эта схема дальнейшей политизации музейного дела, выражавшая официальные взгляды сталинского руководства, нашла практическое выражение во всей последующей деятельности музеев как страны в целом, так и Узбекистана в частности. Построенная на примате руководящей роли партии, безудержного восхваления сталинского культового режима, она по-прежнему нацеливала на поиск

¹ ЦГА РУз, Фонд Р-94, оп.5, д. 2721, л.91–92.

«вредителей», на раздувание истории «классовых боев» с «внутренними врагами».

Так, 28 апреля 1935 г. был приговорен к 6-ти годам лишения свободы известный кинорежиссер Сулейман Ходжаев. В вину ему было поставлено то, что он «в ноябре 1937 г. у себя на квартире в группе 3-х человек говорил о наличии большей демократии и свободе печати во Франции, чем в Сов. Союзе, доказывая это тем положением, что во Франции различные политические партии имеют свой печатный орган, свободно практикуют действия отдельных представителей, попробуй это сделать в нашем Союзе, что с Вами будет завтра»¹.

«Кроме того, — подчеркивалось в обвинительном приговоре, — подсудимый Сулейман Ходжаев в кругу своих знакомых клеветал на мероприятия партии и правительства, направленные на выполнение хлопкоуборочной кампании 1934 г., доказывая присутствующим, что «за неурожаем судят колхозников, применяют жесткие меры к не выполняющим хлопкопоставки»².

Фактически полному разгрому подвергся коллектив Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета (ныне Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека). В 1936 г. ее директор профессор-историк П.П. Смирнов чудом избежал ареста. До этого его, сосланного из Киевского университета в Ташкент, лишили права читать лекции в САГУ и использовали в качестве технического работника. Вовремя предупрежденный о предстоящем аресте, он поспешно покинул Ташкент и уехал в Москву, где впоследствии являлся профессором Московского историко-архивного института³.

Ареста не избежала ближайшая помощница П.П. Смирнова по фундаментальной библиотеке САГУ этнограф Н.В. Брюллова-Шаскольская. Обвиненная в «контрреволюционной деятельности», она была расстреляна 9 октября 1937 г. Посмертно реабилитирована 6 августа 1957 г.

В том же 1937 г. был арестован редактор Андижанской газеты Алимбай-Ходжа Бабаходжаев, обвиненный в том, что «...распро-

¹ ЦГА РУз, Фонд Р-94, оп.5, д.9, л.2,8,19,29.

² ЦГА РУз, Фонд Р-94, оп.5, д.9, л. 17, 18,20.

³ Ишанходжаева З.Р. Красный террор и расстрелянные библиотеки Ташкента // Вестник НУУ. 2000. — № 4. — С.28.

странял антисоветскую клевету, говорил, что советская власть не принадлежит рабочему классу, а потому колхозы не обеспечивают хлебом и промтоварами, колхозники голодные и голые от голода умирают». Был осужден на 8 лет. Но через год скончался.

5 августа 1937 г. в Москве был арестован старший библиограф и переводчик по тюркским языкам Всесоюзной книжной палаты Комитета наук при ЦИК СССР Кудратулла Юнусов. Он был обвинен в том, что в 1915 г. вступил в «буржуазно-националистическое культурно-просветительное общество «Туран», которое возглавляли, по версии работников НКВД, «известные националисты» Низаметдин Ходжаев, Абдулла Авлони, Салахутдин Муфти, Шакирджан Рахими, Мир Азимов и др.». В 1920 г. его якобы «завербовал» в «националистическую организацию «Миллий-Иттиход» Башрулла Хан Ассаддула Ходжаев». По этому делу проходили также С. Турсунходжаев, Абдукахар Кушбегиев, Али Расулов, Салимхан Тилляханов, Ташпулат Нарбутабеков, Юсуп Алиев, Тангрикул Ходжиев, Мунаввар Кары, Темир Кулходжиев, Гулам Икрамов, Абдувахид Бурханов, Рыскулов и многие другие видные представители национальной интеллигенции. Кудратулла Юнусов был расстрелян как «враг народа» 5 октября 1938 г., реабилитирован 26 апреля 1989 г.

В целом же, в результате развернувшихся во второй половине 30-х гг. массовых арестов, к весне 1938 г. оказалось репрессировано более 60% всего состава руководящих и хозяйственных работников, представителей национальной интеллигенции.

Со вступлением СССР во вторую мировую войну обстановка военного времени объективно потребовала заметной перестройки идеологической и массово-политической работы, смещение акцентов в деятельности средств массовой информации и культурно-просветительных учреждений, политический террор. Политическое руководство страны и республики предприняли энергичные усилия по активизации роли идеологических институтов в мобилизации широких народных масс на отпор врагу.

По истечении времени видно, что предпринимаемые меры, как и прежде, в принципе осуществлялись в рамках устоявшихся порочных марксистских установок. Культурно-идеологическая работа носила политизированный характер, но ее заслугой являлось то, что всем своим содержанием идейно-политическая деятельность власт-

ных органов была нацелена на превращение страны в единый боевой лагерь.

Идеологический фронт справедливо воспринимался властным руководством в качестве одного из решающих в войне с фашизмом. При этом в тяжелых условиях начального этапа войны, когда реально встала угроза поражения, в официальной советской пропаганде доминировали идеи и лозунги национального мужества и векового патриотизма, народного и священного характера войны.

Однако после Сталинградской битвы, ознаменовавшей коренной перелом в советско-германской войне, идеологические послабления стали сходить на нет. С каждой победой на фронте усиливалась эволюция пропаганды в сторону идеологического экстремизма, восхваления сталинского руководства.

Противоречия в идеологической политике партии находили рельефное отражение в деятельности идеологических и культурно-просветительских учреждений. На первом этапе главным содержанием их работы выступала идея национального единства – «Все для фронта». В последующем – идеологемы культового мышления. Подобный разворот наблюдался на всем пространстве советского государства, в том числе и в Узбекистане.

С началом вооруженной гитлеровской агрессии в республике развернулась масштабная работа по идеологическому обеспечению военно-хозяйственных задач. Правительство Узбекистана использовало разнообразные формы и средства пропаганды народного характера войны, необходимости сплочения всех наций и народностей в священной борьбе против общего врага, оказания повседневной помощи фронту.

Важным инструментом идеологического воздействия выступила печать. Газеты и журналы, являвшиеся наиболее массовыми источниками информации, активно содействовали укреплению патриотического духа народа, несмотря на сокращение изданий и тиражей в связи с трудностями военного времени. В первые месяцы войны количество центральных газет уменьшилось вдвое. Резко сократилось число республиканских газет и журналов. Было принято специальное постановление о «Временном прекращении издания ряда журналов и газет». Среди них «Коммунист», «Муштур», «Пионер Востока», «Ленин болалари» и др. Остались две республиканские газеты – «Кизил Узбекистон» и «Правда Востока», 16 областных,

4 городских, 60 районных и 11 фабрично-заводских газет. С сентября 1943 г. стал выходить ежемесячный иллюстрированный журнал «Фото-газета», освещающий героико войны и труда населения Узбекистана.

В связи с сокращением печатных изданий, агитаторы и пропагандисты организовывали газетные витрины, проводили коллективные читки печатных материалов, пересылали прочитанные газеты и журналы из городов на периферию. Это позволяло своевременно доводить информацию о текущих событиях до сведения слоев населения.

В общем русле военного времени действовали культурно-просветительные учреждения. Они систематически информировали о положении на фронтах, о ратных подвигах узбекистанцев. Правда, в первые военные годы их численность заметно сократилась. Так, в постановлении Совнаркома Узбекской ССР за № 425 от 31 марта 1944 г. отмечалось резкое уменьшение политико-просветительных учреждений: клубов – на 107, библиотек – на 205. В Самаркандской области из 30 изб-читален, принятых по бюджету 1943 г., работали только 3, в Ферганской области из 49 клубов – 16.

В ряде областей помещения клубов, библиотек и домов культуры использовали под другие цели. Из 518 колхозных клубов, существовавших в 1941 г., в 1944 г. сохранилось 205, остальные были закрыты, а их помещения использовались колхозами для хозяйственных нужд¹.

Тем не менее работники культпросветучреждений внесли свой достойный вклад в победу над темными силами фашизма. Центром политико-просветительной деятельности в городе и на селе были областные, городские и районные Дома культуры, которые работали в тесном контакте с вузами, школами, театрами, кино, радио, библиотеками и музеями. В частности, в Ташкентской области только за 1943 г. было организовано около 2 тыс. лекций, проведено 1150 киносеансов, свыше 500 спектаклей и вечеров, а в кружках при клубах участвовало более 6 тыс. человек².

В большинстве своем эти клубы снабжались свежими газетами и журналами, выпускали стенгазеты и боевые листки, освещающие

¹ ЦГА РУз, Фонд Р-94, оп.424, д.26, л.37.

² ЦГА РУз, Фонд Р-94, оп.424, д.26, л.37.

события на фронте, производственные вопросы и опыт передовиков сельскохозяйственного производства.

В сети культпросветительных учреждений одно из ведущих мест принадлежало библиотекам. Несмотря на то, что их сеть в годы войны существенно сократилась, они продолжали проводить плодотворную работу по просвещению широких масс. Расширился круг читательского актива, увеличилось число книг, выдаваемых читателям¹. Если в 1941 г. библиотеки выдали 89 528, то в 1942 г. – 105406 книг. Выросло количество передвижек. Если в 1941 г. передвижной фонд имел 3 библиотеки, в 1942 г. – 54, то в 1943 г. уже 70 библиотек². Только одна городская библиотека города Коканда в 1943 г. организовала 18 передвижек, которые обслуживали 12 предприятий, госпитали, военкомат и детприемник³. 36 передвижек было организовано в 1944 г. Хорезмской областной библиотекой в районных центрах и крупных колхозах⁴.

В общей системе культурно-просветительной работы среди населения огромная роль принадлежала радио и кино, являвшихся самым действенным средством идейно-политического воспитания масс. Большое внимание уделялось в этой связи расширению радиотрансляционной сети и местного вещания. Уже на 1 октября 1947 г. в республике насчитывалось 62330 радиоточек – на 4010 точек больше, чем их было к началу войны.

Республиканский радиоцентр обеспечивал трансляцию важнейших передач из Москвы. Сообщения Совинформбюро и другие важные материалы Центрального радиовещания передавались в переводе на узбекский язык. В клубах, красных чайханах, агитпунктах были организованы пункты коллективного прослушивания радиопередач. К сентябрю 1942 г. в Узбекистане действовало 188 таких пунктов.

Культурно-просветительные учреждения большое значение придавали кинообслуживанию населения, особенно самых отдаленных уголков республики.

¹ ЦА РУз, Фонд Р-94, оп.424, д.201, л.303.

² ЦА РУз, Фонд Р-94, оп.424, д.201, л.303–304.

³ Архив Ферганского областного хакимията, Ф.1, оп.155, д.1, л.34.

⁴ ЦА РУз, Фонд Р-94, оп.424, д.201, л.305.

Несмотря на то, что в реалиях военного времени произошло значительное сокращение киноустановок и в 1944 г. в республике имелись всего 202 государственные киноустановки, все они максимально использовались. Во время посевных и уборочных кампаний кинопередвижки направлялись в колхозы, совхозы и МТС для показа художественных и документальных фильмов.

Учитывая огромное политико-воспитательное значение оборонных и антифашистских фильмов, во всех областях проводились оборонные кинофестивали. Так, с 20 февраля 1942 г. такие кинофестивали состоялись в 15 районных и сельских клубах Бухарской области¹.

Видное место в культурно-просветительной работе среди населения занимали музеи. Несмотря на трудности, сопряженные с военным временем (теснота и непригодность помещений большинства музеев, недостаток квалифицированных специалистов, затруднения с материалами для изготовления новых экспонатов и др.), музеи с первых же дней войны особое внимание уделили проведению культурно-массовых мероприятий, способствующих просвещению самых широких слоев населения. Работники музеев организовывали выставки, а затем отделы об освободительной войне, о героической борьбе народа Узбекистана в историческом прошлом, читали лекции на производстве, стройках, в колхозах, школах, клубах, парках, госпиталях. Все это способствовало росту интереса и стремлению населения к изучению истории родного края, событий войны с фашизмом.

Таким образом, работники культпросветучреждений республики словом и делом стремились внести свою лепту в общенародную победу над фашизмом. Все их помыслы были связаны с освобождением страны от гитлеровских захватчиков. Однако, несмотря на массовый героизм воинов-освободителей и самоотверженный труд тружеников тыла, продолжалась политика геноцида по отношению к различным слоям населения, в том числе и в системе культурно-просветительных учреждений.

В частности, политическим гонениям подверглись сотрудники Ташкентской областной библиотеки (ныне библиотека «Турон»):

¹ Красная Бухара. 1942, 20 февраля.

Ибрагимов Рахимджан – директор библиотеки, сотрудники Далимов Акбар¹, Убайдуллаев Асад, Турсунова Ахат.

Все они были арестованы органами НКВД в ноябре 1941 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности. Следствие назвало Ибрагимова Рахимджана и Далимова Акбара «враждебно настроенными существующему строю выходцами из крупных торговцев». Утверждалось, что они в 1939 г. принимали активное участие в контрреволюционных собраниях – «гапах», где с антисоветских позиций критиковали политику партии и Советской власти». В этой формулировке отчетливо проявляется негативное отношение режима к исконным традициям народа, готовность растоптать судьбу любого человека за принадлежность к бывшим имущим слоям, подозрительное отношение к образованным людям. Если их личные разговоры не содержали безудержного восхваления политики Центра и московских вождей, то это уже воспринималось как критика в адрес партии и правительства, существующего строя.

Тщательное изучение протоколов допроса названных сотрудников библиотеки позволяет сделать вывод, что выдвинутые против них обвинения были намеренно сфабрикованы. Вина обвиняемых заключалась только в том, что они с горечью воспринимали утрату векового национально-культурного наследия узбекского народа, его исторической памяти. Тем не менее, несмотря на очевидную несостоятельность, противоречивость предъявляемых доказательств, Ибрагимов Рахимджан и Далимов Акбар были обвинены в «создании контрреволюционной националистической организации для борьбы с советской властью».

Такая формулировка для идеологического оформления всякого инакомыслия была наиболее распространенной в тот период.

Военные поражения тяжело отражались на морально-политическом состоянии народа, армии и флота, порождали растерянность, подрывая доверие к руководителям государства. Нарастал глубокий кризис официальной идеологии. Чтобы предотвратить его особенно в военное время, требовались еще и чрезвычайные меры. Но теперь

¹ Далимов Акбар — старший библиотекарь, в 1934 г. его деятельность в области народного просвещения была оценена весьма высоко: ему было присвоено звание «Ударник труда Узбекистана». В 1935 г. он временно исполнял обязанности директора Ташкентской областной библиотеки.

уже опасность исходила не от мнимого, как прежде, а от реально-го врага. Отсюда и чрезвычайная резкость формулировок в обвинительных заключениях репрессированных в тот период, жесткость их наказания¹. Обращаясь к данному конкретному случаю, мы видим, насколько изоциренно работал маховик репрессий по отношению к подозреваемым в чем-либо людям. Их незаконно обвиняли в самых тяжелых по тем временам преступлениях – «создании контрреволюционной националистической организации для борьбы с советской властью, проведении агитации среди призывников, идущих на фронт, не оказывать сопротивления немецко-фашистским захватчикам, распространении антисоветских прокламаций среди населения, восхвалении Гитлера» и т.д.

Например, сотрудника Ташкентской областной библиотеки Турсунова Ахата обвиняли в том, что он якобы был враждебно настроен к советской власти, клеветал на нее. Еще одного сотрудника Ташкентской областной библиотеки Убайдулла Асата, также арестованного органами НКВД в 1941 г., обвиняли в том, что он, «будучи осведомленным о контрреволюционной деятельности Ибрагимова Р. и Далимова А., своевременно не сообщил в соответствующие органы». Так методично создавалась обстановка страха, боязни за своих детей, родных и близких, недоверия друг к другу.

Подобными мерами уничтожалось политическое инакомыслие, особенно у молодежи.

Что же представляли собой эти сфабрикованные следствием «контрреволюционные националистические организации», которые в следственных материалах квалифицировались как антисоветские и даже террористические.

Обычно «организация» насчитывала от 3 до 10 человек, из числа молодежи, и они не были связаны политическими взглядами. Молодые люди собирались в кругу близких товарищей для самостоятельного изучения истории, философии, литературы. Попытка уйти от официальных штампов, навязанных оценок и дозволенных суждений перерастала сначала в потребность, а затем и в способность самостоятельно мыслить.

¹ Бугай Н. Депортация народов//Война и общество, 1941–1945 книга вторая. –М.:Наука, 2004.

Борьбу с инакомыслием не остановили даже чрезвычайные условия военного времени. Аресты проходили во всех слоях общества. Особый упор был сделан на талантливую молодежь и более зрелое поколение. Проходившие по процессам обвинялись, как было сказано выше, в контрреволюционной, антисоветской, вредительско-диверсионной, шпионской и террористической деятельности.

В нарушение всех юридических норм обвинение строилось на основании лишь одного вида улики — признания подследственных. А главным средством получения «признаний» были пытки и истязания; ночные и изнурительные по продолжительности допросы с применением так называемой «конвейерной системы» и многочасовых «стоек». Арестованных предупреждали, что пытки будут продолжаться и после суда, в случае, если они откажутся от выбитых из них показаний.

Применялись многочисленные приемы психологического воздействия: от угроз, в случае отказа от сотрудничества со следствием, расправиться с родственниками, до апелляции к коммунистическому сознанию подследственных. Вся система допросов была рассчитана на морально-психологическое и физическое изматывание обвиняемых.

Но вернемся к делу Далимова Акбара. Если проследить за допросами, которые проводились по отработанной системе, то увидим, что они включали применение всего апробированного набора приемов. Например, на первых допросах, проводившихся 19 ноября и 26 ноября 1941 г., на вопрос следователя о «контрреволюционной деятельности» Далимов Акбар однозначно отвечал: «Никакой контрреволюционной деятельности я не вел», «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю». Тем не менее это не помешало принять «Постановление о предоставлении обвинения» Далимову А. 26 ноября 1941 г., в котором указывалось, что он, «будучи контрреволюционно настроен, в 1939 г. принимал участие в контрреволюционных сборищах (гапах), где с группой контрреволюционно настроенных лиц критиковал политику партии и советской власти с антисоветских позиций».

Несмотря на отрицание выдвинутого обвинения, в отношении Далимова Акбара и других сотрудников Ташкентской областной библиотеки (Ибрагимов Рахимджана, Убайдуллаева Асата и Турсунова

Ахата) было выдвинуто обвинительное заключение, в котором все они обвинялись в «участии в контрреволюционных сборищах, где критиковали политику партии и Советской власти».

Далее в деле говорится, что, «руководствуясь приказом НКВД СССР за № ОО1613 от 21 ноября 1941 г., документы по обвинению Ибрагимова Р., Далимова А., Турсунова А., Убайдуллаева А. направить на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР».

Это знаменитое своими беспощадными приговорами так называемое «Особое Совещание» принимает решение в отношении Ибрагимова Рахима, Далимова Акбара – расстрел с конфискацией лично принадлежавшего им имущества. Турсунова Ахата и Убайдуллаева Асада – лишение свободы сроком на 10 лет и с последующим лишением избирательных прав на 5 лет. Наказание, безусловно, неоправданное и слишком суровое. Данный случай еще раз раскрывает порочную суть репрессивных акций, которые предпринимал сталинский режим для наказания самостоятельно и здравомыслящих людей. Показательно при этом, что осужденных заставляли писать, вслед за вынесенным приговором, унижительные заявления о «признании своей вины», после которых им разрешалось подать прошение о помиловании. Подтверждением тому являются и заявление Далимова А. и Ибрагимова Р. Так, в прошении Далимова А., написанном на имя руководителей государства, говорилось об облегчении наказания при осуждении, так как на его иждивении находились семь человек. К сожалению, эти мольбы в расчет не брались. И «наказание» не заставило ждать. «Особое Совещание» принимает вышеуказанное решение. Приговор был исполнен 26 августа 1942 г.

Убайдуллаев Асад умер в местах лишения свободы 4 февраля 1943 г., 30 июля 1943 г. умер в Павлодарской тюрьме Ибрагим, арестованный «за вину» своего сына.

Между тем, проходящие по указанному делу лица всей душой болели за подлинное просвещение народа. Будучи глубоко интеллигентными людьми, они остро ставили перед партийно-советскими органами вопросы о необходимости укрепления материальной базы просветительских учреждений, превращения их в действенные «очаги культуры». Об этом наглядно свидетельствует обращение Р. Ибрагимова и А. Далимова к ближайшему сподвижнику И. Сталина – Л.М. Кагановичу, направленное в Москву в начале 1941 г.

В нем, в частности, говорилось:

«Мы, сотрудники Ташкентской областной библиотеки... обращаемся к Вам с просьбой оказать нам содействие в разрешении вопроса с помещением библиотеки.

Наша библиотека существует уж более 20 лет, она была организована в начале 1919 г. и в то время была единственной библиотекой в бывшем старом городе Ташкента. 20 с лишним лет она обслуживает своим книжным фондом население Ташкента и стала популярнейшим культурным учреждением, ведущим большую культурно-просветительскую работу среди широких трудящихся масс города, в особенности в его старой части.

Но, несмотря на свое громадное культурное значение, она продолжает пребывать в совершенно тесном, сыром, случайно выбранном в первые дни организации библиотеки помещении и в самом неблагоустроенном месте.

Ежегодно пополняясь новой литературой, библиотека за 20 с лишним лет выросла в крупное учреждение и в настоящее время насчитывает в своем книжном фонде 40 с лишним тысяч книг, но площадь, занимаемая ею, ни на один квадрат. метр не расширилась. Помещение библиотеки состоит в основном из 2-х комнат с площадью в 185 кв. метров, где находится 1) читальный зал; 2) книгохранилище; 3) отдел выдачи книг и 4) выставочная.

С внешней стороны библиотека имеет самый неприглядный вид. Напротив библиотеки (в 20 шагах от нее) находится колхозный базар и тут же у стен библиотеки базар-толкучка. Рядом с библиотекой помещаются: 1) склад Райпищеторга; 2) машинное отделение холодильника продуктового склада и 3) артель инвалидов. С утра до позднего вечера вокруг библиотеки невероятнейший шум, поэтому нет никакой возможности у читателя библиотеки эффективно работать над книгой.

Работа библиотеки парализована: книгохранилище почти до отказа заполнено книгами, вновь поступающую литературу нигде хранить, нет возможности вести активную культурно-массовую работу среди читателей, около 10 тыс. книг сложены в архиве библиотеки и лежат без всякого движения, среди которых имеются редкие книги по истории Средней Азии»¹.

¹ ЦГА РУз, Фонд Р-837, оп.32, д. 3191, л.118, 119.

Далее авторы обращения подчеркивали, что «...печать Узбекистана неоднократно писала об этом, что помещение библиотеки совершенно непригодно для нее, о тесноте, шуме и, наконец, о необходимости предоставления другого, соответствующего помещения.

Десять лет тому назад, т.е. в 1920 г. газета «Шарк хакикати» («Правда Востока», узб.) писала: «Пребывание до настоящего момента центральной библиотеки в помещении, случайно выбранном десять лет тому назад, в сравнении с нашим культурным ростом является культурной отсталостью (Шарк хакикати. 1929. 26/12).

Библиотека, со своей стороны, так же не раз ставила вопрос в соответствующих организациях о предоставлении библиотеке другого помещения, но эти организации не обращали внимания на требования библиотеки, в лучшем случае ограничивались отписыванием бумаг или наложением резолюции.

В конце 1940 г. мы обратились с письмом в редакцию газеты «Кизил Узбекистон». Газета опубликовала наше письмо. После этого к нам стали приезжать на проверку от разных организаций. Но в результате дело окончилось тем, что Ташоблисполком поручил Ташгорисполкому разрешить этот вопрос у себя, а заместитель председателя Ташгорисполкома тов. Хусайнов нам ответил, что «это такой проблемный вопрос, который Ташгорсовет не в состоянии разрешить».

Р. Ибрагимов и А. Далимов с горечью констатировали, что сотрудники библиотеки вместо оказания необходимой помощи встречают «... только бездушное отношение к справедливым требованиям... Мы находимся в самых ненормальных условиях. Мы еще раз просим Вас оказать содействие в деле получения соответствующего для областной библиотеки помещения»¹.

Лазарь Каганович ответил в марте 1941 г., но в чисто бюрократическом стиле. Он адресовал это обращение в Совнарком УзССР, чтобы оно рассмотрело направленное ему письмо коллектива библиотеки².

Сопоставляя дату обращения Р. Ибрагимова и А. Далимова в Москву, а также дату их ареста, думается, что именно их неутраченные требования послужили причиной репрессивного осуждения

1 ЦГА РУз, Фонд Р-837, оп.32, д. 3191, л.120.

2 ЦГА РУз, Фонд Р-837, оп.32, д. 3191, л.121.

этих верных сынов узбекского народа, спровоцированного властными бюрократическими кругами.

На завершающем этапе войны, когда окончательно отпала угроза гитлеровской агрессии, политическое руководство страны посчитало необходимым усилить репрессивно-тоталитарную направленность всей идейно-политической работы. Сталина беспокоили вызванные войной нежелательные режиму перемены в общественном сознании, пробуждение национального духа, осознание народом своей социальной значимости. Союзной партийно-политической элите важно было вновь натянуть на народные массы смирительную рубашку тоталитарного строя, в корне задушить вновь пробивающиеся ростки инакомыслия. Для этой цели в 1944–1945 гг. было принято несколько постановлений, ориентированных на существенную активизацию политпросветработы в русле новых идеологических установок. В конкретных условиях нашей республики они нашли отражение в постановлении СНК УзССР и ЦК КП (б) Узбекистана от 31 марта – 13 апреля 1944 г. «О мероприятиях по улучшению работы политпросветучреждений и массовых библиотек»¹.

В этом постановлении вскрывались идеологические «изъяны» в деятельности культурно-просветительных учреждений, на которые указывалось еще в период войны: «...улучшить руководство и партийный контроль за работой домов культуры, колхозных клубов и красных чайхан».

Реализация данного постановления способствовала некоторому укреплению материальной базы культпросветучреждений, умножению их числа. Так, на 1 июня 1945 г. в республике насчитывалось 1016 клубных заведений (10 областных), 117 районных домов культуры, 18 городских клубов, 877 красных чайхан и читален, 322 массовые библиотеки. Это было на 450 культурно-просветительных единиц больше, чем в 1942 г. Однако общий рост числа культпросветучреждений не мог компенсировать утрату той свежести в постановке идейно-политической и культурно-просветительской работы, которая наметилась в начале войны. Массово-политические и культурно-просветительные заведения ускоренными темпами вос-

¹ Касимова А. Библиотечное дело в Узбекистане. –Ташкент: Узбекистан, 1968. – С.99.

становливали фрагментарно ослабевшие функции опорных идеологических структур тоталитарного режима.

На основании вышеизложенного материала можно сделать следующие выводы:

Как и система народного образования, культурно-просветительские учреждения советского типа изначально были призваны стать важнейшими составными тоталитарной идеологической машины, нацеленной на отформовку преданных коммунистическому строю «верных бойцов партии», на подрыв национального самосознания и искоренения любых форм инакомыслия.

Решение этой задачи осуществлялось посредством репрессивных методов «социалистической перековки». Они включали, с одной стороны, повсеместную ликвидацию «дореволюционных» образовательных и культурно-просветительских структур, силовое насаждение новых образований, полностью подконтрольных правящей союзной политической элите. С другой – физическое уничтожение мыслящей части общества, в том числе работников народного образования и просвещения, проявлявших свободолюбивые устремления.

Тотализация духовной сферы трагически сказалась на деятельности высшей и средней школы, культурно-просветительных учреждений. Они во многом утратили свои исконные функции гуманистического просвещения народа. Тем не менее, даже находясь в тисках гнетущего политического террора, многие представители учительского корпуса, работники культпросветучреждений стремились отстаивать национальные интересы, донести до широких масс исконные национально-духовные ценности, содействуя тем самым духовному прогрессу народа. Особенно зримо это проявилось в начале 20-х годов и в период второй мировой войны, когда сталинский режим вынужден был пойти на отдельные идеологические послабления.

Материалы исследования свидетельствуют, что, несмотря на политический терроризм, мечта о свободной жизни никогда не оставляла национальных патриотов. Она рождала энергию движения к независимости.

ГЛАВА 3. ВОЗДЕЙСТВИЕ СТАЛИНСКОЙ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ НА НАУКУ В УЗБЕКИСТАНЕ

3.1. Влияние идеологических процессов на науку в 20–30-х гг. XX в.

Серьезный урон в годы сталинского режима был нанесен отечественной науке, особенно общественным дисциплинам.

Складывалось представление, что в науке с самого начала исследования правильным может быть только один путь, одно истинное направление, одна научная школа и, разумеется, только один главный ученый, – «вождь» советской науки Иосиф Сталин. Иными словами, как точно отметил известный российский ученый Д. Лихачев, «наука развивалась (если это можно назвать развитием) под влиянием мысли об изначальной правильности одного направления и неправильности всех остальных. И это «правильное» направление, выбранное по чисто внешним признакам, объявлялось подлинно марксистским. Тогда не было и не могло быть предположения, что научная истина рождается где-то на перекрестке путей... Предопределенность истины считалась неоспоримой...»¹.

Наука, прежде всего общественные дисциплины, политизировалась и схематизировалась до предела, тем самым фактически отвергалась сама возможность открытий в науке. Частные исследования, хотя прямо и не запрещались, но и не одобрялись. В науке роль выводов «не предсказанных», вытекающих из экспериментов, рукописных и документальных источников, из незаинтересованных соображений, игнорировалась. Предполагалось, что в науке следует «доказывать» (точнее, говоря, подбирать доказательства) для уже заранее определенной по политическим соображениям точки зрения. Считалось непреложным, что в науке действуют две противостоящие воли: одна классово приемлемая, другая – классово враждебная этой первой, соответствующей «пролетарской» идеологии. Отсюда стремление увидеть в несогласии вылазки «врагов», стремление не доказать свою точку зрения, а «разоблачить» любую другую. Отсюда появление в науке огромного числа «врагов» существующего строя,

¹ Репрессированная наука / ред. М.Г. Ярошевский – Ленинград: Наука. 1991. – С.5.

государственной власти, вредителей, преступников, подлежащих аресту и наказанию – вплоть до расстрела.

Движение науки вперед мыслилось как расправа с теми, кто был не согласен с единственным, якобы изначально правильным направлением. Вместо научной полемики – обличения, разоблачения, запрещение заниматься наукой, а в подавляющем числе случаев – аресты, ссылки, тюремные сроки, уничтожение, которому подвергались не только институты, лаборатории, ученые, научные школы, но и книги, рукописи, результаты опытов и многолетних творческих изысканий. «Вражеские вылазки», «классовые враги в науке», «вредители», «буржуазная контрабанда в науке», «феодално-националистические вылазки» и пр. – такими выражениями пестрели «научные труды» 30 – начала 50-х гг. Людей преследовали за хранение книг с именами неугодных, за их упоминание в трудах, а, с другой стороны, за отсутствие ссылок на «труды корифеев». Последние, как предполагалось и утверждалось, никогда не ошибались, не говорили и не писали чего-либо случайно, без всякого смысла. Все это разрослось до масштабов тотальной социальной политики¹.

В условиях сталинского режима в «стране Советов», в том числе в Узбекистане, погибли тысячи ученых. Это была невосполнимая утрата. А сколько было «побочных» жертв. Многие умирали от нужды и неустроенности, от душевного гнета и невозможности заниматься любимым делом. Сколько в зародыше погибло плодотворных идей, сколько талантливых людей не смогли пробиться к научной работе, получить образование по причине «неудовлетворительности» своих анкетных данных, сколько талантливых людей, отказавшись заниматься наукой, ушли в более «безопасные» области деятельности!

Как и по другим направлениям духовной жизни, истоки политических акций сталинского режима по отношению к науке и ученым крылись в самой природе так называемой «советской культурной политики», настоящей на принципах классового подхода и монополии ортодоксальной коммунистической идеологии.

Многочисленный список жертв советской репрессивной практики стал пополняться из числа ученых уже в первые послеоктябрьские годы. В частности, в Туркестане она коснулась на начальном

¹ Репрессированная наука / ред. М.Г. Ярошевский – Ленинград. Наука 1991- С.5.

этапе, прежде всего, известных российских ученых — историков, востоковедов, археологов, внесших заметный вклад в изучение истории, этнографии, быта и уклада жизни местных народов.

Так, в январе 1918 г., утратив веру в возможность воплощения идеалов социальной справедливости, покончил с собой этнограф, лингвист и педагог В.П. Наливкин, создавший уникальный для своего времени труд «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь», получивший золотую медаль Русского географического общества. В 1919 г. по обвинению в участии в «Осиповском мятеже» был расстрелян автор капитального четырехтомного сочинения «Исламизм» П.П. Цветков. 10 мая 1920 г. за «антисоветскую деятельность» этой же участи подвергся видный археолог и историк Средней Азии Л.А. Зимин. В том же году был выслан из Туркестана по политическим мотивам Н.С. Лыкошин, являющийся автором более 700 научно-краеведческих работ о Центральной Азии. Одновременно вынуждены были искать спасение в эмиграции от политических преследований такие известные исследователи Туркестана, как Жозев Кастанье, Шерали Лапин, Ахмад Заки Валиди¹.

В последующем маховик политических репрессий, направленных против науки и творческой интеллигенции, стал набирать обороты.²

В общесоюзном масштабе такой первой и крупной акцией стала административная высылка за границу в 1922 г., по распоряжению В. Ленина, более 200-х ученых, представлявших интеллектуальную элиту российского общества. Среди них выдающиеся философы Н. Бердяев и С. Франк, крупный социолог П. Сорокин, известный историк А. Кизеветтер, блестящий экономист Б. Бруцкус и др.³. Это

¹ Германов В.А. Историки Туркестана в условиях политического террора 20–30-х годов. —Т.: Узбекистон, 2000. — С. 4,7,13, 21.

² Об этом есть много интересных архивных и рукописных материалов. См., например: Файзулла Ходжаев — Бухарский путь в революцию. Арапов А.В. На правах рукописи. Архив «СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ»; Хасанов Б. Духовное состояние интеллигенции Туркестана, Узбекистана 1917-1920-х гг. и ее отношение к социальным переменам; Репрессированное востоковедение. Востоковеды, подвергавшиеся репрессиям в 20-50-е годы и др.

³ См. Голованов А.А. Крестьянство Узбекистана: эволюция социального положения. 1917–1937 гг. —Ташкент: Фан, 1992. — С.25.

мотивировалось необходимостью очистить идеологическую атмосферу от немарксистских «оттенков», оградить молодую поросль советских научных работников от влияния «чуждых взглядов». Но избавившись от оппонента, сама марксистская наука объективно лишилась одного из источников своего развития. Для молодежи «изгнание мэтров» означало сильное обеднение общего культурного фонда. Лишившись возможности участвовать в соревновании общественно-политических, философских, экономических идей, молодежь теряла смелость и в своих научных работах.

Предпринятая в 1922 г. акция по сути положила начало масштабной политизации науки со всеми вытекающими отсюда последствиями, обусловила внедрение государственного запрета на научное и философское инакомыслие в рамках общемировых процессов социального познания. Этот запрет губительно сказался на общем развитии научной мысли как СССР в целом, так и Узбекистана в частности, вызвал растущую оторванность советской науки, особенно общественных дисциплин, от мировой.

20-е годы стали временем становления в бывшем советском государстве новой, «социалистической» науки, базирующейся на марксистской основе. Еще прочно не утвердилась монополия коммунистической идеологии, круг ученых-марксистов был ограничен и потому в границах этой формирующейся науки наблюдался определенный плюрализм мнений, допускались альтернативные суждения. Вместе с тем все более явственно проявлялась другая тенденция: авторитарная, государственно-охранительная, сопровождавшаяся возрастающим вмешательством партии и государства не только в идеологическую, но во все сферы жизни советского общества. Свобода мысли, инакомыслие и критика политики правящей партии все более ограничивались пределами советской легитимности и самой партии. В русле этих процессов закладывалась соответствующая инфраструктура научных учреждений, призванных целенаправленно проводить в научной сфере «генеральную линию партии», формировать механизм социального познания, исходящего из идеологической парадигмы классового подхода¹.

¹ II конференция по краеведению и съезд научных обществ и учреждений Узбекистана (25 октября 1925г.)// Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис.) – 1926, вып.1. – С.309.

Особое значение в этом отношении придавалось общественно-гуманитарным дисциплинам. В частности, еще в 1918 г. по инициативе В. Лёнина в Центре была создана специализированная организационная структура, названная Социалистической академией. На нее возлагалась «разработка общественных наук с социалистической точки зрения»¹. В 1924 г. ее переименовали в Коммунистическую академию. Причем с целью усиления идеологического контроля над всеми научными отраслями в составе новой академии, наряду с секцией общественных наук, была образована секция естественных и точных наук. Последней вменялась в первую очередь «борьба с противоматериалистическими учениями в области этих наук», а также «проверка вновь возникающих теорий и учений с точки зрения материализма и отбор материалистического зерна истины, заключающегося в новых открытиях, от идеологической шелухи»².

К тому времени «идеалисты-гуманитарии» были, как говорилось выше, высланы за границу. Из СССР их устранили. Но задача «организационного противодействия влиянию, в первую очередь, на учащуюся молодежь со стороны буржуазной и ревизионистки настроенной профессуры»³ по-прежнему стояла в повестке дня, как отмечалось в резолюции XII съезда РКП (б) (апрель 1923 г.).

В соответствии с такой идеологической установкой на всем пространстве советского государства стала складываться ситуация, когда между «буржуазным» (классово враждебным) влиянием профессуры на молодые кадры, призванные построить новый мир, и ее (этой профессуры) приверженностью отличным от ортодоксальной версии марксизма воззрениям твердо ставился знак равенства. Говоря иначе, сама принадлежность к «старой профессуре» могла стать в любой момент поводом для гонений и на рубеже 20–30-х гг., с провозглашением курса «великого перелома», когда началась вакханалия «изготовления контрреволюционеров» с целью реализации сталинских политических планов.

¹ Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925). –Л., 1968. – С.211.

² Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925). –Л., 1968 С.221.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7 с. изд. Ч.I. –М., 1953. – С.35.

Тогда же, наряду с карательными органами, на службу репрессивной научной политике была поставлена и философия. Начало этой «службы» следует датировать 1922 г., когда стал выходить общесоюзный журнал «Под знаменем марксизма», страницы которого были испещрены изощренной бранью в адрес естествоиспытателей, обвиняемых в идеализме. К идеалистам относили как западных (Эйнштейн), так и советских исследователей (Берг, Ферсман, Вернадский). Идеализм означал классово чуждое мировоззрение, и потому обвинение в нем приобретало зловеший политический оттенок, сопровождалось, как правило, преследованиями ученых.

В зоне особого контроля правящих тогда верхов оказалась также и историческая наука. Известно, что самосознание человека и нации начинается со знания истории. Историческая память народа представляет базовую основу его этническо-культурной самоидентификации, неотъемлемую составную исконных духовных ценностей. Утрата этой памяти превращает людей в безвольных манкуртов, которыми можно легко манипулировать. Союзное политическое руководство это четко осознавало, потому в процессе становления советской исторической науки изначально ставило своей целью превратить ее, как и все обществоведение в целом, в безропотную прислужницу большевистского режима. А для этого важно было, с одной стороны, карательными средствами «нейтрализовать» историков-немарксистов, а с другой сформировать новые марксистские научные кадры, способные представить исторический процесс в русле схоластических схем коммунистического учения, обосновать историческую закономерность «торжества коммунизма» не только в «стране Советов», но и во всем мире.

В числе организаторов советской исторической науки как на союзном уровне, так и в Узбекистане преобладали лица, не обладающие соответствующей профессиональной подготовкой. Они вносили в науку стиль и методы авторитарного руководства. Особенно пагубными являлись исповедование идеи «вождизма», апеллирование к вышестоящим (не научным) авторитетам. Участие во внутрипартийной борьбе приводило к формированию группировок, порождало соперничество, ревностное отстаивание групповых интересов, нередко в ущерб истине.

Активно насаждался также в изучении общественных явлений классовый подход. По определению видного организатора советской

исторической школы М.Н. Покровского, обществоведение не что иное, как классовая борьба, отраженная в научных формах. «Суть истории в том, — писал он, — что она должна неустанно разьяснять массам происходящую классовую борьбу, вскрывать корни классовых противоречий»¹.

Концепции, которые одобрялись «верхами», должны были соответствовать не объективной истине, а прагматическим целям сталинской политики. Политизацию и идеологизацию науки Сталин использовал, чтобы настраивать молодежь против старой интеллигенции, которую, как и Ленин, люто ненавидел, считая, что она пропитана буржуазной «плесенью», безнадежно заражена вирусами идеализма и метафизики, являет собой классово чуждую породу. Культивировалась глобальная подозрительность, а хорошим показателем верности социализму считались доносы. В результате для посредственностей открывались надежные пути к научной карьере, сверхкомпенсации ими своего интеллектуального бесплодия.

Заметной вехой на пути развертывания губительных актов против науки и ученых на общесоюзном уровне стало проведенное отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) осенью 1928 г. специальное совещание с участием ведущих научных учреждений, посвященное проблемам истории и экономики². Принятая на нем резолюция, центральным пунктом которой был вопрос о «дальнейшем решительном разоблачении» буржуазной науки (говорилось о «живучести» старой идеологии, о сознательной фальсификации, осуществляемой «тонко и талантливо»), на длительный период определила основные направления научной деятельности и атмосферу. Критика персоналий (у историков, к примеру, «под обстрелом» оказались ученые с мировым именем — Р.Ю. Виппер, Д.М. Петрушевский, С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле и многие другие) дополнилась организационными мерами. В частности, были закрыты уникальные объединения научных учреждений — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) и Всесоюзная научная ассоциация востоковедения (ВНАВ), объединившие специалистов старой школы с растущими кадрами советских общество-

¹ История и сталинизм. (Сост. Мерцалова А.Н.). — М.: Политиздат, 1991. — С. 249.

² История и сталинизм... — С. 254.

ведов. Деформации подверглось Общество историков-марксистов и Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев: там были созданы коммунистические фракции, что способствовало процветанию сектантских настроений. Тем самым разрушался союз с беспартийными специалистами, ограничивались источники пополнения обществ, рождались разобщенность и недоверие. Массовой «чистке» подверглась союзная Академия наук.

Дальнейший толчок усилению репрессивной научной политики в СССР придало выступление Сталина на I Всесоюзной конференции аграрников-марксистов, состоявшейся в конце декабря 1929 г. В нем основное внимание было уделено разоблачению ряда теорий – «равновесия», «самотека», «устойчивости мелкокрестьянского хозяйства», которые обосновывали, в противовес взятого к тому времени курса на форсированную коллективизацию, перспективность развития сельского хозяйства на базе «нэповских», товарно-рыночных отношений.

Принятая конференцией резолюция содержала только негативные оценки научных взглядов таких крупных экономистов, как Кондратьев, Макаров, Вайнштейн, Чаянов и др. В отношении ко всем этим ученым и их концепциям предписывалась политика «выкорчевывания». Отныне только непримиримая борьба: против «буржуазных» ученых, с «правыми», с рецидивами троцкизма, а еще борьба с «нашими же товарищами коммунистами», которые, «прикрываясь марксистской фразой», поддерживают или недостаточно активно разоблачают «враждебные теории».

Указание Сталина об отставании теории от практики было подхвачено историками. Выступая в феврале 1930 г. с докладом на совещании преподавателей истории партии, ленинизма и Коминтерна, видный партийный функционер тех лет Е.М. Ярославский подчеркнул, что оно относится не только к экономистам, но и к историкам¹.

Линия на нагнетание политической истерии в системе советского общественнознания подкреплялась партийными официальными постановлениями. Так, в январе 1931 г. принимается постановление ЦК ВКП (б) о журнале «Под знаменем марксизма», в котором говорилось: «Работа журнала была оторвана как от задач строитель-

¹ См.: Вестник Комкадемии. 1930. – № 38. – С. 143.

ства социализма в СССР, так и задач международного движения»¹. Два месяца спустя в постановлении ЦК ВКП (б) от 15 марта 1931 г. «О работе Комакадемии» подчеркивалось: «Обострение классовой борьбы нашло в последние годы свое яркое отражение и на теоретическом фронте. Буржуазное влияние сказалось в форме ряда анти-марксистских и ревизионистских теорий...»².

Итак, были сделаны первые шаги в тотальном подчинении общественных наук, но нужны были еще более действенные акции, которые могли бы практически воздействовать на все звенья обществознания. Необходим был «программный» документ, теоретические положения которого были бы подкреплены определением путей их практической реализации.

Подобным документом стало опубликованное в конце октября 1931 г. в № 6 журнала «Пролетарская революция» письмо И. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма»³. Его анализ показывает противоречивость и декларативность обширного ряда сделанных в нем выводов. В то же время само выступление Сталина – обвинения и шельмование упомянутых им авторов, навешивание на них ярлыков («гнилые либералы», «троцкистские контрабандисты», «жульнические крючкотворы» и т.п.) – сделало невозможным дальнейшее принципиальное творческое обсуждение, привело к самобичеванию и к покаянным письмам, а затем и к репрессиям по отношению к лицам, подвергшимся критике.

Важным звеном в цепочке действий сталинского руководства по пути догматизации советского обществознания и использования его в качестве идеологического инструмента «разжигания классовой борьбы», политического преследования инакомыслящих явился «Краткий курс истории ВКП (б)», опубликованный под идейным руководством И. Сталина в 1938 г. Заложенные в нем схоластические схемы, методологические стандарты и концептуальные оценки, искажающие историческое прошлое, определили направления обществоведческих, особенно исторических исследований, на несколько последующих десятилетий.

¹ Справочник партийного работника. Вып. 3. 1933. – С. 340.

² Там же. – С. 340–341.

³ Сталин И.В. Соч. Т.13. – М.: 1953. – С. 84–102

Сегодня, с дистанции времени наглядно видно, что под воздействием сложившейся атмосферы нетерпимости, вражды, подозрительности и произвола история как наука сама оказалась репрессированной. В угоду культовой идеологии фальсифицировались исторические факты. История «обезлюдела». Из нее были вычеркнуты имена подавляющего большинства участников исторических событий, оказавшихся жертвами политического геноцида.

Происходящие в общесоюзном масштабе процессы динамичного нарастания в 20–30-х гг. бескомпромиссной борьбы на идеологическом фронте, совмещаемой с преследованиями ученых, находили адекватное отражение в Узбекистане.

Правда, нельзя отрицать, что за указанный период в развитии отечественной науки в республике наблюдались определенные достижения. После национально-территориального размежевания и образования Узбекской ССР руководство Узбекистана направило усилия на расширение корпуса научных работников, создание необходимых предпосылок по налаживанию обширной научно-исследовательской работы в интересах экономического и культурного подъема, роста благосостояния народа. Так, состоявшийся в ноябре 1925 г. II съезд КП (б) Уз ССР принял специальную резолюцию, в которой определялась необходимость «... взять твердый курс на объединение научной и культурно-показательной работы в области сельского хозяйства; разработку вопроса о применении в Узбекистане минерального удобрения, осуществление широкой электрификации республики, постановку научно-промышленной разведки и изысканий для выявления полезных ископаемых, нахождение путей интенсификации промышленности, сельского хозяйства, ирригации, поднятие и развитие общей культуры республики»¹.

В контексте решения этой задачи предпринимались меры по подготовке квалифицированных научных кадров, расширению сети научно-исследовательских учреждений. В результате уже в 1933 г. в Узбекистане функционировало 37 научно-исследовательских институтов, 45 научных пунктов, в которых трудились 12 тыс. научных работников².

¹ЦГА РУз, Фонд Р-34, оп.1, д. 2347, л.81–82.

²ЦГА РУз, Фонд Р- 86, оп.10, д. 122, л. 244–250.

Для повышения научно-педагогической квалификации кадров и поощрения их научной работы постановлением СНК УзССР в то время были введены ученые степени и звания – кандидат и доктор наук, ассистент, доцент, профессор.

Талантливыми учеными и организаторами науки зарекомендовали себя в рассматриваемый период Т.Н. Кары-Ниязов, Т.А. Сарымсаков (математика), Т.З. Захидов (биология), А.С. Садыков, Ю. Юнусов, Х.У. Усманов, К.С. Ахмедов (химии), Х.Ф. Фазылов, П. Салиев (историки), Я.Г. Гулямов (археолог). Видную роль в развитии науки в Узбекистане играли также В.Р. Романовский, А.С. Уклонский, Н.Я. Корженевский, И.А. Райкова, В.М. Титов и другие.

Проведенные в 30-х годах в республике форумы ученых, в которых принимали участие и представители союзной Академии Наук, показали, что Узбекистан имеет уже достаточные силы, способные решать сложные теоретические и практические проблемы, успешно развивать все отрасли современной науки¹.

В 1936 г., учитывая наличие в Ташкенте высококвалифицированных научных кадров – 17 докторов и 23 кандидата наук, а также оборудованных научно-исследовательских институтов, принимается решение о создании республиканского Комитета наук².

Комитет наук являлся высшим научным центром Узбекистана, находился в непосредственном ведении СНК и представлял одну из основных частей научно-исследовательских организаций. В числе его основных задач было развитие научно-исследовательской работы во всех областях теоретических и практических знаний, повышение квалификации научных работников, разработка методов и путей применения научных теорий и результатов научных опытов и т.д. Структурно он подразделялся на 3 отделения: 1) Отдел общественных наук; 2) Отдел математических и естественных наук; 3) Отдел технических наук³.

Наряду с отраслевыми научно-исследовательскими учреждениями постепенно формировалась Республиканская Академия наук, призванная вести фундаментальные теоретические исследования по основным научным направлениям.

¹ ЦГА РУз, Фонд Р-837, оп. 4, д. 131, л. 64.

² ЦГА РУз, Фонд Р- 837, оп. 10, д. 335, л. 29.

³ ЦГА РУз, Фонд Р- 837, оп. 4, д. 131, л. 64.

В ноябре 1939 г. вопрос об организации Узбекского филиала АН СССР был положительно решен на общем собрании союзной Академии. Окончательно новый филиал АН СССР был оформлен в январе 1940 г. Его Председателем стал видный узбекский ученый Т.Н. Кары-Ниязов. УзФАН в 1940 г. принял тематический план научно-исследовательских работ на 1940–1943 гг., в котором предусматривалось: составление планов комплексных исследований в области развития хлопководства в Ферганской долине и Голодной степи, изучение производительных сил республики и их рациональное использование, освещение истории народов Узбекистана, их материальной и духовной культуры¹.

27 сентября 1943 г. СНК СССР принял постановление, удовлетворяющее просьбу правительства Узбекистана о реорганизации Узбекского филиала АН СССР в Академию наук Узбекской ССР. Торжественное открытие республиканской Академии состоялось 4 ноября 1943 г. Ее первым Президентом был избран Т.Н. Кары-Ниязов. В молодую Академию наук Узбекистана влилось 10 научно-исследовательских институтов. В конце 1943 г. в ней работало 210 научных сотрудников, в том числе 28 докторов и около 60 кандидатов наук. В первый состав Академии наук УзССР вошли 11 действительных ее членов и 18 членов-корреспондентов².

Таким образом, вторая половина 20–начало 40-х гг. стали временем заметного укрепления научного потенциала республики. В эти годы появились научные кадры почти по всем отраслям знаний. Узбекские ученые создавали свои оригинальные труды, имеющие важное научное и народно-хозяйственное значение. К сожалению, этот объективно значимый процесс оказался серьезно деформирован сталинским произволом, вылившимся в акции политических гонений и репрессий, затронувших судьбу многих талантливых представителей научной интеллигенции Узбекистана.

Идеологическое наступление против научных сил Узбекистана осуществлялось сталинским руководством по общесоюзному сценарию, но имелись и свои специфические особенности.

Выше уже отмечалось, что в отличие от центральных регионов, в которых борьба с инакомыслием охватила все отраслевые звенья

¹ ЦГА РУз, Фонд Р-837, оп. 32, д. 1833, л. 9–26.

² Академия наук Узбекской ССР. Справочник. –Ташкент: Фан, 1976. – С. 8–9.

науки и проходила под знаменем «развенчания» «буржуазных», «классово-сомнительных философско-экономических теорий», в Узбекистане, где многие научные дисциплины находились еще в стадии становления, на передний план выступила в 20–30-х гг. борьба с «буржуазным национализмом». Стремясь задуть стремление широких масс к свободному национально-государственному самоопределению, подавить национальное самосознание узбекского народа, правящие союзные верхи развернули прежде всего кампанию политического террора, нацеленную на уничтожение «враждебной делу социализма националистической идеологии» и ее носителей. Поэтому особое значение придавалось формированию по большевистско-пролетарским стандартам исторического сознания, «нейтрализации» ученых, отстаивающих идеи свободы, повествующие в своих исследованиях о богатом духовном наследии среднеазиатских народов, их не утихающей борьбе за право самим определять свою историческую судьбу. В этом отношении в зоне пристального внимания оказалась историческая наука и исследователи, стремившиеся донести до широких народных масс правду о великом прошлом местных народов и настоящем, связанном с социалистической действительностью.

На рубеже 20–30-х гг. под острие ожесточенной критики в первую очередь попали авторы публикаций, в которых, в отличие от официальных идеологических установок, делалась попытка объективного анализа истории Октябрьского переворота и опыта утверждения советской власти в Среднеазиатском регионе.

Проводниками политики партии по насаждению большевистских концепций в исторической науке Узбекистана выступили историки-марксисты, группировавшиеся вокруг Истпарта, Среднеазиатского коммунистического университета, Среднеазиатской Ассоциации научно-исследовательских учреждений и Среднеазиатского общества историков-марксистов. Среди них выделялись С.Д. Муравейский, Ф. Божко, П.Г. Галузо, И. Сольц, Е. Федоров и др.

В то время как в центре, так и в республике острым нападкам подвергся известный тюрколог академик В.В. Бартольд. Он, хотя и пошел на сотрудничество с советской властью, тем не менее совершенно недвусмысленно высказывался о неприемлемости для него марксистского мировоззрения, отстаивал независимость науки от политики. В частности, особое раздражение партийных идеоло-

гов вызывало то, что Бартольд называл «октябрьскую революцию» в Туркестане «смутным временем», а «народную революцию» в Бухаре «смутой»¹. В ответ воинствующие историко-марксисты обвинили ученого в «протаскивании буржуазных концепций», в «апологии реакционно-колонизаторской политики царизма»².

Жестокому идеологическому разному подверглись труды Г.И. Сафарова, в которых отрицалась закономерность «октябрьской революции» в Средней Азии, справедливо утверждалось, что с насаждением власти большевиков в Туркестане «политически был закреплён колонизаторский характер новой, советской власти»³. Г. Сафаров был обвинен в «подмене ленинизма троцкизмом», в насаждении буржуазной концепции «экспорта революции» на «советский Восток».

Предпринимая идеологическое наступление на «историческом фронте», представители зарождающейся «советской исторической школы» в соответствии с провозглашенным на официальном уровне курсом на развертывание масштабной борьбы с «антиленинскими концепциями», за «идейный рост местной историографии», принципиальное значение придавали соответствующему освещению истории национально-освободительного движения в крае, тесной ее увязки с «пролетарским движением». Особенно это касалось восстания 1916 г. Так, П. Галузо неоднократно подчеркивал, что «борьба за большевистскую концепцию восстания – это борьба за главную линию партии... Споры о восстании 1916 г. – это борьба за или против построения социализма в Средней Азии»⁴. В свою очередь, Ф.М. Божко безапелляционно утверждал, что восстание 1916 г. представляло форму классовой борьбы «пролетарских и полупролетарских элементов», против «пришлых и местных эксплуататоров» и

¹ Бартольд В.В. Отчет о командировке в Туркестан (август – декабрь 1920 г.) // Известия Российской Академии наук, серия VI. – Л., 1921. – С.199.

² См.: Рецензия на «Историю культурной жизни Туркестана» // Печать и революция, 1928, – № 5; Историк-марксист, 1928. – № 7; Революция и культура в Средней Азии. Сбор. 1. – Ташкент, 1934. – С. 5.

³ Сафаров Г.И. Колониальная революция (опыт Туркестана). – М., 1921; Он же. Проблема Востока. – Петроград, 1922.

⁴ Галузо П. За большевистскую концепцию истории восстания 1916 г. в Средней Азии // Туркмениведение. 1931. – № 7–9.

якобы являлось важным звеном в свершении «Октябрьской социалистической революции»¹.

Эта концептуальная схема в последующем, благодаря идейно-политическому разгрому «буржуазно-националистических» оппонентов, стала господствующей в советской историографии. Она была исключительно нацелена на обоснование надуманной исторической предопределенности «победы Октября» на Востоке страны, на оценку национально-освободительных выступлений в «предреволюционное время» в качестве органической составной борьбы русского рабочего класса, возглавляемого большевистской партией, против царизма и «эксплуататорских классов». При этом полностью игнорировался главный вопрос о свободе народов Среднеазиатского региона, их стремлении к восстановлению национальной государственности.

Заметной фальсификации в рассматриваемый период стали подвергаться страницы отечественной истории, связанные с внедрением в Среднюю Азию чуждой национальному менталитету социалистической государственности и движением сопротивления местных народов процессам насильственной советизации края. В этом отношении первоочередной репрессивно-идеологический удар обрушился на издания историков и публицистов, принадлежавших, по советской терминологии, к «буржуазно-националистическому лагерю». В частности, в пропаганде «порочных идей джадидизма», панисламизма и пантюркизма, в националистическом оправдывании «контрреволюционной Кокандской автономии» и «басмачества» были обвинены Бехбуди, Фитрат, Ходжа Муин, Сиддики и другие передовые представители национальной интеллигенции, отражавшие кровные интересы своего народа.

Одновременно резкой критике подвергались работы видных общественных деятелей Туркеспублики из состава коренных национальностей – Т. Рыскулова, Н. Тюракулова, И. Хидыралиева и др., которые недвусмысленно осуждали факты проявления в советском строительстве великодержавного шовинизма, указывали на грубейшие ошибки большевистского политического руководства, вызвавшие зарождение повстанческого движения. К примеру, Н. Тюракулов

¹ Божко Ф. Октябрьская революция в Средней Азии. –Ташкент, 1932. – С.13–14.

прямо увязывал его возникновение с провалами в экономике и национальной дискриминацией коренного населения края со стороны властных структур. Т. Рыскулов отстаивал идеи создания свободной «Тюркской республики» и самостоятельной Тюркской коммунистической партии, за что ЦК РКП (б) в своем постановлении от 21 декабря 1922 г. поставил ему «на вид за недопустимость восхваления идей, несовместимых с принципами коммунистической партии». В последующем Т. Рыскулов, Н. Тюракулов, И. Хидыралиев и многие другие национальные руководители, выступавшие за обеспечение национальных интересов среднеазиатских народов, были обвинены в «национал-уклонизме» с соответствующими карательными акциями.

Но важно отметить, что уже на рубеже 20–30-х гг. в борьбе за насаждение марксистской методологии большевистское руководство наряду с жесточайшей критикой инакомыслящих ученых стало активно прибегать к методам их репрессивной «нейтрализации». Ярким примером тому могут служить драматические события, связанные с политическими гонениями видных представителей среднеазиатской ориенталистики в период конца 20 – начала 30-х гг.

Тогда в ходе развернувшейся на союзном уровне кампании идеологической травли ориенталистов по существу оказалось разгромлено классическое востоковедение в Средней Азии. Особенно тяжелые удары обрушились на Восточный факультет САГУ, созданный на базе Ташкентского восточного института. Особое внимание властей к нему было не случайным, считалось, что именно здесь «сосредоточилось гнездо старой, буржуазной профессуры». На самом деле, как справедливо отметил историк В. Германов, «профессорско-преподавательский корпус, сложившийся в 20-е гг. XX в. на Восточном факультете, представлял собой, цвет не только среднеазиатской, но и мировой ориенталистики. Имена среднеазиатских сподвижников мирового востоковедения не раз можно было видеть на страницах солидных академических английских, французских, германских и других изданий, а также популярной прессы как в дореволюционное время, когда подавляющее большинство их являлось членами Туркестанского кружка любителей археологии, так и после 1917 г.»¹.

¹ Германов В. Восточный фронт// ж. Восток. Афро-азиатское общество: история и современность. –М., 1996. –№ 3. – С.117.

К 1931 г. органами ОГПУ были арестованы одиннадцать известных в Средней Азии ученых, преподававших на Восточном факультете САГУ. В числе опальных востоковедов главным «злумышленником» назывался арабист Александр Эдуардович Шмидт, блестящий знаток 14 языков, ислама, мусульманского права, арабского языка и литературы, известный ученый, Михаил Степанович Андреев – крупный исследователь истории, этнографии и искусства народов Средней Азии, участник экспедиций на Памир, Припамирье, Восточный Туркестан, Николай Гурьевич Малицкий, крупный знаток восточных рукописей и специалист по истории ислама, в том числе исмаилитов в Средней Азии – Александр Александрович Семенов. Столь же неординарными личностями являлись и другие арестованные профессора и доценты Восточного факультета. Так, выпускник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета Иван Иванович Умняков, Александр Адександрович Гаррицкий, используя первоисточники на арабском, иранском и узбекском языках, написал ряд оригинальных трудов по истории Средней Азии в эпоху Караханидов и монгольского нашествия. Михаил Филиппович Гаврилов, получивший диплом 1-й степени об окончании Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, вел плодотворную востоковедческую работу исторического и этнографического характера. Александр Васильевич Панков по окончании историко-филологического факультета Московского университета, Даниил Сергеевич Граменицкий в период повышения квалификации в МГУ (1922–1924 гг.) защитил в секции истории средних веков Института истории при Московском университете четыре доклада по разным вопросам средневековой истории, в том числе Средней Азии, которые получили высокий положительный отзыв со стороны проф. Петрушевского. Николай Николаевич Филатов, будучи преподавателем этнолого-лингвистического отделения Восточного факультета САГУ, принимал деятельное участие в борьбе против политизации востоковедения и утверждения «единственно верной марксистской методологии в науке». Кузнецов Петр Евдокимович прошел курс обучения в Сорбонне, где обратил на себя внимание блестящим знанием языков Центральной Азии. В 1912 г. он в Париже на французском языке опубликовал в виде монографии свою докторскую диссертацию¹.

¹ Германов В. Восточный фронт... – С.119–120.

Изучение архивных документов по делу ученых и преподавателей Восточного факультета САГУ позволяет сделать вывод, что сотрудниками ОГПУ предполагалось арестовать также выдающегося историка Востока, археолога и лингвиста, проф. Николая Эдуардовича Вундцеттеля и В.В. Бартольда. На них уже был накоплен обширный «компромат», но не успели. Они скончались в 1930 году. Аресты же стали предприниматься в основном в 1931 г.

Всем одиннадцати обвиняемым было представлено в вину, что они якобы создали на Востфаке контрреволюционную вредительскую группу, «ставящую своей целью: срыв работы в области подготовки кадров советских специалистов, противодействие советизации преподавательского состава, введение общественно-политических дисциплин и марксистско-ленинской методологии».

28 декабря 1931 г. особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило осудить всех обвиняемых по статье 58/10 УК РСФСР на три года с высылкой из Узбекистана в различные, отдаленные тысячами километров друг от друга места. В частности, согласно принятому постановлению, А.Э. Шмидт и А.А. Семенов направлялись в Казань; Г.М. Малицкий обосновался в Чимкенте, где служил экономистом в Южноказахстанском облводхозе; И.А. Умнякову местом административной ссылки был определен г. Архангельск, где он работал на ремонтно-механическом заводе «Лесососудмашстрой», Д.С. Гаррицкий – в Северном крае; М.Ф. Гаврилов, Н.Н. Фиолетов и М.С. Андреев – в Казахстане; А.В. Панков – в Уральской области.

Насильственное насаждение марксистской методологии, жесткая блокировка попыток прогрессивных исследователей объективно осветить исторический процесс, сопровождаемые введением режима секретного допуска к архивным источникам и иной информации, обусловили тотализацию отечественной востоковедческой и исторической науки. Как и другие общественные дисциплины, они уже к середине 30-х годов оказались фактически репрессированными.

«Научная» политика сталинского руководства особенно усилилась с осуществлением курса «великого перелома». Если в 20-х годах наряду с жесткой критикой «оппозиционеров» неугодных деятелей науки преимущественно изгоняли с работы, запрещались их публикации, то с переходом к «развернутому социалистическому строительству» любая попытка отхода от марксистских канонов, стремление исследователей рассказать правду о прошлом и «соци-

алистическом» настоящем народа не только грубо пресекалась, но и оборачивалась длительным тюремным заключением либо расстрелом. При этом, по отработанному сценарию, неугодная политическому режиму научная деятельность ученых, как правило, искусственно увязывалась с участием в «подпольных антисоветских организациях», шпионажем в пользу «враждебных государств».

Показательно и другое. Как правило, поднимались старые «дела», по которым представители творческой интеллигенции, преследуемые режимом, уже понесли наказание. Так, в 1937 г. был арестован автор изданной в 1926 г. популярной книги «Узбекская интеллигенция» Рахим Иногамов. Ему не простили сформулированного в ней тезиса, что ведущую роль в развитии общества призвана играть не «диктатура пролетариата», а сам народ, духовно возглавляемый национальной интеллигенцией.

Как уже рассказывалось в предыдущих разделах, Р. Иногамов на рубеже 20–30-х гг. подвергся административным гонениям, политической травле в средствах массовой информации, был снят с занимаемых должностей. В этой обстановке он вынужден был уехать из республики, обосновался в Москве и на момент ареста работал председателем Общества изобретателей на электрозаводе. Ему было предъявлено обвинение, что он являлся участником «антисоветской националистической организации в Узбекистане, действовавшей в блоке с центрами правых и троцкистов в Москве». Р. Иногамов себя виновным не признал. Тем не менее, 5 октября 1938 г. в Ташкенте, выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР был репрессирован.

Еще раньше, в январе 1937 г. был арестован зав.экономическим отделом НИИ животноводства, автор ряда крупных работ по экономике сельского хозяйства Средней Азии и Узбекистана, будущий академик и вице-президент Академии наук республики Кузьма Иванович Лапкин. Ему было инкриминировано «участие в троцкистской группе», а также предъявлено обвинение в «хранении и распространении контрреволюционной троцкистско-зиновьевской литературы». При этом поводом для данного обвинения послужило то, что при обыске на квартире К.И. Лапкина, наряду с работами классиков марксизма-ленинизма, якобы были обнаружены книги, авторами которых являлись Зиновьев и Радек.

В январе 1937 г. К.И. Лапкин решением Коллегии Верховного суда УзССР был приговорен к 5 годам заключения в ИТЛ, но находился в заточении до 1947 г. Органы продолжали преследовать его и в последующем. Так, постановлением Особого совещания при Министерстве Государственной Безопасности (МГБ) СССР от 27 мая 1947 г. он после отбытия срока наказания был сослан на 3 года в Иркутскую область, а в 1949 г. – на поселение в Красноярский край. И только в сентябре 1956 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда УзССР реабилитировала К.И. Лапкина.

Огромный урон понесла узбекская наука в связи с надуманными делами об организации «контрреволюционной деятельности» в Комитете наук Узбекской ССР, Научно-исследовательском институте марксизма-ленинизма, НИИ языка и литературы, а также в других научных подразделениях республики.

В ходе поднявшейся волны политических репрессий во второй половине 30-х годов были арестованы многие видные представители научной интеллигенции Узбекистана, известные ученые-обществоведы, всем сердцем болевшие за судьбу Родины и своего народа. В их числе Пулат (Булат) Маджитович Салиев – первый узбекский профессор истории, выдающийся ученый, стоявший у истоков узбекской и среднеазиатской научных школ средневековой и новой истории.

По истечении времени отчетливо видно, что в трагической судьбе Пулата Салиева зримо отразились сталинская репрессивная научная политика, логика тотализации отечественной исторической науки, нравственные страдания ученых-историков Узбекистана, потерявших возможность свободного самовыражения как исследователи, служить чуждого народу коммунистическому режиму.

Известно, что долгое время имя Пулата Салиева находилось в забвении. Созданные им на основе древних манускриптов и восточных рукописей произведения были изъяты из библиотек и подверглись уничтожению как идеологически не выдержанные. До нас дошли лишь немногие экземпляры книг проф. Салиева, находившиеся при тоталитарном строе на спецхранении. Среди них: «Индия под игом Англии» (1920 и 1926), «Бухара в эпоху мангытской династии (1922 и 1925)», «История Бухары» (1923), «История Средней Азии» Ч.1. (1926), «Узбекистан и Таджикистан. Экономико-географический очерк» (1926), «Эпоха торгового капитала в Средней Азии» Ч.1.

(1926), «Распространение ислама в Средней Азии» (1928), «История Узбекистана XV – первая половина XIX в.» (1929). Кроме того, в момент обыска, предпринятого в 1937 г., оказались изъяты подготовленные к печати рукописи работ «Материалы к истории узбекского народа», «Эпоха торгового капитала в Средней Азии». Ч. 2. и «История Средней Азии». Ч. 2¹.

Акции политического руководства СССР по отношению к П. Салиеву и его научному наследию способствовали обескровлению научной мысли по истории Узбекистана средневекового и нового времени, внедрению марксистских тенденциозных концепций, фальсифицирующих правду истории. Проф. Салиев в идеологическом плане был обвинен в идеализации «феодального прошлого», в политическом – в подрывной деятельности, нацеленной на свержение советской власти.

В этой связи уместно заметить, что Пулат Солиев попал в зону устойчивого внимания властей еще в первые послеоктябрьские годы. Это было вызвано тем, что П. Салиев принимал деятельное участие в формировании в Коканде нового государственного образования – «Туркестон мухторияти», являлся главным редактором печатного органа автономного национального правительства Туркестана газеты «Эль байроги» («Знамя Отчизны»). Впоследствии Пулат Салиев пошел на сотрудничество с советской властью. Более того, в условиях жесткого идеологического наступления, обозначившегося со второй половины 20-х годов, он вынужден был внешне демонстрировать свою приверженность марксистской методологии. И тем не менее, как и другие представители передовой интеллектуальной элиты Средней Азии П. Салиев внутренне не принял марксистскую платформу, продолжал критически относиться к советской национальной политике и организации науки в тоталитарном обществе. Как обоснованно отмечает В.А. Германов, «сопротивление П. Солиева складывающейся обстановке в государстве, равно как и фальсификации исторической науки и наступлению на инакомыслие, несомненно, имело место. Оно проявлялось в тайных мыслях историка, его высказываниях, которыми он делился с немногими»².

¹ См.: Германов В.А. Профессор Пулат Салиев и его время. – Ташкент: Фан, 2002. – С. 5–6.

² См.: Германов В.А. Профессор Пулат Салиев и его время. – Ташкент: Фан, 2002. – С.32.

Не доверяя ученому, органы НКВД, начиная с 20-х годов и кончая самым арестом П. Салиева, постоянно получали различного рода донесения, которые содержали подробную информацию о его настроениях, политических взглядах и историческом мировоззрении.

Заметно усилился интерес к Пулату Салиеву после его возвращения в 1926 г. из Москвы, где он в течение двух лет являлся преподавателем Бухарского Дома Просвещения и одновременно слушателем Института Красной профессуры. Этот интерес подогревался тем, что ученый вошел тогда в состав ближайшего окружения А. Фитрата, вокруг которого группировалась «неисправимая в идеологическом отношении» интеллигенция. В их числе Ашурали Захири, Бату, Каюм Рамазани, Рахими, Шакир Сулейманов, Санджар Садыков, Чулпан, Эльбек и др. В секретных донесениях того времени Пулат Салиев характеризовался как «правое крыло и правая рука» Фитрата.

Открытые нападки на ученого стали предприниматься уже на рубеже 20–30-х гг. Так, в составленной Наркомпросом докладной записке от 10 февраля 1929 г., посвященной деятельности литературного общества «Кизил-Калям», подчеркивалось, что данное «националистическое» объединение «... по существу является трибуной для Фитрата, Булата Салиева, Чулпана и им подобных, с которой они пропагандируют свои идеи среди студенчества».

В том же году в газете «Правда Востока» была опубликована статья близкого к чекистским кругам публициста Эль-Регистана под оскорбляющим заголовком «Лай цепных собак кокандского хана». В ней П. Салиев вместе с Хади Файзи и Абдуллой Мустакаевым был причислен к идеологам «Кокандской автономии» и назван «неразоблаченным контрреволюционером».

Явно опираясь на материалы, сосредоточенные в аппарате НКВД, Эль-Регистан с издевкой писал: «Ибрахиму Тахири, ответственному редактору погромного журнала «Скорпион», и матерому генералу от пера Пулату Салиеву, ответственному редактору газеты «Эль-Байроги», официального органа и печатного официоза кокандского автономного национального правительства, правительства блока баев, богачей, мулл, ишанов и пантюркистской интеллигенции, мы сейчас напомним некоторые передовицы, вышедшие из-под их перьев».

И далее Эль-Регистан цитировал эти «передовицы».

Вслед за этим провокационным выпадом была опубликована «обличительная» статья, рисующая «контрреволюционную деятельность Пулата Салиева», в одном из номеров московского журнала «Культурная революция» под вызывающим заголовком «Мракобесы руководят вузом».

В 1931 г. состоялось собрание студентов, преподавателей и научных работников Узбекского государственного университета (г. Самарканд), на котором был поставлен вопрос об отстранении П. Салиева от преподавательской деятельности «за проведение контрреволюционных националистических идей в читаемых лекциях». Выступившие оппоненты ученого ставили ему в вину, что он указывал на «неприемлемость методологии марксизма в изучении истории Востока», «протаскивал буржуазные концепции» при освещении истории Средней Азии. В заключение, критиковавшие П. Салиева историки – партийцы потребовали даже лишения его звания профессора, которое он якобы получил не по заслугам, а только при поддержке председателя Государственного Ученого Совета при Наркомпросе УзССР Зия Гимадиева и его заместителя – профессора истории Василия Яроцкого¹.

Подобные идеологические экзекуции, как свидетельствует печальный опыт того времени, были не случайны. Фактически они представляли прелюдию к предстоящему аресту. И действительно такая угроза стала обретать реальные черты в связи с организацией органами ОГПУ, описанного выше так называемого дела по «контрреволюционной деятельности» руководящих работников Наркомата народного просвещения республики. Тогда, как показывают архивные документы, от Бату, Рамзи, Л. Аляви и других обвиняемых настойчиво добивались свидетельских показаний о том, что П. Салиев, будучи профессором Самаркандского высшего педагогического института, при чтении своего курса лекций «пользовался запрещенной литературой, узбекский народ называл несчастным, студентов воспитывал в националистическом духе».

Но, к счастью, П. Салиеву на тот момент удалось избежать беды, так как правительство республики приняло тогда решение о написании полной истории Узбекистана с древнейших времен до современ-

¹ См.: подробнее: Германов В.А. Указ. соч. – С. 47–48.

ности. Причем, в практическом обеспечении этого замысла Пулату Салиеву, как известному ученому-историку, отводилась одна из главных ролей. В 1932 г. он был командирован в Ташкент в Узбекский научно-исследовательский институт революции. В 1936 г. Салиев окончательно переехал в столицу республики, поскольку основным местом его работы стал Комитет наук, учрежденный первоначально при ЦИКе Узбекистана, а затем переданный в ведение СНК УзССР. Там он возглавил секцию историков Узбекистана.

Вплоть до ареста в 1937 г. Пулат Салиев плодотворно занимался историческими исследованиями. Важным этапом в его научной биографии стало участие в создании сводного обобщающего труда «История Узбекистана», которое осуществлялось под руководством секретаря ЦК КПУз Акмаля Икрамова. Создание такого капитального труда представляло по сути первую попытку за всю историю узбекского народа. Предстояло воедино свести разрозненные сведения, почерпнутые из множества разнообразных первоисточников, а также сочинений древних, средневековых и современных историков.

Параллельно готовилась к изданию авторская двухтомная монография П. Салиева, посвященная истории Узбекистана с древнейших времен до 1918 г. Работа была завершена в 1935 г. Тогда же рукопись монографии была обсуждена комиссией под председательством А. Икрамова. По итогам ее обсуждения первый том был передан в издательство. Второй том находился на доработке у профессора. К сожалению, в 1937 г. после ареста ученого рукопись исчезла.

Наряду с указанными исследованиями Пулат Салиев принимал непосредственное участие в создании учебников по истории Узбекистана в Узбекском научно-исследовательском институте марксизма-ленинизма (УзНИИМЛ) под руководством Ф. Ходжаева¹.

Обширная исследовательская деятельность талантливого ученого сопровождалась напряженным поиском адекватных правде истории концептуально-методологических конструкций, теоретическим переосмыслением богатого источникового материала сквозь призму достижений мировой и отечественной исторической науки. Все это вызывало раздражение стойких историков-марксистов и партийно-идеологических структур, всплески очередных кампаний травли П. Салиева.

¹ Германов В.А. Указ. соч. – С. 44.

Так, бурная волна осуждения научных представлений проф. Салиева, как и других прогрессивных исследователей тех лет, стала подниматься вслед за XVII съездом ВКП (б) (февраль 1934 г.), определившим необходимость усиления классовой борьбы в области научных исследований, особенно в исторической науке. Данная установка была конкретизирована в постановлении Средазбюро ЦК ВКП (б) от 23 мая 1934 г., в котором положение на историческом фронте Средней Азии оценивалось неудовлетворительно.

Одним из активных проводников «линии партии» по «очищению» исторической науки Узбекистана выступил завсектором Среднеазиатского научно-исследовательского института марксизма-ленинизма (САНИИМЛ) Абрам Гуревич. После принятого Средазбюро ЦК ВКП (б) упомянутого постановления он опубликовал программную статью «О положении на историческом фронте Средней Азии», где идеологическому осуждению подверглась сложившаяся организация исторических исследований в регионе¹. В частности, в этой статье говорилось: «Принятое 23 мая сего года постановление Средазбюро ЦК ВКП (б) о неудовлетворительном положении на историческом фронте Средней Азии, наряду с указаниями тов. Сталина и решением ЦК и Совнаркома об улучшении преподавания гражданской истории в средней школе, должно стать средством мобилизации историков-марксистов для преодоления влияния враждебных нам школ, концепций и для развертывания серьезного изучения истории народов Средней Азии»².

Главное острие критики А. Гуревича было направлено на школу Бартольда, исходящей по официальной оценке из «буржуазно-идеологической методологии». В числе ее последователей он назвал и проф. П. Салиева. А. Гуревич по этому поводу специально отмечал, что «влияние Бартольда не в малой степени испытали авторы ряда работ на узбекском языке — Булат Салиев, Убайдуллин, Фитрат, в том числе и коммунисты, например, тов. Хашимов. Для этих ав-

¹ Гуревич А.О. О положении на историческом фронте Средней Азии // Революция и культура в Средней Азии. Сборник I. —Т.: САНИИМЛ при Средазбюро ЦК ВКП (б), 1934.— С.4–13.

² Гуревич А.О. О положении на историческом фронте Средней Азии // Революция и культура в Средней Азии. Сборник I. —Т.: САНИИМЛ при Средазбюро ЦК ВКП (б), 1934.— С. 112.

торов также характерно игнорирование учения об общественно-экономических формациях, смазывание классовой дифференциации и классовой борьбы и переоценка влияния на исторический процесс личностей крупных завоевателей»¹.

И далее: «Указанная группа историков, однако, имеет свои особенности, бесспорно отражающие буржуазно-националистические влияния. Эти авторы находят «торговый капитализм», а иногда «капитализм» без оговорок, т.е. современный, уже при Тимуре в XIV веке и даже еще в более давние времена «(Убайдуллин)». А. Гуревич упрекал названных историков и в первую очередь П. Салиева в том, что феодальное средневековье в Средней Азии идеально рисуется ими как эпоха небывалого экономического процветания и «ликвидации» натурального хозяйства, как время «максимального развития торгового капитала»².

Жесткой критике А. Гуревича подвергся и занимающий схожие тогда с П. Салиевым позиции приглашенный из Баку для чтения лекций в УзГУ и составления «Истории Узбекистана» его университетский коллега Газиз Губайдуллин (на узбекский манер здесь его называли Азиз Убайдуллин)³. А. Гуревич писал: «Убайдуллин особенно наглядно, хотя, довольно неуклюже, протаскивает идейку буржуазных экономистов, защищаемую рядом новейших реакционных историков, ... о существовании капитализма чуть ли не испокон веков, во всяком случае в течение всей феодальной формации, и то неизменно прогрессивной роли буржуазии».

Разочарованный в коммунистическом режиме, затравленный классовой «охотой на ведьм», Пулат Салиев все больше сожалел, что не продолжилась Февральская революция, оказались задушенными порожденные ею демократические процессы. Как, к примеру, докладывалось секретными сотрудниками НКВД, проф. Салиев в своем ближайшем окружении не раз говорил, что если бы воплотились идеалы Февральской демократической революции, то Туркестан уже превратился бы в настоящий рай. «Мы приближаемся к 20-летию

¹ Гуревич А.О. О положении на историческом фронте Средней Азии // Революция и культура в Средней Азии. Сборник I. –Т.: САНИИМЛ при Средазбюро ЦК ВКП (б), 1934.– С. 112. – С. 6.

² Там же. – С. 6.

³ Германов В.А. Указ. соч. – С. 50.

«Октябрьской революции», – замечал он, – а между тем ни одно из словесных заявлений и обещаний не сбылось. Сады Самарканда посохли, а от многих городов, в особенности старых городов, остались одни лишь руины. Что может быть, если нет у людей личной жизни, частной собственности и некоторого личного эгоизма? Общим котлом и сбродной жизнью далеко не поедешь! Человек серьезно делает что-нибудь только тогда, когда для себя...»

Аналогичные настроения царили и среди других прогрессивных ученых, отстаивавших свободу научного творчества, стремящихся рассказать о великом прошлом среднеазиатских народов. Все они оказались в скором времени «перемолоты» жерновами сталинской репрессивной машины. В частности, летом – осенью 1937 г. были арестованы Каюм Хашимов, Зия Гимадиев, Пулат Салиев, Фитрат, Атаджан Хашимов, Василий Яроцкий и многие другие.

Как отмечалось в предыдущем параграфе, А. Хашимов и П. Салиев стали проходить по делу арестованного в июле того года профессора Газы Галима Юнусова, который обвинялся в создании контрреволюционной националистической организации, «ставившей своей целью свержение советской власти и выхода Узбекистана из состава СССР». Посредством психологического давления и пыток Газы Галим Юнусов был вынужден дать «признательные показания» будто бы П. Салиев, А. Хашимов и А. Фитрат вместе с ним составили руководящее ядро этой организации. Причем Пулат Салиев, будучи «ответственным за проведение националистической антисоветской работы на историческом фронте», осуществлял ее через «директора научно-исследовательского института марксизма-ленинизма – Гимадиева». Газы Галим Юнусов «указал» также, что якобы Салиев признался ему, «что читая лекции по истории Узбекистана, он проводит линию о том, что, с древнейших времен тюрки в Узбекистане являются основным населением, а иранцы и другие являются пришельцами из Индии. Это ярко выраженная пантюркистская концепция Ф. Ходжаевым была одобрена».

Постановление об аресте П. Салиева было принято 11 октября 1937 г. Следствие по его делу длилось около четырех месяцев. 7 февраля 1938 г. судом тройки Самаркандского сектора НКВД Узбекистана ему было предъявлено обвинительное заключение. Согласно ему якобы...» Салиев Булат в прошлом один из идеологов Кокандской контрреволюционной автономии, редактор контррево-

люционной газеты «Эль-Байроги». В последующие годы, т.е. вплоть до ареста, состоял в тесной связи с врагами народа Ф. Ходжаевым, Фитратом и др. Будучи профессором Узгосуниверситета, систематически проводил контрреволюционную вредительскую работу. Так, в бытность свою руководителем кафедры «Истории народов Средней Азии» в Узбекском госуниверситете с целью вредительства препятствовал росту новых кадров по истории Средней Азии, к вредительству склонял и отдельных своих помощников. В этом же университете, с той же вредительской целью в процессе преподавания всячески скрывал от студентов классовую борьбу исторической эпохи. Авторы исторических материалов феодального периода не анализировал с марксистской точки зрения, тем самым отводил студентов от учения Маркса. Будучи враждебным к существующему советскому строю и ее создателям – Ленину и Сталину, скрывал от студентов и их учение. В процессе преподавания ни разу не процитировал их труды, относящиеся к историческому периоду. Для чтения лекций пользовался литературой, переведенной контрреволюционными националистами...».

На основании данного заключения П. Салиев как «неразоружившийся враг советской власти» был репрессирован 28 февраля 1938 г.

Расправа над проф. Салиевым сопровождалась репрессиями против обширной группы историков Узбекистана. В частности, масштабные гонения развернулись против сотрудников Научно-исследовательского института марксизма-ленинизма, рассматриваемого властями в качестве опорного центра марксистской исторической науки и популяризации коммунистического учения. В орбиту этого «дела» попали многие руководящие партийные и государственные деятели Узбекистана, видные представители творческой интеллигенции республики.

Одним из побудительных мотивов «раскрутки» кампании по «разоблачению вредительской контрреволюционной организации» в системе научных учреждений послужил арест в сентябре 1937 г. бывшего сотрудника УзНИИМЛ, а на тот момент Завкультпросветом Отдела ЦК КП (б) Уз Курбана Берегина, и в октябре того же года Завотделом партпропаганды и агитации ЦК КП (б) Уз Мумина Усманова. Они обвинялись в «подрыве» линии партии по широкому распространению среди народных масс марксистско-ленинской «научно-теоретической литературы». При этом, в соответствии с по-

литической конъюнктурой того времени, по замыслу карательных органов, важно было увязать их «вредительские действия», с одной стороны, с троцкистской оппозицией и противодействием «бухаринско-правой» группой, а с другой – с «националистами» в составе высшего руководства Узбекистана. В данном случае с А. Икрамовым, возглавлявшим республиканскую партийную организацию.

Не случайно, что уже на состоявшемся 10 сентября 1937 г. допросе, К. Берегин «указал», что еще в 1932 г. главный редактор УзГИЗа Наим Саидов – близкий человек к Икрамову, в контрреволюционном духе извратил в переводе произведения И. Сталина «К вопросам ленинизма» и «Об основах ленинизма», за что был исключен из партии. Но вскоре после этого он был восстановлен в партии по личной инициативе Акмаля Икрамова, который ... квалифицировал исключение Н. Саидова из партии, как «терроризирование честных коммунистов».

В числе «саботажников», способствующих срыву изданий марксистский литературы, Усманов, помимо Икрамова и себя, назвал также якобы специально подобранных в Узбекском научно-исследовательском институте марксизма-ленинизма «национал-троцкистских элементов» в лице директора института З. Гимадиева, научных сотрудников Х. Ахунова, Саид Гани Валиева, А.В. Карцева, а также работавших на тот момент в институте Курбана Берегина и Наима Саидова. Кроме того, по его «признанию», косвенное участие во «вредительской деятельности» принимали бывший ранее директор УзНИИМЛ Мустакаев, секретарь газеты «Кзыл Узбекистан» Агзам Аюбов, секретарь Главной редакции Ваис Рахими, член «националистической организации» Касым Сорокин и директор Партиздата Абдусаттаров.

Многие из названных лиц в скором времени были арестованы. Не выдержав жестких допросов, давали все новые «признательные показания», свидетельствующие о «разветвленной сети контрреволюционной националистической организации» в УзНИИМЛ и Комитете наук Узбекистана.

После национально-территориального размежевания среднеазиатских республик «эта организация, – по мысли следователей, – преследовала цель выхода Узбекистана из СССР». В 1925 г. Х. Ахунов, по материалам следствия, выезжал во Францию и Германию, чтобы «установить контрреволюционные связи с националистической

эмиграцией Парижа и Берлина». Так, согласно чекистской версии он, находясь в Германии, «наладил контакты с агентом Германской разведки Алимджаном Идриси и членом контрреволюционной организации «Азад Туркистон» Тимурбеком Казбековым», от которых якобы «получил директивы по осуществлению подрывной антисоветской деятельности».

В соответствии с этими директивами, констатировалось далее в обвинительном заключении, Х. Ахунов «во вредительских целях работая в Комитете наук и НИИ марксизма-ленинизма, вместе с другими членами контрреволюционной организации противодействовал изданию на узбекском языке трудов классиков марксизма, умышленно задерживал издание материалов по истории гражданской войны в Средней Азии, защищал извращения, которые делались другими редакторами, например Саидовым, Гимадиевым и др., когда они принимали искажения и извращения».

В свою очередь Главный редактор Узпартиздата Садык Абдуссатаров был обвинен в том, что он якобы участвовал в работе антисоветской организации «Миллий истиклол», был организационно связан с руководителем этой организации А. Икрамовым, полностью разделял террористические методы борьбы в отношении руководителей ВКП (б) и советского правительства, по заданию указанной организации занимался вредительской деятельностью на идеологическом фронте – так выглядело обвинение в его адрес.

Подобные обвинения были предъявлены и другим научным сотрудникам, проходящим по надуманному делу о «контрреволюционной деятельности» в УзНИИМЛ. По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР в октябре – ноябре 1938 г. оказались репрессированы Х. Ахунов, С. Абдуссатаров, К. Берегин, З. Гимадиев, Ваис Рахими, Саид Гани Валиев, М. Усманов, В. Яроцкий, А. Наум. Саидов умер в тюрьме от побоев еще до суда.

По таким же лекалам было скроено «дело» и в научно-исследовательском институте языка и литературы (Уз НИИЯЛ). В ходе его расследования летом 1937 г. оказались арестованы Атаджан Хашимов, Абдурауф Фитрат, Турсун Ибрагимов, Ислам Ахмедов, Хади Зарипов, Иззат Султанов, Каюм Рамазанов, Газы Галим Юнусов, Исмаил Садри, Санжар Садыков и другие сотрудники института.

Одной из центральных фигур этого политического процесса стал Председатель Комитета наук Уз ССР и директор УзНИИЯЛ

А.Хашимов, арестованный 2 июля 1937 г. Ему инкриминировалось в вину то, что будто бы он являлся руководителем «контрреволюционной пантюристской организации «Кизил-Калам», тесно примыкал к националистической организации «Миллий истиклол» и добивался с помощью названных организаций «отторжения Узбекистана от СССР». Кроме того, А. Хашимов обвинялся в осуществлении «вредительской деятельности» в области языкознания, что, будучи Председателем Комитета нового узбекского алфавита, «срывал работу по его введению», а также систематически вел среди научной молодежи контрреволюционную пораженческую агитацию». Одновременно следственные органы упорно стремились увязать «дело» УзНИИЯЛ с «подрывной деятельностью УзНИИМЛ». В частности, в материалах расследования неоднократно подчеркивалось, что «Отдел печати ЦК постоянно поручал возглавляемому Атаджаном Хашимовым Комитету подготовку нового узбекского алфавита, переводы трудов Маркса, Ленина и других классиков. Огромные средства разбазаривались членами контрреволюционной организации – Хашимовым, Бату, К. Сорокиным, Ходи Файзи и др., получавшими большие гонорары за «труды», которые затем браковались как негодные, извращающие Маркса, Ленина». Сегодня, анализируя следственные материалы того допроса, можно сделать вывод, что Ф. Ходжаев, болеющий за интересы своей нации, действительно высказал ряд предложений, направленных на сбережение самобытности узбекского языка, привлечение к работе в Институте видных представителей национальной интеллигенции, способных содействовать дальнейшему подъему узбекской литературы, развитию ее с опорой на великие достижения тысячелетнего прошлого. Но интерпретируемые следователем факты приобрели совершенно иную окраску. Они подавались при заключительной редакции исключительно в русле «националистического и пантюристского вызова».

Так, в архивных документах говорится, что по «свидетельству» А. Хашимова, Ф. Ходжаев якобы определил задачи Института таким образом, что нам нужно собрать вокруг него «контрреволюционные, пантюристские кадры». В их числе назывались «Фитрат, Чулпан, Абдулла Кадыри, Усман Насыр» и другие «националистические» писатели, которые «недооцениваются, хотя являются большими мастерами». Кроме того, как отмечалось в архивных документах А. Хашимова, «Файзулла Ходжаев сказал мне, что не согласен с ли-

нией ЦК партии и в частности с Икрамовым, считающим, что историю литературы и языка надо начинать с октябрьской революции». Напротив, «нужно популяризировать джадидскую литературу, пропагандировать арабизмы, фарсизмы, делать упор на староузбекские слова...». Надо сказать, что в принципе о конкретной антисоветской деятельности «националистической группы» в УЗНИИЯЛ в области языка и литературы материалы допроса не дают представления. Она «свелась», по «словам» А. Хашимова, к тому, что «за время своего существования (с 1932 г.) Институт почти не дал никакой работы...». «Им было выпущено всего 13 работ, причем 5 из них были посвящены популяризации националистов Айбека, Эльбека, Фитрата и т.д.». Хотя объективно подготовка 13 крупных научных работ за короткий срок являлась несомненным достижением.

В последующем А. Хашимов был репрессирован 4 октября 1938 г. за день до закрытого судебного заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР, приговорившего его к высшей мере наказания.

Как свидетельствуют материалы архивов, для обеспечения более широкой доказательной базы наличия крупной «контрреволюционной пантюркистской организации» в УЗНИИЯЛ органы НКВД интенсифицировали свои мероприятия по вопросам научных сотрудников Института. В частности, крупное дело было раздутье вокруг доцента УЗНИИЯЛ и Педагогического института Каюма Рамазанова. В представленном против него обвинительном заключении говорилось, что К. Рамазанов, как видный «контрреволюционный националист», в течение многих лет проводил «активную организационную борьбу против советской власти».

Для того, чтобы обвинить К. Рамазанова в несовершенных делах, применялись всякого рода методы, согласно которым он якобы заявлял, что в состав контрреволюционной пантюркистской организации в УЗНИИЯЛ кроме А. Хашимова входили:

«Газы Галим Юнусов – проф. УзГУ и Института языка и литературы; Абдурауф Фитрат – проф. УЗНИИЯЛ и вечернего Педагогического института; Булат Салиев – проф. УзГУ; Абдурахман Сагди – проф. Ферганского педагогического института, литературовед; Каюм Рамазанов – доцент УЗНИИЯЛ и Педагогического института; Ахдухамид Сулейман (Чулпон) – писатель и поэт; Машрик Юнусов (Эльбек) – писатель; Санжар Садыков – литературный

работник и переводчик; Абдулла Кадыри Джулкунбай – писатель; Гулам Зуфари – писатель, драматург; Шокир Сулейман – писатель; Ашур Али Захири – педагог; Шарасуль Зуннун – педагог; Мулла Бегиджан Рахманов; Исмаил Садри».

А. Хашимов «называл» и других участников, в частности:

«Ибрагимова Турсуна – научного сотрудника УзНИИИЯЛ, ученика Газы Галима Юнусова; Султанова Иззада – научного работника Института, ученика Фитрата; Ахмедова Ислама – научного работника Института; Зарипова Хады – научного сотрудника Института, родственника и ученика Г.Г. Юнусова; Амирова Арифа – Ответсекретаря Терминологического комитета; Маткул Султанова – зампредседателя Комитета наук».

Указывалось также, что «примыкал» к группе Айбек – писатель и научный работник.

Затем, характеризуя перспективы «выхода Узбекистана из СССР», К. Рамазанов «отмечал»: «Мы учитывали, что существование одного Узбекистана изолированного, как буржуазно-демократического государства, невозможно, поэтому имелось в виду федерирование всех националистических республик: Азербайджана, Татарии, Башкирии и республик Средней Азии, ныне входящих в состав Сов. Союза, которые должны были также добиться отторжения от СССР».

Схожие «сведения» представил также Сагдулла Турсунходжаев, бывший в свое время ответственным работником Турккеспублики, а на момент ареста занимающий должность начальника Управления водного хозяйства Казахской ССР. В частности, на состоявшемся 10 октября 1937 г. допросе он «признался» в том, что «с начала 1928 г. шла работа в национальных республиках на основе заключенного нами блока с пантюркистскими организациями». В состав «Объединенного центра пантюркистских организаций» якобы входили: «Заки Валиди, Файзулла Ходжаев, Абдукадыр Мухитдинов, Бекджан Рахманов, Агайдаров, Сагдулла Турсунходжаев, Муса Саиджонов, Хашим Шайх, Рафат Насыров, Акабир Шамансуров, Али Расулов, Кушбегиев, Ходжи Сафо Джурабаев и Рыскулов». Цель этой организации, по «признательному показанию» С. Турсунходжаева, состояла в том, чтобы «добиться единства действий тюрко-татарских народов, создания мощной вооруженной силы в лице басмаческого движения для организации свержения советской власти и установления буржуазно-демократического государства».

Наряду с попытками создания представлений о масштабной географии подпольной сети «пантюркистских организаций», «проникших во все структуры общества», в том числе в научную сферу национальных республик, особое внимание уделялось при раздувании дела в УзНИИЯЛ «выявлению» характера «подрывной деятельности» в научно-исследовательской работе сотрудников Института, а также «пропаганды пантюркизма» в их публикациях.

В том же ключе вынужден был оговаривать себя и своих сотоварищей по работе в УзНИИЯЛ проф. Гази Галим Юнусов. В частности, по его «словам» мы видим стремление властей привлечь к этому делу как можно больше «участников»:

«В области языкового строительства контрреволюционная деятельность выражалась в извращении советских принципов интернационализма и насаждении контрреволюционного буржуазного национализма. Эта идея особенно ярко сказалась в создании научных терминов, которую проводили: Эльбек, Рамазанов Каюм, Амири, С. Ситдыков и др.

В области истории литературы контрреволюционную националистическую линию продвигали Фитрат, Хашимов, Миян Бузрук Салихов и профессор Саади, а из молодых, находящихся под влиянием и завербованных Фитратом и Хашимовым, — Ахмедов, Иззад Султанов, Шарафутдинов.

Я подготавливал, обрабатывал людей, внедрял в их умы буржуазно-националистические идеи под видом преподавания языка и его «особенностей» происхождения, развития и т.п.».

В целом по «делу» УзНИИЯЛ проходило более 25 человек. Из них были осуждены и приговорены 4–15 октября 1938 г. выездной сессией военной коллегии Верховного Суда СССР к Высшей мере наказания — А. Хашимов, К. Рамазанов, Г. Юнусов, Чулпан, Фитрат, М. Солихов, Агзам Аюпов, Ситдыков Санджар. К 10-ти годам заключения в ИТЛ приговорены Ибрагим Назиров, Сафо Зуфаров, Камолов Фахри, Ибрагимов Сабирджан, Шарафутдинов Саид Алим, Ашуров Кадыр, Амиров Ариф и др. Все они впоследствии будут реабилитированы, как невинные жертвы сталинских репрессий.

Таким образом, насаждаемая союзным руководством модель «социалистической науки», особенно в области обществознания, изначально оказалась внутренне несостоятельной. Настоянная на примате верховенства марксистской методологии, доминанты клас-

сового подхода, она не способна была адекватно отразить реальные общественно-исторические процессы. В результате развязанного сталинским режимом тотального политического террора оказались репрессированы не только тысячи одаренных ученых, но и целые научные направления.

3.2. Новая волна репрессий в начале 50-х гг.

Очередная волна политических акций против науки и ученых Узбекистана поднялась во второй половине 40-х годов по окончании Второй мировой войны. В победе, изменившей облик мира, виделись проблески новой эры, народ возлагал огромные надежды на обновление духовной жизни. Но у советских структур была своя концепция управления идеологией и в послевоенные годы¹. Ее смысл определяли две установки: а) противопоставление «советской» культуры западной (которая продолжала считаться буржуазной) с тем, чтобы в условиях, возникших после общей с союзными странами военной победы, поставить заслон на пути духовного и культурного сближения с народами этих стран, как крайне опасного для тоталитарного мышления; б) дальнейшее самовозвеличивание и самоутверждение с помощью вненаучных средств собственной личности как высшего судьи в вопросах не только политики и экономики, но и в вопросах культуры, науки, чтобы воцарилось единообразное, обязательное для всех объяснение любых явлений общества и природы, находящееся под контролем партийно-бюрократического аппарата. В этом русле партийными органами как Центра, так и Узбекистана принимался ряд постановлений, которые должны были укрепить основы советской политики проводимой в послевоенный период².

Методично реализуя эту концепцию, Сталин предпринимал одну идеологическую акцию за другой. Вслед за известным постановлением ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946) последовала так называемая философская дискуссия (1947). Поводом для нее послужила критика «вождем» книги акад. Г.Ф. Александрова «История западно-европейской философии». Ознакомившись с кни-

¹ См.: Репрессированная наука... – С. 20–21.

² Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Ташкент, «Узбекистан», Т 1988. – С. 256, 268.

гой, Сталин вызвал нескольких философов (академиков М. Митина, П. Юдина, П. Пospelова, самого Александра) и высказал ряд упретов, среди которых наряду с замечаниями, касавшимися отдельных периодов и персонажей истории философии, фигурировало ставшее вскоре грозным обвинение в объективизме, в отступлении от принципа партийности. Уже тогда в науке утвердилась догма о несовместимости классового подхода с общечеловеческим. Причем решение вопроса о том, какие идеи и оценки соответствуют классовому подходу, а какие нет, принадлежало исключительно сталинскому аппарату, присвоившим себе право говорить «от имени и по поручению» всего рабочего класса, всего народа.

В организации философской дискуссии проявилась одна из особенностей сталинского стиля. Всем ее участникам было известно, что «великий кормчий» — инициатор и режиссер, однако он никогда лично не принимал участия в них. Другие обязаны были проводить в жизнь, в том числе и в Узбекистане, высказывания Сталина истинно марксистского понимания основных проблем гуманитарных и естественных наук.

Новое репрессивно-идеологическое наступление началось именно с философии, поскольку она касается наиболее общих законов бытия и познания, стало быть всех наук. Затем пошли конкретные научные дисциплины. В 1948 г. состоялась печально знаменитая сессия Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ), на которой был «разоблачен» «вейсманизм — морганизм», а генетика объявлена «буржуазной научной плесенью». Эти процессы обосновывались властью повсеместной критики состояния наук и культурного строительства в Узбекистане. «Работа Академии наук Узбекской ССР и ряда других научных учреждений проводится зачастую в отрыве от важнейших народно-хозяйственных задач, стоящих перед республикой, особенно по подъему руководства... Многие кафедры биологии и агрономических наук высших учебных заведений и сельско-хозяйственные научно-исследовательские институты медленно перестраивают свою работу в соответствии с требованиями советской мичуринской агробιοлогической науки»¹. Такими выступлениями была пронизана кампания по «перевоспита-

¹ Коммунистическая партия Узбекистана. I раздел. Т. 2, Ташкент «Узбекистан» 1988.— С. 360

нию» науки и управлению ею для выполнения программы развития хлопководства, укрепления и развития монокультуры хлопчатника в Узбекистане, которая в последствии привела к одностороннему развитию экономики и экологической трагедии в Узбекистане 1970–1980 гг.

В 1949 г. была объявлена война «космополитизму» в научной сфере, охватившей все ее ведущие направления. Нападкам подверглась теория относительности Эйнштейна, теория резонанса в химии, обширный ряд биологических и психологических теорий. Под особое подозрение попали труды советских авторов еврейской национальности. В начавшейся (сперва применительно к театральнo-литературной критике) кампании по борьбе с космополитизмом сразу же проявилась ее антисемитская направленность.

В 1950 г. прошли одна за другой две дискуссии – по вопросам языкознания и философии. В первой Сталин сам принял участие. Во всех дискуссиях культивировался стиль биполярного мышления. Одна сторона оценивалась как «черная», другая – как «белая». Тех, кого относили к первой, следовало чернить и изобличать как идейных противников. Выступавшие же в роли разоблачителей были априорно правы. Тем самым участники дискуссий изначально находились в неравном положении. Кого куда «занести» определял Сталин или его идеологические опричники. Отношения между ними напоминали судилище, в котором одни играли роль обвиняемых, другие – обвинителей. В сложившейся ситуации положение попавших в «черный список» становилось трагическим. Им приходилось либо каяться, даже если это не соответствовало ни истине, ни их убеждениям, либо, сохраняя свои убеждения, становиться жертвой дискриминации, административных репрессий, лишавших не только возможности вести в дальнейшем исследования, но и просто куска хлеба. Ведь несогласие с очернительной критикой означало конфликт не с мнением тех, кто ее высказывал, а с заранее составленным сценарием, освещенным волей и авторитетом «гения всех времен». Сценарии «дискуссий» напоминали «протоколы» следствий, которыми предопределялся обвинительный приговор. «Обвиняемым» ничего не оставалось, кроме как расписаться в своем согласии с ним.

Все это разыгрывалось в научном сообществе и широко освещалось в печати. Невольно напрашивалась аналогия с «техникой» организации процессов, на которых подозреваемым в политической нежелательности инкриминировались вредительство, шпионаж, терро-

ристические акты и т.п. Но на сей раз эта «техника» переносилась из НКВД, «особых совещаний» и закрытых заседаний Военной коллегии Верховного Суда в сферу отношений между учеными.

О сходстве с той «методологией», которая применялась при организации политических процессов, говорило и следующее обстоятельство. Из ученых, признанных врагами, сколачивались «группировки», хотя между этими учеными никакой близости – ни идейной, ни личной – не могло быть. Создавались своего рода «блоки», включавшие тех, кто подлежал разоблачению. Подобная практика, как известно, применялась и в случае «комплектования» различных блоков-групп в виде вредителей, троцкистов, «буржуазных националистов», террористов и шпионов в период политического террора конца 20-х – 30-х годов.

Одна за другой различные области знаний подпадали под железную пяту сталинской догматики. Конечно, Сталину приходилось считаться с необходимостью оставить «пространство» для самостоятельного творчества ученых, хотя бы с тем, чтобы обеспечить развитие тяжелой промышленности и обороны. Однако и это «пространство» находилось под неустанным идеологическим контролем, функции которого возлагались на «идейно выдержанных» философов. Идеи марксизма и без того канонизированные приобретали предельно догматизированные формы, в принципе не способные продуктивно воздействовать на творческую активность ученых, но парализующие ее угрозой отступления от предписаний и заклинаний «попов марксистского прихода» – партийных функционеров, решающих, говоря словами Б. Пастернака, «кому быть живым и хваленным, кто должен быть мертв и хулым».

На протяжении десятилетий происходило насильственное соединение официальных философов с аппаратом партийно-бюрократического контроля и подавления. Служба в этом аппарате открывала путь к высшим академическим званиям, со всеми высокими привилегиями, которые общество представляло тем, кто действительно обогащал науку выдающимися открытиями. Из клеветников сталинщины складывалось Отделение философии Академии наук СССР. Среди членов Академии оказываются сначала начальник Управления агитации и пропаганды ЦК Г.Ф. Александров, а затем его заместители – М.Т. Иовчук и П.Н. Федосеев. Членство последних в Академии было для научной общественности полной неожиданностью, по-

сколько ни один ни другой научными трудами не прославились, располагая «капиталом» лишь нескольких пропагандистских брошюр. Работники Института философии АН СССР отреагировали на это событие эпиграммой: «Абсолютная идея совершила полный круг: вместо Канта – Федосеев, вместо Гегеля – Иовчук»¹.

Традиция формирования корпуса академических философов из числа партийных функционеров, заложенная Александровым и Федосеевым, была продолжена в последующие годы. По всей стране, в том числе и в Узбекистане возникает когорта деятелей, которые, заполнив множество кафедр и учреждений, образовали призванную исполнять предписания Сталина службу идеологической полиции. Она, действуя от имени философии, компрометировала тем самым высшую, благородную и бескорыстную форму работы человеческого духа.

Усилиями подобного рода псевдофилософов волнами шли одна за другой кампании проработки «неверных». В 20-е годы дело ограничивалось созданием все более сгущавшейся атмосферы подозрительности по отношению к ученым, взгляды которых казались сомнительными с точки зрения официально одобренных. В 30-е годы инквизиторские функции перешли от таких философов (некоторые из них сами оказались в застенках) к следователям НКВД. В 40-х годах призывом партийных обладателей дипломов по философии стало обеспечение сталинской программы утверждения единовластия и единомыслия во всех науках. На сей раз «сталинские решения» принимались не от его имени, как это было в предвоенные годы, а от имени «самих ученых» как результат «борьбы мнений и свободы критики», якобы развернувшейся в их сообществе. Одна из концепций возводилась в ранг непогрешимой, всем остальным инкриминировалась ненаучность и идейная ущербность. Любое малейшее отступление от указанной теории означало измену диалектическому материализму, а тем самым и своего рода идеологическую диверсию в интересах «наших» политических противников, в ситуации же разгоревшейся в послевоенные годы холодной войны – «при-spешников англо-американских империалистов».

В научной психологии существует понятие о «мышлении комплексами» как об одной из примитивных форм умственной деятель-

¹ См.: Репрессированная наука... – С. 29.

ности. Обращение к этой форме отличали рассуждения подавляющего числа участников псевдонаучных дискуссий той эпохи. Как справедливо отмечает М.Г. Ярошевский, «в комплексе сливаются в диффузное эмоционально-окрашенное целое признаки, связь которых лишена рационально продуманного основания. Такими комплексами были пронизаны и письменные тексты, и устные выступления. Комплекс складывался из цепочки: научная концепция – философская подоплека – идеологический смысл – прямая политическая направленность. Одни комплексы оценивались как вредные, другие несли знак непогрешимости и благонадежности»¹.

К примеру, на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. подобный знак «непогрешимости» был придан «мичуринской биологии», апостолом которой стал «народный академик» Т.Д. Лысенко. Этот энергичный, напористый, непрерывно клявшийся в верности диалектико-материалистическому учению и лично Сталину мастер интриг, дававший обещания в голодные годы за короткий срок вывести высокоурожайные сорта культурных растений и решить продовольственную проблему, с тревогой наблюдал за успехами научной генетики, которая разрушала все его фантастические выкладки. Положение Лысенко и его последователей становилось шатким. В июле 1948 г. в беседе со Сталиным он стал жаловаться на якобы имевшуюся в отношении него травлю и одновременно пообещал за 2–3 года исправить положение в сельском хозяйстве. Поддержка Сталина, использованная как наивысший аргумент в научном споре, перетянула чашу весов на сторону этого шарлатана от науки. Для пропаганды своих идей Лысенко использовал имя известного садовода-любителя, естествоиспытателя В.И. Мичурина, противопоставляя конкретную «мичуринскую» биологию будто бы бессмысленной, антинаучной, антидиалектической генетике, ставящей опыты на мухах – дрозофилах. К кампании подключились и средства массовой информации. Журнал «Огонек» опубликовал большую статью, подписанную одним из учеников Лысенко – проф. Студитским под заглавием «Мухолюбы – человеконенавистники». Сознание рядовых людей, не разбиравшихся в тонкостях биологических дискуссий, было подготовлено к негативному восприятию генетики и генетиков.

На упоминавшейся сессии ВАСХНИЛ Лысенко выступил с докладом, текст которого, по его словам, был одобрен ЦК ВКП (б), а

¹ См.: Репрессированная наука... – С. 30.

следовательно, лично Сталиным. Истинные ученые не поступились научными убеждениями, совестью и отстаивали свои принципы до конца. Так, ректор Тимирязевской сельскохозяйственной академии В.С. Немчинов открыто заявил, что генетические исследования вошли в золотой фонд мировой науки. С резкой критикой лысенковской псевдотеории выступил крупный ученый И.А. Раппопорт. Но лысенковцы, поддержанные сталинскими псевдофилософами, победили. Большинство генетиков были уволены с работы, им запрещалось заниматься исследованиями, к значительной части были применены репрессивные меры. Развитие этой отрасли науки было остановлено на многие годы¹.

Заметную страницу в создание сложной обстановки в области научного познания внесла дискуссия по языкознанию. Ее сценарий придумал лично Сталин, передав разработку своему верному порученцу А.А. Жданову. В дискуссии по языкознанию давно умершему акад. Н.Я. Мару лично противостоял «великий вождь», сообщения которого о языке и его отношении к мышлению немедленно были объявлены гениальным сталинским учением о языке, ставшим предметом многих диссертаций и даже специальных курсов на филологических факультетах.

Дальнейшей репрессии подверглись экономическая и историческая науки. Так, в экономических дисциплинах все было подчинено пропаганде труда Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», опубликованного в то время, когда он обрушился на экономистов, имевших свое, особое мнение по проблемам товарного обращения, товарно-денежных отношений: Санина, Ванжера, Ярошенко, обвинив их в научном невежестве. Они, по его мнению, не понимали, что товарное обращение несовместимо с перспективой перехода к коммунизму. В результате на долгие годы торжество «антитоварников» заморозило научные экономические исследования.

Под полным и безраздельным влиянием сталинского «Краткого курса истории ВКП (б)» оказалась история как наука. Всем своим содержанием она была призвана оправдывать существующий тоталитарный порядок, имперский характер советского государства. В частности, официально утверждалось мнение, что «золотой век» народов наступил лишь после «присоединения» к России. Посмертному

¹ История Отечества. Учебное пособие. – М.: Просвещение, 1992. – С. 122.

осуждению предавались исторические деятели за то, что воевали за идеалы свободы и независимости. «Реакционными» были объявлены древние эпические произведения народов Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана, Азербайджана, Дагестана, Якутии. Безоговорочно воспевался классовый террор. Из истории выпадали имена, события, периоды, которые не вписывались в нужную трактовку.

Системной политизации подверглась даже такая, казалось бы далекая от идеологии научная дисциплина, как этнография. Так, 23 января – 3 февраля 1951 г. в Москве было проведено Всесоюзное совещание этнографов, которое было организовано Институтом этнографии АН СССР совместно с профильными научными учреждениями Академий наук союзных республик, в том числе Узбекистана. Центральной темой этого совещания стали вопросы борьбы с «буржуазным космополитизмом». Суть дискуссии сводилась к обоснованию унификации национальных особенностей народов Советского Союза, к выработке общей методологической позиции этнографов – рассматривать этнографические аспекты своих народов с единых, так называемых «интернационалистических позиций», обосновывать тенденциозную концепцию о формировании «новой исторической общности» – «советского народа»¹.

Сталинский способ управления научной политикой обусловил глубокую деформацию научной мысли, истощение кадрового потенциала науки, пагубное отторжение от исследовательской деятельности многих талантливых ученых, преследуемых режимом. И эта политика нашла отчетливое выражение в Узбекистане, особенно в цикле социально-гуманитарных наук.

Как в целом по СССР, начало целенаправленному натиску на творческую интеллигенцию Узбекистана, в том числе ученых было положено в республике постановлениями ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» от 16 августа 1946 г.. Психологический террор в научной сфере заметно усилился в конце 40-х – начале 50-х гг. вслед за развернувшимися тенденциозными «дискуссиями», инициированными сталинским руководством. Тогда в ходе борьбы с «космополитизмом», пропаганды абсолютного превосходства советской науки над «буржуазной», организации идеологической проверки научных трудов на соответствие канонам «диалектического материа-

¹ См.: Вестник АН СССР. 1951. – № 2. – С.100–108.

лизм» идеологические разносы все зримее трансформировались в репрессивные акции. Причем в Узбекистане традиционно борьба с инакомыслием проходила, в первую очередь, под знаменем «искоренения национализма».

Конкретное идеологическое выражение официальный курс на «преодоление националистических рецидивов» в республике нашел в решениях X съезда ЦК КП Уз, состоявшегося в марте 1949 г. В частности, в его постановлении было записано:

«Съезд требует от коммунистов, работающих в Академии наук Узбекской ССР, научно-исследовательских институтах и вузах Узбекистана подъема всей научной работы на уровень требований партии и стоящих перед республикой задач, неуклонного отстаивания большевистских принципов партийности в науке, непримиримой борьбы против реакционных теорий и воззрений»¹.

В контексте таких подходов стала предприниматься травля наиболее видных ученых, стремящихся отстаивать свои концептуальные представления, высказывающих беспокойство по поводу идеологических гонений, обрушившихся на творческую интеллигенцию. Так, основатель первого в Узбекистане политехнического института, крупный ученый в области механики М. Уразбаев был обвинен в национализме. Другой известный ученый в области геологии, вице-президент АН Узбекистана Х. Абдуллаев, работы которого получили мировую известность, был обвинен в местничестве, забвении общегосударственных интересов, преклонении перед западной наукой, подозрительных связях с западными учеными в ходе пребывания на научных форумах во Франции, Англии и других странах².

В зоне повышенного идеологического контроля находились научные дисциплины, занимающие ведущее место в становлении духовно-мировоззренческих представлений и самосознания человека. В их числе первоочередное внимание уделялось философской, филологической, экономической и исторической наукам. Относительно состояния исторической науки в решениях X съезда КП Уз подчеркивалось, что оно «не отвечает требованиям правильного марксистско-

¹ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т.2. — Ташкент: Узбекистан, 1988. — С. 384.

² Мухитдинов Н. Годы, проведенные в Кремле. Мемуары. — Т.: А. Кадыри, 1994. — С.232–233.

го освещения основных проблем исторического развития узбекского народа. Съезд, руководствуясь идеологическими инструкциями Центра, потребовал от Института истории Компартии Узбекистана и Института истории АН РУз «... вести самую решительную борьбу с попытками протаскивания в историческую науку национализма, безродного космополитизма и других враждебных нам взглядов»¹.

Идеологический наказ партийного форума вылился в широкую кампанию по осуждению в научных учреждениях, на страницах печати ученых, стоящих на «националистических» позициях, позитивно оценивающих историческое прошлое своего народа.

Например, в опубликованной в газете «Правда Востока» от 21 августа 1951 г. статье М. Иванова, В. Лаврова, Ф. Искандарова «В стороне от задач узбекской литературы»² суровой критике был подвергнут Институт языка и литературы АН республики за недостаточное следование «гениальному учению товарища Сталина о языке», за отрыв от боевых проблем советского литературоведения, за «протаскивание космополитических, пантюркистских, панисламистских, паниранистских взглядов». Невежественные авторы статьи обвинили большую группу узбекских литературоведов в том, что в их трудах «замалчивается роль прогрессивных узбекских поэтов – Фурката, Муками, Турди, Аваза Отара, Гульхани, но превозносятся поэты-ханы». Айбека жестоко раскритиковали за включение в «Антологию узбекской поэзии» «бездарных виршей реакционно настроенного поэта Мискина и махрового буржуазного националиста Авлони».

Грубая критика в адрес ученых-литературоведов прозвучала также на IV пленуме Союза писателей республики³. Так, М. Юнусов подвергся идеологическим обвинениям за высокую оценку народного героического эпоса, названного «идеологически вредным».

Апофеозом политической травли научной интеллигенции республики явился X пленум ЦК КП (б) Уз (21–22 февраля 1952 г.). В докладе «О состоянии и мерах по улучшению идеологической работы в республике»⁴ указывалось, что серьезные недостатки имеют место

¹ Компартия Узбекистана в резолюциях съездов ... Т.2. — С. 384.

² Правда Востока, 1951, 21 августа.

³ Правда Востока, 1951, 28 августа.

⁴ Правда Востока, 1952, 24 февраля.

в исследовании вопросов истории народов Узбекистана. В частности, в соответствии с концептуально-идеологическими установками центра отмечалось, что «характеризуя последствия завоевательной политики царской России на Востоке, многие авторы подчеркивали одну сторону – национальное угнетение царизмом ... и совершенно недостаточно освещали прогрессивное значение присоединения Узбекистана к России». «Наши историки, – говорилось в статье, – недостаточно подчеркивают то, что без присоединения Узбекистана к России, без проникновения сюда марксизма-ленинизма, без приобщения к революционному освободительному движению русского народа, возглавленному партией Ленина – Сталина, трудящиеся массы Узбекистана были бы в стороне от ... социалистического движения, прозябали бы в феодальном рабстве, неминуемо попали бы в кабалу англо-американского империализма».

Другой «крупный недостаток» виделся в том, что ученые-историки республики мало уделяют внимание исследованию вопросов истории советской эпохи. Как констатировалось в докладе, «...наши научные работники увлекаются изучением преимущественно истории и культуры отдаленных эпох». При этом, «допускают идеализацию феодального прошлого». В качестве примера таких «принципиальных ошибок» назывались материалы «Истории народов Узбекистана»¹. Особенно острой критике подвергся второй том, редакторами которого являлись В.Я. Непомнин и В.В. Шишкин. В этой связи отмечалось, что «авторы переоценивают культурное состояние и роль державы Тимура, приукрашивают деятельность многих ханов, эмиров, беков, придворных поэтов». Вместе с тем, констатировалось далее, «...во II томе бледно показывается тяжелая жизнь и классовая борьба трудящихся масс, находившихся под гнетом ханов, беков, духовенства и царских чиновников».

«Идеализация прошлого» историками республики виделась и в «неправильной оценке» ими национальных движений. Например, указывалось, что «во II томе «Истории народов Узбекистана» освещаются как революционные и народно-освободительные по своему характеру выступление джетим-ханов, андижанское восстание 1898 г. под руководством Ишан Мухамед – Али и некоторые другие, которые на самом деле являлись реакционными, феодально-национа-

¹ Правда Востока, 1952, 24 февраля

листическими и были направлены на отрыв Узбекистана от России и восстановление ханских порядков под протекторатом английского империализма¹».

Опасность «идеализации феодального прошлого» сводилась к тому, что она «неминуемо ведет к усилению буржуазного национализма, который в условиях Востока нередко принимает, как указывал товарищ Сталин, форму панисламизма и пантюркизма». В связи с этим в качестве одной из важнейших задач парторганизации республики определялась необходимость разворачивания беспощадной борьбы как на «историческом фронте», так и на других участках идеологической работы «со всякими проявлениями и пережитками буржуазного национализма, пантюркизма и панисламизма». Внимание историков обращалось также на то, что принципиально важно «все-сторонне показывать руководящую и направляющую роль ВКП (б), огромную помощь великого русского народа, ЦК ВКП (б), Ленина и Сталина в социалистическом преобразовании Узбекистана»².

Резкой критике подверглась на X пленуме работа Института востоковедения АН УзССР. Его работникам ставилось в вину то, что они не занимаются проблемами «разоблачения происков американо-английского империализма на Востоке и контрреволюционных теорий пантюркизма и панисламизма».

В отсутствии «научного марксистского подхода к изучению культурного наследия прошлого» был обвинен Институт языка и литературы Академии. Это обвинение аргументировалось тем, что «до последнего времени не был подвергнут критической оценке и не был вскрыт... вредный, антинародный характер» эпоса «Алпамыш»³.

Особому критическому разбору было подвергнуто на пленуме состояние языкознания в республике. Его характеристика тесно увязывалась со сталинскими установками. Как подчеркивалось в докладе: «Гениальный труд товарища И.А. Сталина по вопросам языкознания является выдающимся вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма. В нем развиты и подняты на новую ступень коренные вопросы марксистской философии, вопросы строительства социали-

¹ Правда Востока, 1952, 24 февраля.

² Там же.

³ Правда Востока, 1952, 24 февраля.

стической культуры в нашей стране. На основе сталинских положений наши ученые-языковеды должны были коренным образом перестроить свою работу в области языкознания, правильно поставить насущные вопросы узбекского языкознания. Однако этого не было сделано. Академия наук, Министерство просвещения, вузы ограничили в большинстве случаев формальным проведением конференций по изучению труда товарища Сталина и поверхностным рассмотрением учебных программ и пособий по узбекскому языку для школ и вузов и до конца не разоблачали антимарксистские взгляды некоторых узбекских языковедов – последователей Н.Я. Марра»¹.

Наряду с резким идеологическим осуждением исследовательской работы научных подразделений, в материалах пленума содержались и опасные политические оценки деятельности многих известных ученых. К примеру, в серьезных «буржуазно-националистических ошибках» был обвинен философ В. Захидов. Так, в докладе отмечалось, что «в своей работе, посвященной общественно-политическим взглядам Навои, В. Захидов идеализирует деятельность Навои, представляет его революционным демократом. В других работах В. Захидова идеализируется буржуазная идеология джадидов, замалчивается борьба нашей партии с контрреволюционной деятельностью джадидов и их идеологией буржуазного национализма, смазывается великая роль ленинско-сталинской национальной политики в социалистическом преобразовании Узбекистана». В. Захидову ставилось также в вину то, что в своем докладе «Борьба за марксистско-ленинское освещение истории и истории культуры народов Узбекистана», опубликованном в 1951 г. в специальном сборнике, он «затушевывал реакционную роль местных буржуазно-националистических элементов, выступавших агентами иностранного империализма в их борьбе против советской власти и социалистического строительства Средней Азии»².

В свою очередь, историкам Р. Абдушукурову, Г. Ризаеву и С. Раджапову было брошено обвинение в «недооценке величайшего значения октябрьской социалистической революции в судьбах народов Средней Азии», что «их больше интересует вопрос о процессе

¹ Там же.

² Правда Востока, 1952, 24 февраля.

формирования буржуазной нации, нежели вопрос о возникновении и развитии социалистической нации»¹.

Историк А. Бабаходжаев подвергся идеологической экзекуции за то, что в своем труде «Афгано-бухарские отношения и происки британского империализма в Средней Азии в 1918–1924 гг.» он «не показал реакционную сущность пантюркизма и по существу затушевывал тот факт, что пантюркисты являются платными агентами англо-американского империализма». По сути А. Бабаходжаев оказался обвинен в пропаганде пантюркизма. Поводом к тому послужило то, что в своей книге он, как указывалось в докладе А. Ниязова, «...обильно цитирует произведение пантюркиста-контрреволюционера, эмигранта Раджаб-Байсуна, антисоветские высказывания бывшего бухарского эмира Саид Алим-хана и отъявленного пантюркиста, агента англо-американского империализма Энвер-паши». Подчеркивалось также, что А. Бабаходжаев не разоблачил «предательскую роль джадидов и младобухарцев»².

Резкой критике подвергся на пленуме филолог А. Усманов. Ему инкриминировалось то, что «исходя из антинаучной теории Марра», он «пропагандировал чуждую узбекскому языку арабскую терминологию, выступал против внедрения в узбекский язык общепризнанных русских интернациональных терминов», объявляя их интервенцию «ультра-интернационализмом». Все это, как провозглашалось на пленуме, Усманов маскировал защитой якобы «национальной специфики узбекского языка». Но такой подход, по замечанию партийных руководителей, представлял не защиту, а «одно из проявлений буржуазного национализма»³.

Остро критиковались также на пленуме за «преклонение перед феодальным прошлым» и «националистический уклон» в своих научных трудах Айбек, А. Аминов, Х. Зарифов, Г. Каримов⁴.

Кроме того, джадидское движение на официальном уровне было объявлено «антинародным, реакционным», а джадиды – названы «злыми врагами узбекского народа»⁵.

¹ Там же.

² Там же.

³ Правда Востока, 1952, 24 февраля.

⁴ Там же..

⁵ Там же.

Постановление X пленума ЦК КП (б) Уз дало толчок новому витку гонений на представителей научной интеллигенции. Часть из них была арестована, а большой знаток восточной и западной литературы проф. Хамид Сулейман был приговорен судом к 25 годам заключения в ИТЛ. Другие подверглись политическому и административному ostracism. В частности, В. Захидов был исключен из партии и лишился возможности полноправно заниматься научной деятельностью. Такая же участь постигла А. Аминова и многих других. Лишь после смерти Сталина процесс шельмования, дискредитации и гонений на творческую интеллигенцию в Узбекистане был заторможен, всех арестованных освободили. Но рана, нанесенная узбекскому народу, не заживала в течение всех последующих советских десятилетий.

Итак, заключая параграф и главу в целом, следует подчеркнуть, что советский способ управления образовательной и научной политикой, усугубленный сталинскими методами тотализации духовной жизни, обусловил глобальную деформацию образовательной системы и нравственных устоев научного сообщества, извращение всех основных принципов их нормальной деятельности. Были утрачены незыблемые ценности, образующие корневую систему интеллектуального творчества. В их числе, оказавшиеся под угрозой Уголовного кодекса, свобода исследовательской мысли, независимый от идеологических стереотипов поиск истины, «диалогизм» как «собеседование» умов, не оравленных страхом перед властью придерживающимися (в противовес «монологизму» – диктату одного «голоса» и тех, кто ему вторит).

В атмосфере нравственного падения рушились такие формы организации совместного исследовательского труда и воспитания талантов, как научные школы, взамен которых возникали кланы, которые захватывая при поддержке партийного аппарата административную власть, превращали сообщество ученых в бюрократическое сборище. Взамен дискуссий, как неотъемлемой от производства знаний формы творческого общения научное сообщество заполонило псевдодискуссии – судилища для расправы с инакомыслящими. Все это тормозило научный прогресс, растлевало молодые умы. Серьезный ущерб был нанесен не только теории, но и практике – инженерной, сельскохозяйственной, медицинской, педагогиче-

ской. В этих противоестественных условиях неистребленный – при всех огромных утратах – интеллектуальный потенциал народа смог, вопреки тоталитаризму, породить самоотверженных тружеников, энергия которых позволила Узбекистану продвинуться по пути научного прогресса.

ГЛАВА 4. ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА И РЕПРЕССИИ В ЭТОЙ СФЕРЕ В УЗБЕКИСТАНЕ В 1925–1953 ГГ.

4.1. Процессы деформации литературы и искусства

Развертывая «культурную революцию», коммунистическое руководство Союза придавало принципиальное значение ускоренной отформовке по марксистским стандартам новой «социалистической» литературы и искусства. Об этом не раз говорилось на различных пленумах Средазбюро ЦК РКП (б)¹. Большевистские идеологи осознали, что литература и искусство, составляя сердцевину художественной культуры, представляют активную преобразующую силу, оказывают огромное воздействие на формирование общественного и индивидуального сознания, на мировоззренческие представления людей. Они играют заметную роль в сохранении духовного наследия народа, в создании и распространении новых духовных ценностей, в закреплении на эмоциональном уровне высоких идеалов, выступающих в качестве духовных ориентиров общества.

Об устойчивом внимании партийного руководства к проблемам становления и развития социалистической художественной культуры свидетельствует то, что уже в первой половине 20-х годов эти вопросы были специально рассмотрены на XI, XII, XIII съездах РКП (б), XII партийной конференции. В принятых документах были конкретизированы многие теоретические положения, разработанные В.И. Лениным о культурном строительстве. В частности, XI съезд РКП (б) признал чрезвычайно необходимым создание литературы для рабоче-крестьянской молодежи, которая могла бы быть противопоставлена влиянию юношества со стороны «враждебной» литературы и содействовать коммунистическому воспитанию юношеских масс². XIII съезд указал на важность широкого использования такого действенного средства в работе среди художественной интеллигенции, марксистско-ленинского воспитания работников творческих

¹ Зеленский И. Итоги пленума Средазбюро ЦК РКП (б). (По докладу в Доме партсамообразования. От4/ VII-25 г.) // Красный рубеж. 1925- №3– С.3–13

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. –М., 1972. Т.2. – С. 525–526.

профессий как партийная критика. В связи с чем в резолюции XIII съезда особо подчеркивалась необходимость усилить партийное руководство критико-библиографической работой... издательств, журналов и газет, организуя в последних постоянные и систематически действующие отделы»¹, которые помогали бы выделять и поддерживать верных советской власти писателей, указывая вместе с тем на их «ошибки», выступали бы против всякого рода «буржуазных теорий». В феврале 1922 г. и в марте 1923 г. ЦК РКП (б) рассмотрел вопрос о борьбе с проявлениями мелкобуржуазной идеологии в литературно-издательской области, в решениях которого осуждению подверглись взгляды обширной группы представителей художественной интеллигенции, выступавших против партийного руководства литературой и искусством².

Одним из важнейших документов, нацеленных на усиление партийного руководства литературой и искусством, стала резолюция ЦК РКП (б) от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы». Подчеркнув, что «в классовом обществе нет и не может быть нейтрального искусства», резолюция выдвинула задачу создания «высокоидейной и высокохудожественной литературы для широких масс». Особое внимание при этом обращалось на важность формирования идейного единства творческих сил на базе пролетарской идеологии. Были показаны роль и значение в этом деле литературной критики, призванной с позиций марксизма-ленинизма вскрывать классовый смысл литературных произведений, беспощадно бороться против контрреволюционных проявлений в литературе³.

Не случайно в постановлениях I съезда КП (б) Узбекистана говорилось: «Учитывая значение кино и театра, которые должны явиться в руках партии могучим средством компросвещения и агитации, необходимо привлечь внимание широких трудящихся масс, партийных профессиональных организаций к созданию здорового киноматериала на местных языках и организации передвижных теа-

¹ Там же. Т.3. – С. 106.

² См.: Федюкин С. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПУ. – М., 1974. – С. 234.

³ Очерки истории идеологической деятельности КПСС. 1917–1937 гг. – М., 1985. – С. 210.

тральных групп для обслуживания с агитационной целью масс, особенно в кишлаках»¹.

В реализации задач обеспечения «идейной чистоты» художественных произведений, создания прочного заслона на пути проникновения чуждой идеологии решением союзного правительства в Центре и в республиках были образованы специализированные органы цензуры – Главные управления по делам литературы и издательств (Главлит). В частности, постановление Совнаркома Узбекской ССР об организации Узглавлита было принято 8 февраля 1927 г². В положении о нем говорилось:

«1. В целях ограждения трудящихся масс от влияния антисоветской идеологии и недопущения вредных уклонов во всех печатных произведениях учреждается Главное Управление по делам литературы и издательств при Народном Комиссариате Просвещения и его местные органы окружных и районных Отделов Народного Образования.

2. На Главлит и его местные органы возлагается:

а) предварительный просмотр всех предназначенных к опубликованию или распространению произведений как рукописных, так и печатных, изданий периодических и непериодических, снимков, рисунков, карт и т.п.;

б) составление списков произведений печати, запрещенных к продаже и распространению;

г) издание правил, распоряжений и инструкций по печати, обязательных для всех органов печати, издательств, типографий, библиотек и книжных магазинов.

3. Узглавлит и его органы воспрещают издание и распространение произведений:

а) содержащих агитацию против советской власти;

б) разглашающих военные и экономические тайны республики;

в) возбуждающих общественное мнение путем сообщения ложных сведений;

г) возбуждающих националистический и религиозный фанатизм...

¹ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и постановлениях съездов. Ташкент «Узбекистан», второе издание. 1968 С.44

² ЦГА РУз, Фонд Р- 837, оп. 3., д. 23, л. 17.

4. На всех произведениях печати, издаваемых в республике должна быть виза Главлита и его местных органов.

5. Заведующие типографиями и всеми типографическими предприятиями под страхом судебной ответственности обязаны неуклонно следить за тем, чтобы печатаемые в их типографиях произведения имели разрешительную визу Главлита и его органов на местах»¹.

Таким образом, изначально «революционные» преобразования в литературе и искусстве укладывались в жесткие рамки классово-партийного подхода, силового и административного давления, объективно несовместимых со свободой творчества. Процессы классово-идеологической нивелировки литературы и искусства сопровождались выхолащиванием их национального содержания. Методологической основой такого подхода, как уже отмечалось выше, выступало пренебрежение коммунистическим руководством этнической спецификой народов «красной империи», в том числе Узбекистана. Отталкиваясь от ленинской теории мировой социалистической революции, предполагалось, особенно в первые послеоктябрьские годы, что в результате стремительного осуществления этой революции нации и народности в ближайшие сроки должны слиться в единую коммунистическую нацию.

Такая концептуальная посылка обусловила, что вслед за Лениным Сталин и его окружение в принципе репрессировали национальную духовную культуру. В Узбекистане, как и в других союзных республиках, «социалистическая» литература и искусство конструировались по лекалам центрального руководства, исходя из утопий коммунистического учения и собственных политических интересов. Национальный фактор, если и присутствовал, то только во внешней форме. Выход за границу официально дозволенного немедленно пресекался.

При этом вековая духовная культура, созданная нациями и народностями, искусственно была разделена на «классово враждебную» и «революционно-демократическую». Согласно ленинскому учению утверждалось, что «дореволюционная» литература и искусство неоднородны, ибо сами нации и народности состоят из классов с противоположными интересами. В содержание культуры нации «досоциалистического» общества входят как «феодално-буржуазная»,

¹ ЦГА РУз, Фонд Р- 837, оп. 3, д. 23, л. 17–20.

так и «интернационально-демократическая» культура. Иными словами отсутствует единая национальная культура. Исходя из ленинского вывода, что в «антагонистическом обществе есть две национальные культуры в каждой национальной культуре», о ее классово-раздвоенности, большевистские идеологические надсмотрщики и советско-партийные властные структуры строго следили за тем, чтобы творческая интеллигенция неизменно учитывала классовую основу и классово-социальную роль художественной культуры. «Отступников» обвиняли в национализме и идеализме, политически преследовали.

Этот процесс особенно усилился с провозглашением сталинской администрацией курса на «развернутое наступление социализма по всему фронту» и установлением деспотии единоличной власти. При этом только в Ташкенте, например, работало большое число видных деятелей культуры.¹

Прежде всего с переходом к «развернутому социалистическому строительству» в области литературы и искусства существенно усилилась роль так называемой «марксистско-ленинской критики». Уже во второй половине 20-х годов в журналах и газетах наряду с отделами критики стали создаваться «полемические» отделы. В них предпринимались критические обзоры текущей литературы, статьи об отдельных произведениях, воспроизводились литературные портреты. При этом в критических материалах обсуждались не только вопросы о творческом методе советской литературы, о принципах и формах художественного отображения социалистической действительности, но и о влиянии «троцкистско-зиновьевской оппозиции», «буржуазного национализма» на состояние литературного процесса.

Заметно усилилось внимание к вопросам идейно-политического руководства компартией театром. Для обсуждения и определения задач советского театрального искусства в мае 1927 г. при Агитпропотделе ЦК ВКП (б) было создано специальное Всесоюзное

¹ Список известных личностей, связанных с Ташкентом: Календарь знаменательных и памятных дат независимой Республики Узбекистан на 2005 год. Сост. О. В. Колповская; Ред.: И. З. Мамина; Национальная библиотека Узбекистана им. А. Навои; Отд. нац. библиографии.- Ташкент.: Изд-во Нац.б-ки Узбекистана им. А.Навои, 2005.

совещание по театру, которое определило основные направления развития советского театра. В своих рекомендациях совещание исходило из политики партии, имеющей своей целью максимальное вовлечение театров в социалистическое строительство. Совещание особо подчеркнуло агитационно-пропагандистское значение театрального искусства, указав, что «основной критерий работы театров... это критерий общественно-политической значимости»¹.

Совещание наметило ряд идейно-организационных форм по повышению роли театра в формировании «нового человека». При этом первостепенное внимание было обращено на «повышение идейного уровня», «боеспособности первичных партийных организаций», призванных твердо претворять генеральную линию ЦК ВКП (б) в театральных коллективах.

Другой формой усиления влияния партии на театры выступили театральные художественно-политические советы (ХПС), преобразованные из художественных советов театров. Наряду с работниками театров в их состав входили представители ЦК ВКП (б) и ЦК компартий союзных республик, обкомов, горкомов, райкомов партии, а также общественности, профсоюзов и комсомольских органов.

На состоявшемся в ноябре 1928 г. при Агитпроме ЦК ВКП(б) совещании коммунистов – членов художественно-политических советов отмечалось, что ХПС должны стать «органами общественного контроля, ... обязаны отвечать за политическую линию, за политическое содержание театра»². Иными словами, быть дополнительными политическими цензорами идейного уровня репертуара театров, соответствия театральных постановок делу социалистического строительства.

Эффективным рычагом влияния партии на содержание театрального репертуара являлся Главрепертком и его филиалы на местах, в том числе в Узбекистане, который действовал под непосредственным руководством Агитпрома ЦК ВКП (б). Он систематически организовывал общественные просмотры спектаклей, устраивал обсуждение их на фабриках, заводах, в клубах, утверждал репертуарные планы.

¹ Пути развития театра. Стеногр. отчет и решения партийного совещания по вопросам театра при Агитпроме ЦК ВКП(б) в мае 1927.-М.-Л., 1927. – С.480.

² Коммунистическая революция, 1928. – № 23–24. – С.133.

Усилилось внимание и к кино – самому массовому из искусств. В целях его идейного роста в 1929 г. было создано Всесоюзное партийное совещание по кинематографии. В принятой на совещании резолюции «Итоги строительства кино в СССР и задачи советской кинематографии» в соответствии с принципами классового подхода и партийности искусства было определено место кино в деле коммунистического воспитания широких народных масс. В частности, отмечалось, что для решения своей основной задачи – «быть сильнейшим орудием углубления классового сознания рабочих, политического перевоспитания всех непролетарских слоев населения и крестьянства в первую очередь» – кино, как никакой другой вид искусства, располагает исключительно большими возможностями. В связи с чем рекомендовалось в присущих кинематографу формах «пропагандировать новые социалистические элементы во всех областях общественных отношений», содействовать эстетическому, художественному воспитанию масс « в нужном пролетариату (т.е. партии – *авт.*) направлении», «полнее учитывать в содержании кинокартин» основные лозунги партии»¹.

Курс на политизацию литературы и искусства заметно усилился в 30-е годы. Партия использовала самые различные формы и методы, чтобы работники литературы и искусства, художественная интеллигенция четче осознали роль художественной культуры в формировании социалистической личности, руководствовались партийным отношением к своему делу, содействовали бы решительной борьбе с «классовыми врагами». В этих целях широко вошли в повседневную практику встречи с творческой интеллигенцией в ЦК ВКП (б), ЦК республиканских партий, обкомах, горкомах и райкомах партии, выступления руководящих партийных деятелей перед писателями, художниками, обсуждение вместе с ними вопросов о роли художественной интеллигенции в социалистическом наступлении.

23 апреля 1932 г. вышло постановление ЦК Средазбюро ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций в Средней Азии»², которое было нацелено на идейное сплочение литераторов и других творческих работников на марксистско-ленинской

¹ Пути кино. Первое Всесоюзное партийное совещание по кинематографии. – М., 1929. – С.431, 433.

² КПСС в резолюциях..., Т.5. – С.407–408.

платформе. В нем ЦК ВКП (б) признал необходимым ликвидировать все прежние творческие организации и создать новые, объединив всех деятелей литературы и искусства, «поддерживающих платформу советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве», в единые союзы с коммунистическими фракциями в них¹. Организация новых творческих объединений сопровождалась предварительной чисткой в форме проверки каждого представителя художественной интеллигенции на предмет степени его участия в социалистическом обновлении.

Одновременно в партийной печати развернулась дискуссия по вопросам отражения деятелями литературы и искусства принципа социалистического реализма. В итоге были определены идейные приоритеты этого метода художественного творчества, настойчиво внедряемого властными верхами. Его суть сводилась к необходимости «художественного отражения действительности в ее революционном развитии на базе марксистско-ленинского мировоззрения», дающего, по убеждению большевистских идеологов, «наиболее глубокое и правдивое осмысление закономерных процессов развития общества»². На самом же деле метод социалистического реализма был нацелен на воспевание героики беспощадной борьбы против «классовых врагов», «буржуазных националистов»; на поэтическое обоснование «руководящей роли компартии» и прославление ее вождей, на лакировку социалистической действительности.

Одной из первых творческих организаций нового типа на всесоюзном уровне стал «Союз советских писателей». В Узбекской Республике среди них можно назвать образованные в 1932 г. «Союз художников Узбекистана» и в 1934 г. «Союз писателей Узбекистана».

Первостепенную роль в утверждении социалистического реализма правящая союзная политическая элита, наряду с рычагами властного управления, отводила критике, особенно литературной. Так, в целях укрепления «марксистской критики» и повышения ее идейного уровня в 1934–1935 гг., по указанию Культпропотдела ЦК ВКП (б) за многими журналами были закреплены проверенные критики с освобождением их от административно-организационной работы.

¹ КПСС в резолюциях..., Т.5. – С. 408.

² См.: Очерки истории идеологической деятельности КПСС. 1917–1937 ... – С. 399.

На них возлагались функции идеологических цензоров, призванных пресекать любые попытки отхода от партийных установок.

Большое значение придавало партийное руководство воспитанию художественной интеллигенции в социалистическом духе. Заботой о росте ее идейно-политической убежденности в правоте социалистического переустройства общества, верности идеалам коммунистического учения были проникнуты постановления ЦК ВКП(б) «Об издательской работе» (август 1931 г.)¹, «Реорганизации культпрома ЦК ВКП(б)» (май 1935 г.)². В частности, в связи с их принятием «Правда» указывала на необходимость формирования твердых марксистско-ленинских мировоззренческих позиций деятелей литературы и искусства, важность постоянного углубленного изучения ими «новаторской практики коммунистической партии по воздвигению светлого здания социализма» и ее художественному воспитанию в своих произведениях³.

Насаждение «сверху» принципа социалистического реализма сопровождалось бескомпромиссной борьбой с антимарксистскими концепциями. К примеру, острой критике были подвергнуты так называемые теории «буржуазного формализма». В 1935–1937 гг. ЦК ВКП(б), по инициативе И. Сталина, организовал широкую дискуссию по вопросу «преодоления формализма и натурализма» в литературе и искусстве. В 1936 г. «Правда» развернула дискуссию о роли и задачах искусства⁴. В ходе этих акций осуждались проявления формализма в творчестве значительной группы писателей, художников, композиторов. Им в вину ставилось извращение марксистско-ленинских принципов художественного творчества, неправильное толкование процессов развития общества и исторического прошлого.

Линия на политизацию литературы и искусства, осуществляемая союзным Центром на всесоюзном уровне, находила свое отчетливое выражение и в Узбекистане. Но здесь она, как и по другим направлениям духовного производства, прежде всего, увязывалась с нацио-

¹ См.: КПСС в резолюциях..., Т.5. – С. 339–346.

² Правда. 1935, 14 мая.

³ Правда. 1935, 5 декабря.

⁴ См.: Очерки истории идеологической деятельности КПСС. 1917–1937... – С. 403.

нальной политикой советского руководства, которое свое внимание в идеологической сфере сосредоточило на «развенчании» местного национализма. Именно отсюда исходила угроза пролетарской солидарности и социалистической перестройке общества.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что с утверждением у власти Сталина как единоличного политического лидера его представления о процессах в национальной сфере жизни общества и способах регулирования этими процессами, воспринимаемыми как истина в последней инстанции, претерпели определенное изменение.

Прежде всего новый «вождь» отказался от бытовавшего прежде теоретического положения, что уже за период социалистического строительства в советском государстве исчезнут нации (такие взгляды были приписаны поверженным политическим противникам). Он отодвинул реализацию этой задачи на отдаленную перспективу периода установления всемирной диктатуры пролетариата. И потому переход к общечеловеческой социалистической культуре им мыслился как происходящий в порядке одновременного развития у национальностей СССР национальной культуры (по форме) и социалистической – интернациональной (по содержанию). В связи с чем, выступая с политическим отчетом ЦК XVI съезду партии (июнь 1930 г.), Сталин призвал всемерно развивать национальные культуры с тем, чтобы создать условия для их слияния в одну общую культуру в период победы социализма во всем мире.

В соответствии с обновленным концептуально-методологическим подходом больше внимания стало уделяться вопросам развития национальной культуры, хотя и в рамках ее социалистического восприятия. В результате, несмотря на тормозящие идейно-политические факторы, благодаря созидательному труду народа и творческой деятельности национальной интеллигенции в Узбекистане в духовно-культурной сфере были достигнуты известные успехи.

В частности, большой вклад в развитие узбекской словесности внесли в 20–30-е гг. известные уже к тому времени писатели, поэты, драматурги – С. Айни, Хамза, А. Кадыри, А. Носир, А. Фитрат, Чулпан, Бату, а также представители новой волны национальной литературы – Айбек, Х. Алимжан, Зульфия, А. Каххар, Г. Гулям, Гайрати, Уйгун, М. Шайхзаде и др.

Обогатились традиции театрального музыкального искусства. Всенародной любовью пользовались в те годы такие талантли-

вые мастера сцены, как Кори-Якубов, Х. Насырова, Ш. Бурханов, Н.Рахимов, Тамара Ханум, М. Тургунбаева, А. Ходжаев, А. Хидоятов, Л. Сарымсакова. Среди талантливых национальных композиторов были такие известные мастера, как Тохтасын Джалилов, Юнус Раджаби, Мухтар Ашрафи, Талиб Садыков. В 1939 г. появилась первая узбекская опера «Буран», написанная М. Ашрафи и С. Василенко по либретто К. Яшена. В целом к 1940 г. в республике насчитывалось уже 45 разносторонних профессиональных театров¹, тогда как в 1924 г. — 11².

Заметным явлением музыкальной жизни Узбекистана тех лет стало открытие в 1936 г. Ташкентской государственной консерватории. Только в течение 1936–1937 гг. она подготовила и выпустила более 100 специалистов, сыгравших немалую роль в развитии узбекской музыкальной и вокальной культуры (композиторов, музыковедов, дирижеров, солистов оперы, певцов, пианистов и работников других областей музыкальной сферы).

Росли кадры национальных художников. Среди них совершенным художественным мастерством выделялись Д. Абдуллаев, Х. Насреддинов, У. Тансыкбаев, Б. Хамдами, Усто Мумин, а также первая узбекская художница — Шамсой Хасанова.

Активно развивалось отечественное киноискусство. Особенно заметную роль в становлении узбекского кино сыграли Н. Ганиев, С. Ходжаев, К. Ярматов, М. Каюмов, Э. Хамраев, Р. Пирмухамедов и др. В те годы Узбекская киностудия выпустила на экраны десятки талантливых кинокартин, рассказывающих о жизни Узбекистана на переломе крутых социалистических перемен.

Однако значимые явления в области литературы и искусства сопровождались глубокими деформациями. Ведь при всех «уступках» сталинской администрации национальным чувствам народа общая направленность советской культурной политики продолжала сводиться к разрушению национальных основ духовного производства, к его социалистической унификации и тотализации.

¹ Народное хозяйство Узбекской ССР за 70 лет советской власти. Юбил. статсборник.—Ташкент, 1987. — С.281.

² Народное хозяйство Узбекской ССР за 50 лет. Сборник статматериалов.—Ташкент, 1967. — С.228.

Диктат Центра, искусственное разделение правящими верхами национальной культуры на до – и послереволюционную, идеологический постулат ее двухслойности, приоритет коммунистической идеи обусловили трагический разрыв с исторической традицией. Утратив прежние духовные ориентиры, деятели литературы и искусства были принуждены охаивать самобытную исконную цивилизацию, героизировать насильственный социалистический передел, художественными средствами пропагандировать лозунги партии по «развертыванию» жесткой классовой борьбы, разоблачению духовенства и «реакционных» сил, особенно борцов за независимость, опозитизировать губительную коллективизацию и другие акции силового переустройства общества.

В результате представители художественной интеллигенции теряли чувство общности с историей своего народа и вековые культурные корни. Характерно и другое. В условиях отсутствия свободы творчества, возможности искреннего отражения общественной жизни в искусстве в среде художественной интеллигенции развивалось болезненное раздвоение самой культурно-творческой деятельности. Ведь наряду с анализом и прославлением того, что действительно положительного было достигнуто обществом, они вынуждены были замалчивать противоречия, приукрашивать и упрощать реальные процессы, лгать, когда сознательно или бессознательно творимое зло объявлялось добром, просчет – мудростью, преступление – добродетелью. Все это вело не только к искажению социалистической действительности, но и способствовало ослеплению народа.

Двойственность вела и к внутреннему размежеванию художественной интеллигенции. Одни, пойдя на тесное сотрудничество с режимом, обманом или самообманом, придерживались партийных директив. Другие не желали мириться. Видя свое главное предназначение в служении народу, нации, они не могли искренне игнорировать действительность, с легким сердцем действовать по даваемым извне указаниям, менять свои представления, вкусы, пристрастия в строгом соответствии с текущими политическими установками. Именно они в первую очередь, подвергались гонениям и изоляции, что обусловило ускорение процессов разрушения традиционных национальных основ узбекской художественной культуры и подмены их псевдонациональными, формальными атрибутами национальной культуры, присущими советско-социалистической цивилизации.

Идеологической основой наступления на художественную интеллигенцию послужили политические установки центрального партийного руководства по широкому развертыванию идейной борьбы против «буржуазного национализма» и националистических концепций.

После национально-территориального размежевания и образования Узбекской ССР эта борьба продолжилась. Так, уже на I съезде Компартии Узбекистана отмечалось, что «в условиях нэпа, в обстановке почти исключительно крестьянской страны, где веками господствовал чиновник, бай, манан, мулла, царь, где широкие трудящиеся массы темны и забиты – подъем национально-государственного самосознания трудящихся Узбекистана может быть использован враждебными нам слоями для развития панисламизма, пантюркизма, национал-шовинизма и пр., т.е. в конечном счете, для борьбы с властью Советов»¹.

Основными факторами оживления «националистической идеологии» в партийных документах называлась «внешняя и внутренняя контрреволюция», которая по мысли большевистских идеологов взяла на вооружение сам факт национально-территориального размежевания и развернула националистическую пропаганду. В частности, указывалось, что вслед за образованием новых среднеазиатских республик среди зарубежной эмиграции «усилились голоса идеологов пантюркизма – Заки Валиди, Мустафы Чокаева, М. Расул-заде и других, сгруппировавшихся вокруг издававшегося в Константинополе журнала «Янги Туркестон». Они якобы всеми путями пытались в новых условиях возродить старые идеи пантюркизма, провозгласив лозунг «Объединения всех тюрков!».

Оживление внутренней «националистической контрреволюции» виделось в участвовавшей атаке «местных националистов» на национальную политику партии, в требованиях ряда руководящих работников и представителей национальной интеллигенции предоставить Узбекистану не декларативный, а реальный государственный суверенитет. Утверждалось, что если внешняя контрреволюция взяла на вооружение идеи панисламизма и пантюркизма, то внутренняя в

¹ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. В 4-х т. Т.1. -1925-1937. –Ташкент, 1987.

лице торговой и промышленной национальной буржуазии – идеологии джадидизма.

С учетом сложившейся ситуации Средазбюро ЦК ВКП (б) призвало все партийные организации республики вести непримиримую борьбу со всяческими проявлениями «буржуазного национализма». На III пленуме ЦК КП Узбекистана (12–16 мая 1926 г.) был специально рассмотрен вопрос «Очередные задачи на идеологическом фронте». В решениях пленума констатировалось, что идеологическая сфера общественной жизни Узбекистана превратилась в арену наиболее обостренной классовой борьбы. При этом в числе главных политических сил, разжигающих «внутреннюю националистическую контрреволюцию, называлась старая интеллигенция и национальная буржуазия, «открыто вставшая на путь контрреволюционной борьбы»¹. В то же время на пленуме была дана оценка джадидизма, как «националистической, контрреволюционной идеологии местной буржуазии»².

Заметно ужесточилось идейно-политическое наступление в духовно-культурной сфере вслед за развернувшейся на союзном уровне борьбе с троцкизмом, правым и левым уклонами, а в республике – выступлением «группы 18-ти» и «разоблачением» «иногамовщины». Так, в серии статей первого секретаря ЦК КП (б) Узбекистана А. Икрамова, опубликованных в сентябре 1927 г. в «Правде Востока», в его докладах на VII пленуме ЦК КП (б) Уз³, II курултае работников культуры республики⁴ и др.; в докладах и выступлениях председателя Средазбюро ЦК ВКП И.А. Зеленского настойчиво отмечалось, что борьба Компартии Узбекистана с «местным национализмом» представляет ведущее направление борьбы за социализм. При этом в числе главных обвинений, выдвинутых против «буржуазных националистов», называлось то, что они упрекали руководство республики в нежелании бороться с колонизаторством, а также «противопоставляли интернациональную по содержанию культуру пролетариата Союза националистической, феодально-буржуазной культуре»⁵.

¹ Резолюции III пленума ЦК КП (б) Узбекистана. Самарканд, 1926. – С.11–12.

² Там же. – С.13

³ Правда Востока. 1927, 20 сентября.

⁴ Правда Востока. 1927, 4–5 октября.

⁵ См.: Раджапова Р. Идеологическая работа Компартии Узбекистана в период строительства социализма. – Ташкент, 1982. – С.82–83.

Характерно и другое. Партийное руководство настойчиво стремилось установить кровное родство между всесоюзной оппозицией и «местными националистическими уклонами», которые, по мысли правящих партийных верхов, обоюдно скатывались к национализму, к отрицанию классовой сущности национальной культуры, классовой борьбы, к подмене понятия класса нацией. В частности, в резолюции XIV пленума Средазбюро указывалось: «Можно считать установленным, что «общесоюзная оппозиция дала местным оппозиционным группам и уклонам лозунги и линию в национальном вопросе»¹.

В обеспечении твердой линии ЦК ВКП (б) в культурном строительстве как союзное, так и республиканское политическое руководство придавало приоритетное значение, с одной стороны, демонстрации «несостоятельности» требований «националистов» о самостоятельном развитии узбекской культуры, а с другой – жесткому отстаиванию ленинско-сталинской позиции культурного передела в национальных республиках. В соответствии с чем в партийных постановлениях тех лет неоднократно указывалось на необходимость развертывания широкой разъяснительной работы среди интеллигенции, «трудящихся масс» о сущности пролетарской культуры – национальной по форме, социалистической по содержанию. Так, И.А. Зеленский, выступая на VII пленуме ЦК КП (б) Узбекистана (20 сентября 1927 г.) с докладом об итогах пленума ЦК ВКП (б), где стоял вопрос о троцкистско-зиновьевской оппозиции, подчеркнул, что «социалистическая культура обуславливается не только национальными формами и национальными рамками культуры, но и ... тем содержанием, которое вкладывается». А оно определялось классово-марксистскими идеологами.

В Узбекистане, как и в других национальных республиках, борьба с «оппортунистическими вылазками» тесно увязывалась с вопросами о путях создания пролетарской культуры «ранее отсталых народов».

Широкий размах приобрела идейная борьба в духовной сфере с объявлением курса на развернутое строительство социализма. Рассматривая новый период в качестве переломного в «социалисти-

¹ Среднеазиатское бюро ЦК ВКП (б). Резолюции и постановления XVI пленума, 8–10 октября 1927. – Ташкент, 1927. – С.37.

ческом созидании» с присущими ему тенденциями ускорения темпов «революционного» переустройства, сталинское руководство, в первую очередь, акцентировало внимание на том, что это не могло не вызвать яростного сопротивления «враждебных классовых сил». Как, к примеру, подчеркивалось в резолюции объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) (16–23 апреля 1929 г.), «пролетарская диктатура на данном этапе означает продолжение и усиление (а не затухание) классовой борьбы»¹.

В этом отношении в зоне повышенного внимания оказались литература и искусство, обладающие наиболее мощным потенциалом воздействия на общественное и индивидуальное сознание. К главным направлениям социалистической модернизации национальной культуры в области литературы и искусства относились укрепление партийного руководства творческими объединениями художественной интеллигенции, ее марксистско-ленинское воспитание, активная деятельность по «разоблачению» националистической направленности творчества ведущих «буржуазных» писателей и деятелей искусства, жесткое выкорчевывание «любых форм «националистической оппозиции». Идейная борьба с «буржуазными националистами» тесно переплеталась с государственно-политическим террором, обрушившимся на «оппозиционеров».

В концептуальном плане в подходе к оценке развития национальной литературы властные органы исходили из следующих идеологических посылок. Во-первых, то литературное наследие, которое получили «трудящиеся» Узбекистана от «дореволюционных» времен, крайне скудно. Из «послереволюционного» периода выделяется джадидская литература. Она оставила заметный след в узбекском литературном движении и послужила самым сильным оружием для «классовых врагов» в их борьбе против советской власти. Во-вторых, путь роста послеоктябрьской узбекской литературы проходит в условиях ожесточенной борьбы против всякого рода «национализма», против чуждых идеологий. Утверждалось, что «контрреволюционные, националистические буржуазные» писатели, упорно разжигая ненависть к советскому строю, «приноравливались к каждому из этапов социалистического строительства». Основными формами их антисоветской деятельности, по утверждению большевистских иде-

¹ КПСС в резолюциях... Т.4. –С.123.

ологов, являлись: открытые выступления против «октябрьской революции», сближение с Западом во избежание влияния российского пролетариата, обучение у Турции и у Запада, усиление националистического движения, отрицание классового расслоения и классовой борьбы в Узбекистане, пропаганда идеи «искусство для искусства». Подчеркивалось также, что «буржуазные» писатели в узбекской литературе во все периоды, «прикрываясь различными формами, пытались отравлять трудящихся Узбекистана пантюристскими и националистическими идеями и пытались отдалить их от Советского Союза».

С учетом указанных факторов в Узбекистане, как и в целом по Союзу, в борьбе с «националистической оппозицией» прежде всего стали предприниматься активные усилия по ликвидации творческих объединений, не укладывающихся в рамки ортодоксального марксизма, не находящихся в зоне строгого партийного контроля. Этот процесс начал разворачиваться еще в первые послеоктябрьские годы и приобрел интенсивный характер с переходом к «развернутому строительству социализма».

В данном отношении уместно заметить, что партийное руководство литературой и искусством в 20-е годы в значительной мере осложнялось наличием среди литераторов страны, в том числе Узбекистана, многочисленных группировок и течений, отражавших различные художественно-стилистические и идейные представления. В их деятельности прослеживались две тенденции: с одной стороны, стремление к объединению для решения задач строительства социализма, с другой – попытки отстоять независимость художественного творчества от политики партии и государства¹. В частности, среди последних в нашем крае можно назвать действующее в начале 20-х годов первое литературное объединение «Чагатайская группа» («Чагатай гурунги»). Члены этой литературно-лингвистической организации, как говорилось уже выше, стремились сохранить самобытность узбекского языка и национальные духовные ценности, продолжить в литературе и искусстве исконные национально-художественные традиции. И на этом основании были обвинены в «буржуазном национализме». Так, в официальной печати неодно-

¹ См. например, Известия, 9,12,13 февраля, 28 марта, 11, 26 апреля; 27 мая; 18 июля; 15 августа, 4 ноября.

кратно отмечалось, что данное литературно-языковое объединение «усиленно пропагандировало вещи, написанные буржуазными писателями, печатая их в журналах под маркой «Чагатай гурунги». В их числе назывались Фитрат, Чулпан, Бату, Эльбек и др.

При этом резкой критике подвергались сделанные ими обобщенные выводы, что «октябрьская революция была делом русского пролетариата и что движение это насильно, принудительно введено в Узбекистане» и потому, по их мнению, «скоро закончится». Утверждалось также, что «Чагатайская группа» была организацией, боровшейся против советской власти и пропагандировавшей пантюркизм. В качестве примера зачастую приводились выдержки из выступления А. Фитрата на Съезде, созванном в 1921 г. по вопросам орфографии и терминологии, где он сказал: «Самый богатый из языков мира – наш тюркский язык – был в рабстве не только у арабского языка, он получил много ударов также и от персидского языка... Тюркский язык оказался несчастливцем – тысячу лет он был в унижении, но не погиб. Он не погиб, он живет и будет жить. ... Мы любим тюркский «улус»... Среди тюркской литературы чагатайская литература занимает первое место. Чагатайский язык из всех тюркских наречий достиг наивысшего развития. Поэтому надо создавать чистую чагатайскую литературу»¹.

В обстановке многообразия литературно-художественных течений, стоящих на различных позициях в Узбекистане, как и в целом по «стране советов», в 20-х годах развернулись многочисленные дискуссии о специфике искусства, природе реализма, роли мировоззрения в художественном творчестве, значении художественного наследия для «социалистической культуры», о национальном и интернациональном по форме и содержанию художественном произведении и др. В ходе этих дискуссий коммунистическое руководство решительно отстаивало идею партийности литературы и искусства, социально-классовой ответственности художника. Прогрессивные же деятели художественной культуры выступали за свободу творчества.

В середине 20-х годов среди многообразия творческих организаций, группировок и течений, возникших в советское время, все громче стало заявлять о себе новое художественное течение –

¹См.: Литература Узбекистана. // Революция и национальности, 1934. – С.75.

Пролеткульт, ставившее задачу формирования новой пролетарской культуры. Пролеткульт представлял собой целую сеть литературно-художественных и культурно-просветительных организаций, распространившихся по всей стране. Например, в центральных регионах Союза ССР его придерживались такие группы и объединения творческой интеллигенции, как «Серапионовы братья», «Левый фронт искусства» (ЛЕФ), «Левый центр конструктивистов» (ЛЦК), «Перевал», «Кузница», Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) и др.

Идеология Пролеткульта исходила из левацкой посылки создания «чистой» пролетарской культуры, что вело к культурному обособлению рабочего класса, к отрицанию предшествующего культурного наследия. Вместе с тем пролеткультовцы отстаивали «революцию» лишь в области формы художественных произведений, решительно отрицая значение идейной направленности искусства.

В Узбекистане близкое по своим мировоззренческим позициям к Пролеткульту стояло организованное в 1926 г. в Самарканде общество «Кизил калам» («Красный карандаш» или «Красное перо»). Это объединение сыграло немалую роль в сплочении молодых сил советских литераторов республики. Характерно и то, что оно не придерживалось грубо вульгаризированного классового подхода к сложным проблемам духовной жизни с надуманным противопоставлением пролетарской культуры всему духовному богатству народа, нигилистическим отношением к культурному наследию прошлого, духовным завоеванием всего человечества, столь характерными для пролеткультовцев центральных регионов Союза. Вслед за «Чагатай гурунги» в их подходах к художественно-литературному творчеству сохранялся приоритет национального фактора.

Вместе с тем состав организации «Кизил калам» был чрезвычайно пестрым. В нее входили, по меркам партийно-советских органов, и «скрытые контрреволюционеры» в лице Вадуд Махмуди, Чулпана, Алтая, Бату и др., и молодые писатели, разрабатывающие советскую тематику (воспевание «революции», партии, новой жизни, «беднячко-пролетарских слоев») – Гайрат, Шамси, Уйгун, Айдын, Эргаш, Ташпулат и др.

Писательский состав «Кизил калама» распадался и дифференцировался по мировоззрению и творческим взглядам и установкам на несколько групп, между которыми происходило определенное про-

тивостояние. Причем, как констатировалось в официальных документах, большим влиянием пользовались «буржуазные писатели». В частности отмечалось, что в сборниках «Кизил калама» много места занимают рассказы Чулпана, «протаскивающего мелкобуржуазные идеи, националистические статьи из области истории (Фитрата, П.Солиева, Шенгели и др.)». Указывалось также, что «контрреволюционные буржуазные писатели, которым удалось войти в состав «Кызыл калама», воспользовались слабостью классовой бдительности и либерализмом отдельных коммунистов, состоящих в этой организации, получили возможность в течение длительного периода времени проводить в этой организации националистические идеи, отравляя молодых писателей ядом национализма». Более того, они якобы «сумели захватить в свои руки даже руководящую роль» и использовали свое положение для того, чтобы «заложить в основу узбекской советской литературы чагатайскую литературу и тем самым лили воду на мельницу националистических элементов»¹.

Для того, чтобы создать пролетарские кадры в литературном движении Узбекистана, укрепить их позиции и для их коммунистического воспитания, в республике была учреждена Узбекская ассоциация пролетарских писателей (УзАПП). Она сторонилась старых «националистических писателей», предпринимала усилия по «пролетаризации» национальной литературы. Но в принципе ее руководство больше внимания уделяло административной деятельности. К тому же в ней также зародились разнообразные идейные течения, что не устраивало партийное руководство.

Заметной вехой на пути утилизации литературного движения Узбекистана по стандартам классово-партийного подхода стало постановление ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 г., направленное на «социалистическую перестройку литературного дела»². Вслед за его принятием все прежние литературно-художественные объединения стали ликвидироваться, а взамен создавались новые литературные организации и творческие союзы, находящиеся под бдительным партийным контролем. К 1932 г. Узбекская организация советских писателей насчитывала около 300 деятелей литературы.

¹ См.: Литература Узбекистана // Революция и национальности, 1934. — С.77.

² История Узбекской ССР, в 4-х томах. Том 3, Ташкент «Фан», 1967.— С.570.

Однако процессы духовной нивелировки проходили не столь стремительно, как ожидало сталинское руководство. Многие, так называемые «старые писатели», не желая «плясать под партийную дудку», не вошли в новую организацию, отошли от литературного движения коммунистической ориентации. Те же, кто вошел, продолжали отстаивать приоритеты общечеловеческих и национальных ценностей. Да и молодые писатели в основе своей не отрывались от национальной почвы, не стремились к предельной политизации своих художественных произведений. Не случайно в партийно-советских документах тех лет, посвященных вопросам литературной жизни Узбекистана, неоднократно критиковалась «молодая поросль» местных советских писателей за то, что они слабо освещают «героичку борьбы против классовых врагов», схематично отражают «руководящую роль коммунистической партии», недостаточно пропагандируют «эпохальные перемены, связанные с социалистическим переустройством общества». Причины этого виделись в том, что в их среде «не изжито еще старое влияние буржуазных писателей-националистов», что молодые писатели «не прочно овладели марксистско-ленинским мировоззрением». Для преодоления такого положения, наряду с созданием единой централизованной системы творческих союзов, находящихся под неусыпным партийно-идеологическим контролем, усилением коммунистического воспитания деятелей культуры и искусства, сталинская администрация инициировала массовые чистки рядов художественной интеллигенции, сопровождаемые политическими гонениями.

В числе первых поэтов, писателей и драматургов Узбекистана, попавших в 30-е годы под политическую чистку, оказались Бату, Рамзи, Баис Кариев (Алтай).

Бату (Махмуд Ходиев), Маннон Рамзи и Баис Каримов проходили по сфабрикованному делу о «вредительстве в Наркомпросе» (1930 г.). Выше это «дело» было уже подробно освещено. Поэтому в настоящем разделе хотелось бы сосредоточить внимание на перипетии их литературной судьбы, тесно переплетенной с политическим преследованием.

Несомненно, наиболее видной фигурой в литературном мире был Бату. К моменту ареста ему исполнилось всего 26 лет, но он уже приобрел широкую известность как в Узбекистане, так и в целом по стране. Достаточно отметить, что, несмотря на молодость, он стал

одним их первых представителей советской многонациональной литературы, чье имя вошло в союзную литературную энциклопедию»¹.

В ней говорилось: «Бату Махмуд Хадиев (1903 г.) – узбекский литератор, происходит из бедной семьи ткача. По окончании в Ташкенте советской образцовой школы (1918 г.) поступил на рабфак Московского Плехановского института (1921 г.), который окончил по экономическому факультету. По возвращении в Узбекистан Бату принимает самое деятельное участие в общественной жизни ... Первые литературные выступления Бату относятся еще к 1919 г. В 1922 г. Бату основал «Фэрганэ», где он пишет главным образом на злободневные общественно-культурные темы...

Бату – самый крупный и популярный из современных узбекских поэтов. Он пишет также прозу».

Когда свершился Октябрьский переворот, Бату было пятнадцать лет, и он искренне поверил в идеалы советской власти. В пятнадцать он стал комсомольцем. К этому периоду относятся первые пробы пера, пробы еще робкие, подражательные. Но пора ученичества прошла необыкновенно быстро – начались серьезные творческие поиски.

Время торопило. Оно требовало от литературы художественного отражения еще только складывающихся новых форм жизни. Первый сборник Бату «Искры надежды» вышел в 1925 г., второй «Звуки волн» – в 1928 г. В них он заявил о себе как о поэте нового времени, поэте талантливом и самобытном.

Вернувшись после учебы в Узбекистан, Бату работает в отделе печати ЦК КП (б) Уз, является секретарем комиссии по борьбе за равноправие женщин. В 1928–1929 гг. заведует отделом пропаганды и агитации Самаркандского обкома партии и одновременно редактирует журнал «Аланга» («Пламя») – орган Комитета по созданию нового узбекского алфавита. В 1930 г. становится заместителем Наркома просвещения республики.

Само время диктовало темы его многочисленных публикаций в газетах и журналах. Написанные арабским шрифтом, на староузбекском языке, статьи были посвящены вопросам литературы, внедрению нового алфавита, раскрепощению женщин. Эти же темы он развивает и в художественной прозе. В приложении к пятому номеру

¹ См.: Литературная энциклопедия. Т.1. – М., 1930.

журнала «Аланга» вышел рассказ «Турсун», а в октябрьской книжке журнала за 1929 г. был напечатан отрывок из повести «Оскверненный праздник», где автор ратовал за равноправие женщины-мусульманки. Шла работа над романом «Дорога», но это произведение так и не было завершено.

До печально известных 1937–1938 гг. еще далеко. Однако грозные тучи уже сгущались, и Бату оказался в числе первых жертв. Так, уже в середине 20-х годов он подвергся острой критике за то, что в его стихах, как и в произведениях Фитрата, Чулпана, Эльбека, опубликованных в сборнике «Молодые узбекские поэты» (1921 г.), нельзя «найти ни одного слова за советы и революцию». В 1928–1929 гг. ему на официальном уровне было брошено грозное обвинение в поддержке «контрреволюционных идей» группы «Чагатай гурунги». В частности, отмечалось, что в № 9 журнала «Аланга», вышедшем в свет в октябре 1928 г., в статье «Взгляд на узбекскую литературу послеоктябрьского периода» Бату писал: «Чагатайская группа» нашла джадидскую литературу несостоятельной и изыскивала меры для приближения к массе, поистине введя много нового в узбекскую литературу... Одной из заслуг «Чагатайской группы» является то, что она собрала и воспитала молодые перья»¹.

В октябре 1930 г., как уже отмечалось выше, Бату был арестован. А в марте 1933 г. приговорен к расстрелу по обвинению в создании «националистической контрреволюционной организации», якобы «ставившей своей целью подготовку националистических кадров в системе Наркомпроса, в использовании в антисоветских целях общества писателей «Кзыл калам», подготовке свержения советской власти в Узбекистане». Расстрел затем заменили 10-ю годами исправительно-трудовых лагерей. Бату был направлен в печально известные Соловки.

По воспоминаниям сестры поэта Хайри Максудовны Ходиевой вслед за осуждением Бату попали под ... ненадежных все его родственники. В частности, ее не приняли в партию. Власти не оставили политическое преследование Бату и в последующем. 9 мая 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58-1-а, 58-7, 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР (контрреволюционная деятельность) его вновь приговорили к расстрелу. Приговор был приведен в ис-

¹ ЦГА РУз, Фонд Р-95, оп.1, д.1945, л. 7–8.

полнение в тот же день. Вина замечательного поэта и публициста заключалась только в том, что он поднимал злободневные вопросы о национальной культуре.

Драматично сложилась судьба близких поэта. Как вспоминает сын Бату, профессор-хирург Эркили Махмудович Ходиев, – ...после ареста отца меня срочно отправили к бабушке в Ашхабад. Там я прожил два года, затем переехал в Ташкент. Вырастил нас с сестренкой брат отца Сыдык Ходиев.

Приехав в Ташкент, стал учиться в школе. Сначала все шло хорошо, но как узнали, что я сын «врага народа», отношение резко изменилось. Был вынужден закончить школу экстерном. Помню со мной учились и другие дети «врагов народа» – сыновья зампреда Президиума Верховного Совета республики Дмитрия Манжары, Акмаля Икрамова, министра здравоохранения Карасева, дочь Файзуллы Ходжаева. Многие из них и сами потом отсидели приличные сроки. Дочь Ходжаева, например, пятнадцать лет. А меня, пятнадцатилетнего, осудили сначала на десять, а потом скостили до четырех лет поражения в правах. Освободили по амнистии в 1946 г. Чего только не пришлось пережить!»¹

Политическим гонениям подверглась и жена Бату Валентина Петровна Васильева. Маленькая, но величественная в горе женщина, она ни на минуту не допускала мысли о виновности мужа, отца своих детей. Настойчиво добивалась его оправдания, что и послужило одной из основных причин ее последующего ареста и осуждения.

По воспоминаниям Эркили Махмудовича, «шли поголовные аресты, забрали многих соседей. Мама не спала ночами. Машины тогда ходили редко, и стоило затарахтеть мотору, говорила: «Это за мной». В университете, где она работала, ее постоянно преследовали. Из старших научных сотрудников перевели в младшие, потом в ассистенты, а затем и вовсе в библиотеку. За ней пришли в декабре 1941-го. Перевернули в доме все бумаги, забрали библиотеку, которую родители собирали со студенческих лет, посадили маму в «черный ворон» – и все... Дальше лагерь: в Томске – два года, на прииске Расковой – три года, в Нижнем Симчане – год или два, на Диксоне – год, затем Находка, Магадан... Ушла молодой, а вернулась, когда ей было уже около пятидесяти. Приехала поездом «Новосибирск–

¹ Цит. по: Басырова Л. Указ.соч.

Ташкент». Выходит из вагона старуха, сгорбленная... Я узнал ее только по улыбке...».¹

Талантливым представителем узбекской литературы был писатель Маннон Абдуллаев, публиковавший свои произведения под псевдонимом Рамзи. Он родился в 1898 г. в Ташкенте, закончил медресе в Бухаре.

По возвращении в Ташкент в мировоззрении Рамзи под влиянием революционных событий произошел коренной перелом. В 1920 г. он вступил в коммунистическую партию.

Рамзи написал пьесу «Туркестон хонлиги», которая не была опубликована, но ставилась в театре «Турон». Перу Рамзи принадлежат многие критические статьи по литературе. В частности, он писал о литературе чагатаизма, выступал с резкой критикой писателей – приверженцев «чистого пролетарского искусства». С 1927 г. он – редактор газеты «Кызыл Узбекистон», затем Нарком просвещения. Он был первым директором УзНИИ – родоначальника АН УзССР².

Приверженцем не столько принципов социалистического реализма и партийности (классовости) сколько национальной духовности и общечеловеческих идей гуманизма зарекомендовал себя и Алтай. Однако власти не позволили в полной мере раскрыть его поэтический талант. Баис Кариев был дважды судим. Первый раз в 1930 г., когда ему исполнилось всего 27 лет. В 1933 г. по обвинению в участии в «контрреволюционной националистической организации» он, как Бату и Рамзи, был осужден к высшей мере наказания с заменой на 10 лет заключения в ИТЛ. Наказание отбыл в июле 1940 г. Но уже в январе 1941 г. Б. Кариев вновь был арестован и привлечен к «уголовной» ответственности по ст. 58 и 67 УК УзССР (контрреволюция). Мерой наказания по обвинительному приговору в очередной раз было определено 10 лет заключения в ИТЛ.

Надо сказать, что, раздувая «дело» о «националистически-контрреволюционной деятельности» Бату, Рамзи и Алтая, сотрудники ОГПУ стремились включить в него как можно больше представителей художественной интеллигенции Узбекистана, чтобы показать наличие в республике разветвленной сети подпольных организаций «националистической» направленности. Уже тогда предпринима-

¹ Цит. по: Басyroва Л. Указ.соч.

² См.: История Узбекской ССР. Т.3. – Т., 1967. – С.572.

лись настойчивые усилия по компрометации, с одной стороны, руководящих работников республики, а с другой – видных деятелей литературы и искусства, в частности, Фитрата, Чулпана и Эльбека. Показательно в этом отношении дело писателя и драматурга Гуляма Зуфари и литератора Миртемира Турсунова.

Внимание к личности Зуфари спецорганы стали проявлять еще в 1930 г. Так, по продиктованным показаниям Селимхана Телляханова, данным 14 апреля 1930 г. по следственному делу о «контрреволюционной деятельности в системе Наркомпроса», «Г. Зуфари издавна работал преподавателем в джадидских новометодных школах. Некоторое время был заведующим школьной библиотекой в Ташкенте и распространял в Туркестане разные джадидские книги и националистические газеты. Тогда он считался одним из довольно активных националистов, хотя и не был их лидером, являлся членом общества «Туран».

«После февральской революции, – добавлял со слов следователей С. Телляханов, – Г. Зуфари серьезно работал с молодежью и всюду занимался агитацией. Он проявлял активность во всех делах, на которые тогда молодежь обращала внимание. Но я не знаю, когда он вступил в контрреволюционную организацию; возможно, что он вступил при «Турк адам Марказият» и потом перешел к «Иттихад таракии». Когда он состоял в «Иттихад таракии», то выполнял все задания, где бы и работал. В 1920 г. тотчас же после появления «Чагатай гурунги» Гулям Зуфари присоединился к членам этой организации и перешел из лагеря тюркистов в лагерь узбекистов. С того времени он присоединился к Фитрату и Каюму Рамазан. Кроме того, Гулям Зуфари владеет артистическим талантом и способностями составлять пьесы, поэтому он состоял и членом «Туда».

Г. Зуфари был арестован в ноябре 1932 г. На тот момент он являлся зав.учебной частью и зам.директором музыкального института в Самарканде. Кроме него и Миртемура Турсунова, по делу проходили Сулейман Амиров, Алимбек Кадыров, Хаким Кадыров, Мулла – Рахманкул Джумакулов, Мухамеджан Сабилов и др. Это «дело» тесно увязывалось с делами по «подпольным контрреволюционным» организациям «Миллий истиклол», по которому были привлечены 142 чел. и «Тюрк адами Марказият» – 78 чел. При этом по сложившейся практике показания у обвиняемых добывались традиционны-

ми методами физического принуждения, «признания» давались зачастую под диктовку.

Так, партийными органами было объявлено о наличии в Узбекистане сильной «национальной оппозиции» в рядах ответственных работников и творческой интеллигенции республики. Народ же был отчужден от власти, вынужден мириться с абсолютной властью в стране, ибо демократические институты, повозглашенные Конституцией, выполняли роль «ширмы», прикрывающей авторитарный режим.

Обостренное внимание партийного аппарата к Фитрату и Чулпану объяснялось их стремлением скомпрометировать этих выдающихся представителей творческой интеллигенции Узбекистана, представить их в глазах общественности в качестве ведущих идеологов пан-тюркизма и «буржуазного национализма» в сфере духовного производства. И это отчетливо проявилось в содержании «дела» Зуфари. В частности, по показаниям Селимхана Телляханова и ряда других подследственных, по указке следователей, настойчиво проводилась мысль, что еще будучи членом «Чагатай гурунги» он активно распространял среди молодежи националистические идеи. При этом подчеркивалось, что «Гулям Зуфари не имеет образования. Почти всегда ему помогали Фитрат и Каюм Рамазани». Под их влиянием он «на пути распространения идеи национализма вел следующие работы: агитировал через свои статьи и стихотворения в печати, писал пьесы с национально-агитационными моментами, составлял националистические стихотворения для рекламирования в театрах, агитировал на заседаниях, собраниях и «гапах». О Гуляме Зуфари хорошо знают Эльбек, Бату, Чулпан и др., потому что Зуфари ходит с ними по одной и той же дороге».

Аналогичные обвинения были выдвинуты и в отношении Миртемура Турсунова, он вынужден «признаться», что по указанию Бату и Алтая принимал участие в организации на местах отделений «Кизил Калама», читал на гапах свои, написанные в «националистическом духе стихи, разлагал молодежь». Но свое членство в «Миллий истиклол» отрицал. В целом идеология методологических подходов органов к оценке вопроса Г. Зуфари и М. Турсунова отчетливо проявилась в официальном заключении. В нем, несмотря на путанные показания свидетелей и отказ обвиняемых признать свое участие в подпольных «националистических организациях», не-

однократно подчеркивалось, что Г. Зуфари и М. Турсунов являлись членами «Миллий Иттихад» и «Миллий истиклол». Они якобы были скомпрометированы, проходя еще по делу Мунаввара Кари, процессу С. Касымова и делу Бату.

Согласно обвинительному заключению Г. Зуфари и М. Турсунов на заседании коллегии ОГПУ от 22 мая 1933 г. были осуждены на длительные сроки заключения и высланы в Сибирь.

По аналогичному сценарию было раздуть и «дело» штатного переводчика Таджигиза, писателя Вадуда Махмудова, арестованного в августе 1930 г. Суть выдвинутых против него обвинений сводилась к следующему: «Вадуд Махмудов один из наиболее влиятельных контрреволюционно настроенных узбекских интеллигентов». В подтверждение этой версии указывалось, что он «воспитывался в Самаркандской новометодной школе под руководством Абду Кадыра Шукури, находившегося целиком под влиянием панисламистской идеологии и еще более укрепившего свои панисламистские убеждения во время пребывания в Турции в 1912–1913 гг.

Окончив самаркандскую школу, В. Махмудов в 1915 г., попав под влияние известного националиста Фитрата, и вместе с рядом других лиц, окончивших Самаркандскую новометодную школу, преподавал в Шахризиябской школе, которой руководил Фитрат. Педагогический персонал этой школы, в том числе и Вадуд Махмудов, подвергались со стороны Фитрата систематической обработке путем совместного чтения турецкой панисламистской и националистической литературы¹.

В 1917 г. В. Махмудов вместе с группой молодежи был направлен Фитратом в Уфимское медресе Алия для получения дальнейшего образования.

В 1920 г. В. Махмудов создал из своих близких друзей – преподавателей института самаркандское отделение «Чагатай гурунги» – литературной организации, которая ставила перед собой политическую цель националистического антисоветского воспитания молодежи.

С 1921 по 1923 г. Вадуд Махмудов состоял также руководителем общества «Нашри Маариф» и «Кумек», которые представляли

¹ Джумаев А. Абдурауф Фитрат и его современники на «музыкальном фронте» Узбекистана (20–30-е годы). http://www.ca-c.org/journal/07-1997/st_21_gumaev.shtml.

по существу полулегальные организации «Миллий Иттихад», и вели борьбу против совласти на идеологическом фронте по линии националистической контрреволюционной обработки учащейся молодежи.

Вадуд Махмудов знал о существовании контрреволюционной организации «Миллий Иттихад», ее структуре и антисоветской деятельности, но не поставил об этом в известность соответствующие органы».

Обвиненный в националистической контрреволюционной агитации, В. Махмудов был сослан в Казахстан и заключен в 1931 г. в концлагерь сроком на три года.

Фитрату, Чулпану, Эльбеку и ряду других известных литераторов, неоднократно называемых в ходе расследования выше указанных дел, тогда чудом удалось избежать ареста. Но они находились под постоянным прицелом карательных и партийно-идеологических органов, воспринимающих их как «матерых националистов» и «контрреволюционеров». Помыслы этих органов о репрессивном уничтожении «злых антисоветчиков» были осуществлены во второй половине 30-х гг.

В предыдущих главах нами уже были охарактеризованы побудительные мотивы заключения в следственные изоляторы НКВД в 1937–1938 гг. Фитрата, Чулпана, Эльбека, Абдуллы Кадыри, Усмана Насыра, очередного ареста Гуляма Зуфари и других известных представителей отечественной литературы, проходящих по делам об организации «контрреволюционной деятельности в системе народного образования, Комитете наук Узбекской ССР, научно-исследовательских учреждениях республики. С учетом этого в настоящем разделе основной акцент сделан на освещение характера политических преследований в контексте их литературно-художественной деятельности.

Знаковой фигурой в этом отношении был Абдурауф Фитрат. По всем показателям советской классификации «врагов народа» он попадал в разряд наиболее «матерых контрреволюционеров» и «антисоветчиков». В частности, Фитрат являлся видным идеологом джадидского движения. В 1912–1913 гг. он был слушателем «Мадрасаи воизин» (медресе риторов) – самого престижного высшего учебного заведения Стамбула, издал там книгу, посвященную вопросам духовной жизни народов Туркестана. Несмотря на относительную мо-

лодость он уже в то время был известен не только в Бухаре, но и в Стамбуле, в Европе, России. Заки Валиди, которого воспринимали в советский период в качестве «идеолога пантюркизма» и «самого злобного врага советской власти», восторженно отзывался о Фитрате, называл его «первым бухарским просветителем-интеллигентом».

В послеоктябрьский период, будучи одним из руководителей Бухарской народной республики, он активно выступал за право собственного народа к свободному самоопределению, был инициатором отправки талантливой национальной молодежи на учебу в развитые европейские страны и Турцию. В своих научно-исторических и литературных произведениях он мужественно отстаивал национальные духовные ценности, призывал к сбережению векового духовного наследия. Все это в совокупности создавало в глазах большевистских идеологов и карательных органов политический образ А. Фитрата как «яркого проводника идей пантюркизма и панисламиста», «видного буржуазного националиста» и «опасного контрреволюционера антисоветчика»¹.

Некоторые утверждения Фитрата, хотя он и пытался их представить в оболочке классового подхода, воспринимались как «идеализация прошлого», восхваление «реакционных» религиозных деятелей, проявление мистицизма. Ведь вся культурная политика тех лет была пропитана атеистическим экстремизмом, умалением тысячелетнего духовно-культурного наследия среднеазиатской цивилизации.

Схожие записки и «сигналы» поступали и от других комиссий, оценивающих деятельность А. Фитрата в области литературы и литературоведения. В результате во властных кругах закрепился его политический образ в виде опасного «классового врага», подлежащего уничтожению.

Абдурауф Фитрат был арестован 22 июля 1937 г. Как выше уже отмечалось, он проходил по делу о «контрреволюционной деятельности» в Научно-исследовательском институте языка и литературы. Огульно обвиненный в участии в антисоветской повстанческо-террористической организации, во вредительстве в области образования, науки и литературы, в пропаганде идей пантюркизма и «махрового национализма», он был осужден 5 октября 1938 г. на закрытом судебном заседании в Ташкенте. Военной коллегией Верховного

¹ ЦГА РУз, Фонд Р-95, оп.1, д. 1945, л.6.

Суда СССР был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. Приговор был приведен к исполнению немедленно. И только через много лет определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 1 августа 1957 г. этот приговор был отменен и дело прекращено «за отсутствием состава преступления». Но полная политическая и общественная реабилитация Фитрата как выдающегося мыслителя, ученого и писателя произошла только с обретением Узбекистаном государственного суверенитета.

Наряду с Фитратом по указанному делу проходил и другой выдающийся сын узбекского народа Абдулхамид Сулейман, известный под псевдонимом Чулпан. Он родился в 1887 г. в Андижане. Отец Сулейманкул Мулла Мухамад Юнус-оглы был истинным интеллигентом, грамотным, передовым человеком своего времени. Он занимался и дехканским трудом, был искусным ремесленником и торговцем. Кроме того, он писал стихи и составил из них диван газелей, а позднее отец и сын писали друг другу письма в стихах.

Абдулхамид учился в старометодной школе, а затем в медресе в Андижане и Ташкенте, овладел арабским, персидским и турецким языками. Он великолепно знал произведения Фирдоуси, Хафиза, Саади, Омара Хаяма, Джалалиддина Руми, Алишера Навои, Абдуллы Тукая и писал интересные, глубокие статьи об их творчестве. Абдулхамид учился также и в открывшейся в Андижане русско-туземной школе, где постиг светские науки и изучил русский язык, открывший ему возможность познакомиться не только с русской классикой, но и с мировой литературой и культурой.

Известность к Чулпану пришла очень рано. Так, А.З. Валиди, восстанавливая в своих мемуарах живую картинку первой встречи с Чулпаном, едва достигшим пятнадцатилетнего возраста, но успевшим заслужить звание «Шоир» (поэт), во время посещения Андижана в ходе своей поездки в Туркестан в 1913–1914 гг. писал: «Чулпан, впоследствии ставший самым великим современным узбекским национальным поэтом, в то время был совсем юным, где-то пятнадцатилетнего возраста. Он написал мне письмо, в котором сообщил, что прочитав мою книгу («История тюрков и татар» – *авт.*), получив огромное воодушевление, стал моим заочным поклонником и пригласил в свой андижанский дом. Когда мы с Назиром Тюракуловым посетили его дом в Андижане, то были удивлены. Мы

увидели, что он действительно совсем ребенок.: мы еще не были знакомы и думали, что он взрослый человек»¹.

Но уже тогда Чулпан был всесторонне развитой личностью. Знание арабского, турецкого языков, фарси открыло ему сокровищницу классической восточной литературы. Хорошо знаком он был и с европейской литературой, особенно с русской. Великие творения Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого произвели на него глубокое впечатление. По воспоминаниям современников, Чулпан следил за газетами и журналами, выходившими в то время в Крыму, Татарстане, Азербайджане, а также во Франции и Индии. Все это способствовало раннему прозрению, возникновению и росту интереса к разрешению жгучих социальных проблем, которыми была полна окружающая действительность.

Свои стихи, статьи, рассказы на начальном этапе своей литературной деятельности он публиковал в газетах и журналах, выходивших в Туркестане, в Уфе. В частности, Чулпан часто печатался в газете «Садон Туркистон», где сотрудничали Мунаввар Кары, Абдулла Авлони и другие известные джадиды.

Позднее, после октябрьского переворота, Чулпан работал в газетах: «Иштирокиюн», «Кизил Байрок», «Туркистон», «Бухоро ахбори», где публиковал свои произведения. Кроме периодики, его стихи появляются также в сборниках «Молодые узбекские поэты», «Отрывки из литературных произведений», «Изящное слово», в альманахе «Дар». В 20-е годы выходят и его собственные сборники – «Пробуждения», «Родники», «Тайна рассвета». Плодотворна его драматургическая деятельность, особенно следует отметить любовно-романтическую драму «Еркиной», созданную на основе узбекских народных сказок, а также сатирические комедии «Кулак», «Товарищ Каршибаев». В соавторстве с известным русским писателем В. Яном Чулпан пишет пьесу «Худжум», раскрывая тему освобождения женщины Востока от векового гнета.

Чулпан выступает и как критик, посвящая свои статьи творчеству классиков узбекской и русской литературы, а также проблемам современного литературного процесса.

Трудно переоценить творчество Чулпана как переводчика: среди его работ мастерские переводы произведений мировых и рус-

¹ Заки Валиди Тоған. Воспоминания. – М., 1997. – С. 99–100.

ских классиков – Шекспира, Гоцци, Пушкина, Гоголя, Лахути, Рабиндраната Тагора, Горького, Л. Андреева, Блока, Брюсова, Файко и др.

Чулпан был и замечательным прозаиком – заслуженную известность получили его рассказ «Тюльпан под снегом», роман «Ночь и день»¹.

Все созданное Чулпаном за двадцать лет творческой работы составляет богатое литературное наследие. Однако долгие годы оно было не доступно народу, а его имя – забытым. И это было связано с его отношением к Октябрьскому перевороту и социалистической действительности.

В этой связи уместно отметить, что вслед за «революционными событиями Октября 1917 г. Чулпан настороженно воспринял советскую власть. В 1918 г. он опубликовал стихотворение, в котором приветствовалось создание «Туркестанской автономии» («Туркистон мухторияти»). В некоторых своих стихах Чулпан приветствовал лишь отдельные «социалистические преобразования». В целом же в его стихах все зримее стали звучать мотивы неверия, безнадежности, вызванные «революционной» действительностью. Так, большую известность получило его стихотворение «Разрушенному краю», написанное в 1920 г., в котором поэт изображает сметенные вихрем «гражданской войны» кишлаки, города, живущие под угрозой непрерывных боев, тяжести голода. «Упадочные настроения», говоря языком советской стилистики, нашли выражение и в других стихах, встречается в них и противопоставление Запада – Востоку, где под Западом в значительной мере подразумевается «советская Россия». При этом Запад изображается как хищный волк, а Восток – в виде ягненка в его когтях.

«Упадочные» мотивы в творчестве Чулпана, их «националистическая окрашенность» были подвергнуты резкой критике в печати. Начало ей было положено статьей Алима Шарафиддинова в феврале 1928 г., вызвавшей оживленную дискуссию². В октябре того же года проходил II съезд интеллигенции Узбекистана. Сам поэт Чулпан под мощным идеологическим прессингом вынужден был обратиться к

¹ См.: Шарафуддинов О. Чулпан и его время // Звезда Востока. 1989. – № 9. – С.5–6.

² См.: Правда Востока за 1927–1928 гг.

съезду с признанием своих «националистических заблуждений», но категорически протестовал против того, что его объявляли врагом советского строя.

В последующий период поэт попытался в русле партийных установок «перестроиться». Он выпустил сборник «Саз», где большая часть стихов отмечена художественным совершенством, вместе с тем поэтизировались социалистические идеи. Тем не менее «проработочная» критика продолжала навешивать на него, как и на других прогрессивных деятелей литературы, оскорбительные политические ярлыки.

В 30-е годы, самый разгар репрессий, Чулпана особенно резко критиковали за «старые» и «новые ошибки». Его именovali не иначе как «националистом» и «врагом народа», хотя его произведения тех лет были убедительным доказательством преданности писателя истинным интересам народа. Против Чулпана выдвигались необоснованные обвинения, его преследовала клевета. И несмотря на то, что поэт был тяжело болен диабетом, 14 июля 1937 г. его арестовали.

Чулпан безвинно обвинялся в том, что «на путь борьбы против советской власти он встал еще в 1918 г., последовательно участвуя в антисоветских националистических организациях «Иттихад ва таракки», «Миллий Иттихад» и «Миллий истиклол», а затем вошел в состав а/с буржуазно-националистической повстанческой террористической организации, действующей на территории Узбекской ССР, полностью разделяя террористические методы борьбы этой организации в отношении руководителей ВКП (б) и советского правительства».

Суд над Чулпаном состоялся в тот же день, что и над Фитратом – 5 октября 1938 г. и в том же составе выездной коллегии Верховного Суда СССР, согласно решению которой он был репрессирован.

Наряду с Фитратом, Чулпаном, обвиненных в «контрреволюционной деятельности», репрессиям подвергся и Машрик Юнусов, известный под литературным псевдонимом Эльбек. Сын дехканина из кишлака Хумсан Бостанлыкского района он сполна хлебнул в юные годы невзгод и лишений. «Никогда незабываемые в памяти детские годы, – писал впоследствии Эльбек в поэме «Мое прошлое». – На плечах моих лохмотья, на ногах чарыки. Ел черствую лепешку, жил всегда впроголодь. Работал батраком, едва зарабатывая на кусок

хлеба. Изю дня в день становилось тяжелее, пока жизнь не сбила с ног. Оставив старого отца, вечно печальную мать, отправился я в город...».

Но как бы ни было трудно, Машрик стремился учиться. Сначала в сельской старометодной школе, потом в Ташкенте в школе «хоткий» в махалле Деванбеги, а затем поступил в другую школу – в махалле Намуна на Шайхантауре. Закончив ее, стал учительствовать. Одновременно, чтобы прокормиться, работал в типографии, продавая газеты¹.

Октябрьскую революцию 19-летний Машрик встретил с воодушевлением. Ему казалось, что советская власть, объявившая себя «народной», действительно будет таковой. Но вскоре наступило разочарование. И это нашло отражение в его литературной деятельности, которую он начал в ту пору.

С 1921 г. Эльбек в составе Туркестанского комиссариата просвещения занимается научной работой (его интересует педагогика, языкознание), составляет учебники и хрестоматии, становится членом редколлегии журналов «Революция», «Просвещение и учитель», участвует в разработке нового латинского алфавита. Одновременно обращается к поэтическому творчеству.

В 1921 г. вышел его первый сборник «Подарок», затем последовали другие сборники стихотворений, поэм, баллад, сказок, песен. Многие сделал Эльбек для развития в узбекской литературе басни. Созданные им в 20-е годы произведения этого жанра часто появлялись в периодике. Глубокий след оставил он в узбекской детской литературе.

К сожалению, Эльбек не избежал участи многих талантливых людей того «смутного» времени. Как уже не раз отмечалось, его литературная деятельность тесно увязывалась большевистскими идеологами и марксистскими критиками с «вредоносным» влиянием литературных объединений «Чагатай гурунги» и «Кизил калам». Наряду с Фитратом, Чулпаном, Бату он обвинялся в приверженности к «национализму», в допущении ошибок в освещении «социалистической действительности», в недооценке «классового фактора». Например, в обзорной статье «Литература Узбекистана», помещенной в № 11 журнала «Революция и национальности» за 1934 г.,

¹ См.: Кабулов Н. Родом из детства // Правда Востока. 1990, 13 июля.

указывалось, что в поэме Эльбека «Таза Гуль», хотя и «освещаются некоторые стороны социалистического строительства, однако неправильно показаны классовые взаимоотношения, поэт слабо связан с непосредственной борьбой за социализм, пропагандирует националистические идеи»¹.

Но, пожалуй, наиболее выпукло методология восприятия властно-идеологическими структурами поэтического творчества Эльбека, как и других, по терминологии тех лет, «контрреволюционных» представителей художественной интеллигенции, нашла выражение в экспертном заключении: «Эльбек» – активный пропагандист контрреволюционной националистической буржуазии», которое было составлено группой литераторов по заказу карательных органов после ареста поэта.

Вот некоторые выдержки из него: «Эльбек выступил на арену литературы, как буржуазный джадидист-писатель. Представители и преданные местной буржуазии джадиды встретили Октябрьскую революцию во всеоружии, организовали контрреволюционные черные силы, боролись против советской власти и компартии, распространяли разные пасквилы, занимались невиданным в истории предательством.

Глава контрреволюционных джадидов-писателей Фитрат, собрав вокруг себя Чулпана, Бату, Эльбека и др., пропагандировали панисламизм, пантюркизм. Эти контрреволюционные писатели стремились разными путями мешать росту советской литературы и стремились ее дискредитировать.

Преданный учению Фитрата Эльбек с кровавого лагеря контрреволюции писал против партии и Советов разные пасквильные произведения. Контрреволюционные газеты и журналы редко выходили без его стихов. В то же время (1917–1923 гг.) и в последнее время Эльбек был самым активным буржуазно-националистическим писателем...»

Обвиненный во всех «смертных грехах», Эльбек был арестован 11 августа 1937 г. Проходя по одному делу с Фитратом, Чулпаном и другими видными представителями творческой интеллигенции, он

¹ Литература Узбекистана. (Из материалов к докладу Т. Маджида на I Всесоюзном съезде советских писателей в сокращенном виде // Революция и национальности). 1934. – № 11. – С.79–80.

был осужден 5-го октября 1938 г. Выездной коллегией Верховного Суда Союза СССР за «контрреволюционную деятельность в области языка и литературы, участие в антисоветской буржуазно-националистической, террористической и диверсионно-вредительской организации, возглавляемой А. Икрамовым и Ф. Ходжаевым», к тюремному заключению сроком на двенадцать лет с поражением в политических правах на пять лет и конфискацией всего лично принадлежавшего ему имущества, но затем этот приговор был ужесточен. В итоге в 1939 г. Эльбек был расстрелян как «враг народа». 1 августа 1957 г. Военная Коллегия Верховного суда СССР пересмотрела дело Эльбека, поэт был реабилитирован. Но так же как Фитрат и Чулпан частично. Подлинное возвращение имени и литературного наследия Эльбека принесла лишь независимость Узбекистана.

По надуманному делу Ф. Ходжаева и А. Икрамова проходил также другой выдающийся сын узбекского народа – Абдулла Кадыри (Джулкунбай). Он был арестован под Новый год – 31 декабря 1937 г. В постановлении об избрании меры пресечения – заключение под стражу – были указаны такие мотивы: 1. Состоял членом контрреволюционной националистической организации «Миллий Иттихад» и на протяжении ряда лет проводил активную контрреволюционную националистическую борьбу против советской власти и партии. 2. Неоднократно выступал в печати с резкими контрреволюционными и клеветническими статьями в отношении политики партии и руководителей правительства. 3. Является членом ликвидированной в данное время узбекской контрреволюционной пантюркистской организации, в контрреволюционной работе которой принимал активное участие. 4. Систематически высказывал на собраниях контрреволюционные, антисоветские суждения.

На обороте постановления об аресте А. Кадыри арабским шрифтом написал: «Постановление мне объявлено (читал), с указанным там не согласен и считаю себя невиновным».

Его арестовали в канун Нового года, а обвинения предъявили лишь в марте. Сначала был арест, а затем сбор «компромата». В предъявленном обвинении те же пункты, что и в постановлении об аресте: состоял членом контрреволюционной организации, выступал в печати с националистическими и клеветническими статьями, высказывал антисоветские суждения. Но прибавились и новые: группировал вокруг себя контрреволюционный элемент, находился в

непосредственной деловой связи с руководителями контрреволюционной организации Акмалем Икрамовым и Файзуллою Ходжаевым, а также имел связи с границей.

Дело Абдулла Кадыри велось и было свернуто таким же упрощенным методом, как и все следственные дела того времени, и с такими же нарушениями законности. Абдулла Кадыри не признавал себя виновным в предъявленном ему обвинении, при обыске ничего компрометирующего не было обнаружено, все выписки из других показаний арестованных против него не проверялись.

По установившейся в те годы практике, выписка из показаний арестованных по принадлежности к националистической организации любого человека – считалась основным материалом. По нему прокуратура давала санкцию на арест, предъявлялось обвинение и составлялось обвинительное заключение. Так фактически было проведено и следственное дело А. Кадыри, т.е. законного расследования по делу не проводилось.

Следствие по делу А. Кадыри затянулось потому, что он с первых дней своего ареста не признавал себя виновным и не давал показаний, на все нарушения процессуальных норм не обращалось внимания, поэтому допросы его продолжались изо дня в день, а протокол оформлялся только после того как получали показание.

Таким образом, дело Абдуллы Кадыри в принципе оказалось фальсифицированным. Он до конца отрицал свою вину.

В данном конкретном случае из материалов следствия наглядно видно, что на самом деле многие не только не оговаривали Кадыри, но, напротив, высоко отзывались о нем. В их числе можно назвать писателя Курбана Бегина.

К. Бегин родился в 1905 г. в Хиве. Настоящая его фамилия Худайберганов. Однако тогдашним идеологам не нравилось слово «Худой» («Бог») и Курбану пришлось изменить свою фамилию. Он был высокоталантливым человеком. В Турткульском районе создал первый театр, внес значительный вклад в развитие театрального дела, образования в Хорезме и Каракалпакстане. Его перу принадлежит множество литературных произведений. В свои 32 года возглавил Союз писателей Узбекистана¹.

¹ См.: Мухаммадиев Ф. Они верили, что справедливость восторжествует // Народное слово. 2003, 30 августа.

Курбана Берегина вызвали на очную ставку с Кадыри уже на следующий день после его ареста. «Ты знаешь этого врага народа?» – спросили у Берегина. «Да, это – великий писатель узбекского народа Абдулла Кадыри», – был настоящий, а не фальсифицированный ответ.

Однако нельзя не признать, что в условиях политической истерии «классовой борьбы», массовых политических гонений, оцепеняющего страха, охватившего общество, имелось немало деятелей литературы, которые по заказу «сверху» очерняли имя и поэтическое творчество А. Кадыри. В частности, ряд руководителей Союза писателей дали официальное заключение в следственные органы о «буржуазно-националистическом содержании» романа «Минувшие дни». В нем говорилось:

«По своей политической направленности роман является сугубо антисоветским, буржуазно-националистическим. В своем романе он (Кадыри) идеализирует феодально-помещичье прошлое Туркестана и проводит свое контрреволюционное антисоветское, буржуазно-националистическое, вражеское отношение к советскому строю в Узбекистане.

Центральные образы (герои) романа – вымышленные романтические образы, нереальные люди. Они являются рупором антисоветских, буржуазно-националистических идей самого автора.

Концовка романа написана так, чтобы возбудить ненависть против русского рабочего класса, против русского народа, тем самым расширить круг сторонников буржуазных националистов, оказать вредно-разлагающее буржуазно-националистическое влияние на молодежь».

Подобная оценка дана и роману «Скорпион из алтаря». За повесть «Абид Кетмень» автор был обвинен «почтенными» рецензентами в притуплении политической бдительности, примирении с классовым врагом. Что, по мнению коллег-писателей, провозглашал Кадыри в «Абид Кетмене»? «Первое: чтобы стать зажиточным, не обязательно вступать в колхозы. Можно разбогатеть путем ведения единоличного хозяйства, причем кулаки нажили свое состояние собственным трудом. Второе: кулаки – тоже люди. Поэтому нельзя так жестоко расправляться с ними. Третье: коммунисты – слабохарактерные безынициативные работники, болтуны и куклы. Четвертое: религия – сама по себе неплохая штука, а плохи отдельные ее представители.

И пятое: автор повести совершенно неуместно открывает дискуссию о советских писателях, причем эта тема не имеет никакого отношения к сюжету повести. Он осмеивает, издевается и оскорбляет их».

На последнем допросе 1 октября 1938 г. Абдулла Кадыри высказал просьбу смягчить наказание. Но она осталась без ответа.

Закрытое судебное заседание без участия обвинения и защиты, без вызова свидетелей состоялось 5 октября 1938 г. в Ташкенте. Оно началось в 12 часов 45 минут и закончилось в 13.00. В протоколе заседания всего несколько строк. Приговор: высшая мера наказания. Он подлежит немедленному исполнению. Таким образом, никакого разбирательства дела по существу не было. За считанные минуты по устоявшейся практике решилась судьба человека.

9 октября 1958 г., ровно через двадцать лет, Абдулла Кадыри был реабилитирован. Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР дело в отношении Абдуллы Кадыри было прекращено за отсутствием состава преступления.

Были прекращены также дела в отношении Исламова, Берегина, Усманова, проходивших по делу Кадыри.

В ходе проверки дела Кадыри, как и других, было установлено, что применялись незаконные методы ведения следствия. В расследованиях принимал участие бывший заместитель наркома НКВД Узбекской ССР Леонов, который позже, в июле 1941 г. за нарушение «социалистической законности» был приговорен к высшей мере наказания. Выяснилось, что в основе своей материалы следствия были фальсифицированы.

Свое мнение о Кадыри высказали Айбек, Шевердин, Мухамедов, Шейхзаде. Они охарактеризовали Кадыри как талантливого писателя и заявили, что об его антисоветских действиях им ничего не известно. При этом подчеркнули, что «язык, стиль А. Кадыри близок народу, он такой же, как народный язык того времени».

Сегодня очевидно, что нравственные позиции Кадыри были предельно ясны. Добрый, гуманный человек он был противником всякого насилия, оскорбления, унижения людей, выступал против войны, несущей разрушения и бедствия народу, за межнациональное согласие.

Народ по достоинству оценил труды своего писателя – они и сейчас добрые спутники людей разных поколений.

Другим видным представителем узбекской литературы, загубленным в сталинских застенках, был Усман Насыр. Он родился 13 ноября 1912 г. в Намангане. В 1918 г. семья переехала в Коканд.

Судьба щедро наградила Усмана Насыра ярким неповторимым поэтическим даром. Уже в раннем возрасте он стал писать стихи. Ознакомившись с ними, Хамза с восторгом воскликнул: «Вот истинный талант!» Хамза неоднократно встречался с молодым поэтом, внимательно следил за его творчеством, стремительно набиравшим поэтическую мощь. Работая на педагогических курсах в Коканде, занимаясь в Самаркандской педагогической академии, будучи сотрудником Ташкентской газеты «Ёш ленинчи», У. Насыр пишет одно стихотворение за другим. Многие из них стали переводиться на русский язык, а поэма «Нахшон» была опубликована на русском и армянском языках.

Вскоре об Усмани Насырове заговорили в стране. Центральная пресса сообщала, что на Востоке появился свой Пушкин. Литературоведы называли юного поэта крупным «философом чувств», тонким «ювелиром слова». И действительно, У. Насыр тщательно работал над словом, добывая из океанских глубин поэзии драгоценные жемчужины – яркие образы, самые удачные сравнения. Его поэзия очаровывала, вселяла в людей энергию, звала к труду, любви, доброте.

Усман Насыр был человеком неиссякаемого оптимизма, сильной энергии, высокой мечты. Творческие планы, замыслы переполняли его. Перед ним открывался простор для творческих свершений, для осуществления замыслов. Он работал не покладая рук. К 24 годам Усман Насыр выпустил уже 24 поэтических сборника. К сожалению, многие замыслы так и остались лишь в мыслях и сердце поэта. 14 июля зловещего 1937 г. он был арестован. Ему тогда не было даже 25 лет.

Между тем начало 1937 г. складывалось для Усмана Насыра как нельзя лучше. В январе в Ташкенте состоялся вечер, посвященный десятилетию творческой деятельности поэта. Вместе с Айбеком, Хамидом Алимджаном, Сабиром Абдулло, Рахматом Маджиди и другими писателями Усман принял участие в работе пленума Союза писателей СССР, посвященного Пушкину. Затем он стал участником Декады литературы и искусства Узбекистана в Москве. Членов узбекской делегации принял в Кремле И. Сталин. Эта встреча сыграв

ла роковую роль в судьбе Усмана Насыра, исковеркала его жизнь. Точнее даже не она сама по себе, а те, кто, воспользовавшись простодушием и доверчивостью молодого поэта, оклеветали его.

Документальные источники свидетельствуют, что будучи политически неискушенным, Усман Насыр в ту пору преклонялся перед Сталиным, связывал с его именем все успехи страны. Это убеждение еще больше укрепилось после встречи в Москве. Как известно, Сталин умел быть обходительным и гостеприимным хозяином, чутким собеседником. И это обаяние «отца народов» поразило романтически настроенного молодого человека. Эти же чувства испытывали все члены делегации Узбекистана. В кругу своих знакомых Усман как-то сказал: «Вот пришлось увидеть и Сталина. Оказывается он простой и скромный человек. А на портретах его рисуют величественным, большим. Он даже похож на моего соседа-армянина». «А кто твой сосед?» – спросили его. «Да мой хороший друг. Он на арбе развозит керосин. Прекрасный человек, добрый, сердечный... очень похож на товарища Сталина»¹.

Эта фраза решила судьбу Насыра. Кто-то сообщил «куда следует»: как это – великого вождя сравнивать с простым смертным. Это кощунственно, враждебный выпад. В органах же НКВД данное заявление сразу же связали с отработанной схемой «контрреволюционной, националистической деятельности». По информации этих органов поведение Усмана Насыра было обсуждено в Союзе писателей Узбекистана, где он был исключен из Союза, а затем его арестовали.

Усману Насыру было предъявлено обвинение в том, что он якобы с 1935 г. был связан с активными участниками «антисоветской буржуазно-националистической и диверсионно-вредительской организацией, действовавшей на территории Узбекистана». Кроме того, утверждалось, что «будучи одним из влиятельных литераторов Узбекистана», он будто бы «обработывал молодежь в контрреволюционном духе, при переводе на узбекский язык умышленно искажал произведения русских классиков». В числе членов этой вымышленной организации назывались Усман Мумин, Абдурауф Фитрат, Худай Бахытов Анкабай, Касым Сорокин и Лаврентьев.

¹ Рашидова Н. Оборванная песнь// газ. Комсомолец Узбекистана. 1988. 22 сентября; Сафаров Р.

5 октября 1938 г. выездная коллегия Верховного суда СССР осудила У. Насыра на 10 лет тюремного заключения с 5-летним лишением политических прав. Пять лет просидел он в застенках в тюрьмах Магадана и Златоуста. Это были страшные годы. О том, какие суровые испытания выпали тогда на поэта, можно судить по воспоминаниям С.В. Розенфельда, бывшего уполномоченного ЦК Комсомола Узбекистана, также осужденного по политическим мотивам и отбывавшего тюремное наказание в Златоустской тюрьме вместе с Усманом Насыровым.

В частности, Розенфельд говорил: «Мы попали с Усманом в одну камеру – № 8 Златоустской тюрьмы. Нас было четверо. Мы были лишены фамилий. И когда к нам обращались, то вызывали по номеру койки, на которой мы спали. У Усмана была койка № 2. В нашем коридоре было всего восемь камер, и все они располагались по одну сторону. А в самом конце поперек находилась штрафная камера. Заключенные называли ее «сумкой». Это была страшная камера... Стоящая в ней кровать сделана из железных угольников, и потому лежать на ней было практически невозможно. Пол в ней посыпался мелкой пылью. Стоило сделать шаг, второй, как эта пыль поднималась столбом. Глотать пыль было невыносимо. Поэтому попавший сюда «строптивый» заключенный был вынужден стоять на одном месте без движения весь свой штрафной срок. Это была ужасная пытка. И ей неоднократно подвергался Усман».

Далее С.В. Розенфельд вспоминал: «Усман Насыр запомнился мне тем, что был очень молчаливым. В одной камере я с ним пробыл восемь с лишним месяцев, но не вспомню, чтобы он сказал хотя бы восемь слов... Целыми днями он играл в шахматы сам с собой. Фигуры у него были самодельные... В свободное от шахмат время он писал. Писал много. Писал стихи, писал бесконечные заявления начальству тюрьмы. Он требовал пересмотреть его дело, ссылаясь на свою безвинность, и просил своего освобождения. Но его заявления оставались безответными. От этого он сильно страдал. Если кто-нибудь из охраны пытался заговорить с ним, он обрубал того одним словом: «Фашист!».

Мы знали, что Усман поэт. Поэтому он очень часто просил надзирателей выдать ему бумагу, объясняя это тем, что хочет писать стихи. Ему не отказывали, выдавали бумагу. Но после того, как ис-

писывал ее, надзиратель заново пересчитывал количество выданных листов и забирал, обещая приобщить их к его делу...

На девятый месяц нас из Златоуста перебросили на Колыму. Усман физически был очень слабый. После почти годового безделья в Златоустской тюрьме мы все ослабли. Поэтому работать, выполнять непосильный физический труд было очень тяжело. Усман из-за слабого здоровья всегда находился в изоляторе. Потом Усмана я потерял...¹»

20 августа 1940 г. Усман Насыр написал заявление на имя Сталина. В нем опальный поэт сообщил, что в июле 1937 г. он был взят под стражу органами НКВД по обвинению «... в оскорблении Вас и в написании пессимистически настроенных стихов. Применяя методы обмана, пользуясь моей неопытностью, следователь добивался подтверждения этого ложного обвинения». Однако, как особо подчеркивал У. Насыр, он неизменно отрицал свою «вину» как в ходе следствия, так и во время вынесения приговора, ибо считал его несправедливым.

Далее в заявлении говорилось, что за три года нахождения в тюрьме им были написаны роман в стихах, три пьесы и ряд стихов. Поэт просил помощи у Сталина: «Я должен возвратиться к жизни! Я молод, полон творческой силы». Однако ответа не последовало. Тюремные же рукописи были отправлены в Ташкент. И опять молчание.

Усман обращается к своей сестре Рохат Насыровой. Просит ее вместе с матерью обратиться в Союз писателей, узнать о судьбе своих рукописей. Просит ходатайствовать, чтобы «забрать его из этих мест в Ташкент». «Пусть моя жизнь пройдет в тюрьме, но лишь бы я находился в Узбекистане», – писал он². Записка, адресованная сестре, переходила из рук в руки и только в конце 1944 г. попала к родным Усмана Насыра. Его отец (отчим) Насырходжа Масадыхов добивается приема у первого секретаря ЦК КП Узбекистана. Просит помочь перевести сына в Ташкентскую тюрьму. Усман Юсупов дает указание создать комиссию.

¹ Цит. по: Рашидова Н. Указ.соч.

² См.: Рашидова Н. Указ.соч. Это касалось и многих других. См, например: Олимова П.Н. Вклад Туракула Зехни в развитие таджикской науки и литературы Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Душанбе, 2009.

Но, по всей видимости, письмо опального поэта, отправленное в Москву, все-таки попало к Сталину. Косвенным свидетельством такого предположения может служить тот факт, что весной 1944 г. по распоряжению Военного прокурора Среднеазиатского военного округа было предпринято новое расследование дела У. Насыра. Более того, вероятно «великий вождь» отнесся снисходительно к заявлению Усмана, ибо это расследование проводилось достаточно объективно. Вряд ли прокурор округа по своей инициативе мог отважиться в то время на столь смелое решение. Ведь сотни тысяч других заявлений оставались без последствий.

В материалах предпринятого в 1944 г. нового расследования указывалось, что «Усман Насыров в принадлежности к контрреволюционной организации ни на предварительном, ни на судебном следствии виновным себя не признавал». Далее отмечалось, что член «Комиссии Союза писателей Узбекистана Хамид Алимжан», а также другие писатели и поэты республики, «будучи допрошенными, показали, что они не знают фактов о контрреволюционной националистической деятельности Насырова, произведения Насырова «с антисоветским, антисоциалистическим содержанием» им неизвестны, а «сделанные У. Насыром переводы произведений Пушкина и Лермонтова на узбекский язык были не только удовлетворительны, но и являются его большой заслугой». Аналогичной позиции придерживались назначенные по постановлению Военной прокуратуры САВО эксперты: Шайхзаде, Раджапов и Боровков.

14 декабря 1944 г. Военный прокурор Среднеазиатского военного округа составил заключение о необходимости прекращения дела Насырова из-за отсутствия в его действиях состава преступления. Прежний приговор был отменен. Усман Насыр согласно новому заключению «освобождался из под стражи в ИТЛ». К сожалению, это решение оказалось запоздалым. Еще 9 марта 1944 г. опальный поэт, отбывая наказание в тюрьме Суловского участка Сиблага НКВД, умер от туберкулеза. Туда он прибыл, будучи тяжело больным, в начале 1943 г.

Усман Насыр был похоронен на кладбище села Суслово (ныне Первомайское) Мариинского района Кемеровской области. Это кладбище, расположенное в стороне от больших дорог, местные жители называли «политзаковским». Там хоронили заключенных в безымянных номерных могилах. Родным Усмана о его смерти не было

сообщено. Да и принятое в декабре 1944 г. оправдательное заключение прокуратуры САВО оставалось без движения долгих 12 лет.

Однако близкие поэта не оставляли мысли о восстановлении его доброго имени. Особенно скорбела мать Усмана – Халимабиби Масадыкова. В какие только организации она не обращалась, чего только не предпринимала ради своего сына. Все тщетно, все шло по заколдованному кругу. Только в начале сентября 1956 г. Халимабиби получила наконец письмо от заместителя военного прокурора ТуркВО. В нем говорилось: «Сообщаю, что проверка дела Вашего сына – Насырова Усмана закончена. Установлено, что Ваш сын был осужден необоснованно. Ваша жалоба вместе с делом Насырова Усмана и материалами проверки 3 сентября 1956 г. представлена Главному Военному Прокурору гор. Москвы для внесения протеста на предмет отмены приговора в отношении Вашего сына и его полной реабилитации. Об окончательном разрешении Вы будете уведомлены Главной Военной Прокуратурой».

Этому письму предшествовала большая работа. Сотрудники государственного издательства узбекской литературы изучили все произведения У. Насыра и дали ясное заключение: «Все они идейно выдержаны, и никаких враждебных мыслей в отношении советского строя не содержат». В своем отзыве Сабир Абдулла и давшие показания в качестве свидетелей Абдулла Каххар, Амир Умари, Фаттахов, Раджапов, Шадиев, знавшие Усман Насыра по совместной работе, говорили о нем, как о талантливом поэте, внесшим большой вклад в узбекскую литературу.

Военная прокуратура СССР направила дело Усмана Насырова в Верховный Суд СССР для рассмотрения в надзорном порядке. 30 марта 1957 г. Военная Коллегия Верховного Суда СССР выдала справку: «Дело по обвинению Насырова Усмана, до ареста – писателя-поэта, пересмотрено Военной Коллегией Верховного суда СССР 21 марта 1957 г. Приговор Военной Коллегии от 5 октября 1938 г. в отношении Насырова Усмана по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело за отсутствием состава преступлений прекращено. Насыров У. реабилитирован посмертно».

В начале июля 1957 г. Президиум правления Союза писателей Узбекистана под председательством Сарвара Азимова и при участии Уйгуна, Зульфии, А. Каххара, В. Костыри, Мирмухсина, А. Мухтара, К. Яшена, И. Султанова, Ю. Султанова, А. Удалова посмертно вос-

становил Усмана Насыра в правах члена Союза писателей. С тех пор вновь стали издаваться его книги и сборники стихов.

Трагически сложилась также судьба наманганского поэта, писателя, драматурга, литературного критика и публициста Рафика Мумина.

Рафик Мумин родился в Намангане в 1900 г. в семье гончара. Отец будущего поэта мечтал вырастить из сына просвещенного человека. Начиная с 20-х годов XX века Р. Мумин всего себя отдал делу просвещения. Он активно участвует в открытии первых школ, детских домов, преподает в них родной язык и литературу.

При всей своей загруженности педагогической деятельностью Рафик Мумин успевает еще сотрудничать с первыми печатными изданиями Узбекистана, где публикуются его стихи и поэмы. Тогда же поэт пробует свои силы в качестве драматурга. Спектакли по его произведениям имели большой успех. Из-под пера Рафика Мумина, получившего к тому времени вполне заслуженное признание в литературных кругах, выходит и много острых, злободневных публицистических статей. Он открыто пишет о трудностях тогдашней жизни. А в своих стихах он одним из первых среди современников воспекает величие дел, свершенных Амиром Темуром.

Однако свободолюбивые мысли и идеи Рафика Мумина вызывали раздражение партийно-идеологических надсмотрщиков. В мае 1937 г. он был арестован в собственном доме, где остались жена Камила-опа и шестеро малолетних детей. Поэту инкриминировали стандартное обвинение: «участие в контрреволюционных организациях, очернительство советской действительности, идеализация средневекового прошлого».

Рафик Муминов был осужден на 10 лет ИТЛ. Свой срок он отбывал в Саратовский тюрьме, домой вернулся только в мае 1947 г. Как вспоминает его дочь, Валида Муминова, в момент возвращения отца «...старшие братья кинулись к нему: «Папа!» Тогда я догадалась, что это отец. Хотя признать его в этом изможденном, измученном человеке было нелегко. По рассказам умершей к тому времени мамы он был очень высоким и статным»¹.

¹ Цит.по: Ходжаева Н. Новая жизнь Рафика Мумина // Правда Востока. 2000, 22 сентября.

К сожалению, на свободе Р. Мумин прожил недолго, всего четыре года. Сказалось тяжелое наследие тюремного заключения – открытая форма туберкулеза легких. Перед смертью опальный поэт наказал своим детям: «Разберитесь со всем, что со мной случилось. Я ни в чем не виноват».

По воспоминаниям Валиды Муминовой, после смерти отца в 1951 г. «... мой брат Хакимжон долгие годы писал письма во всевозможные инстанции. Наконец, в 1970 г. из Москвы пришло известие, что наш отец Рафик Мумин полностью реабилитирован»¹.

В 1980 г. в Ташкенте была образована комиссия по литературному наследию Рафика Муминова во главе с членом-корреспондентом АН республики И. Султановым. Было заявление об издании сборника произведений Р. Мумина. Однако в советское время он так и не был издан. И только после обретения независимости имя поэта получило заслуженное признание. В 2000 г. Наманганским издательством в серии «Золотое наследие» была издана первая книга ранних стихов поэта, его поэма «Капичигай», в свое время поставившая Рафика Мумина в один ряд с видными представителями узбекской классической литературы.

Наряду с названными деятелями национальной литературы жертвами репрессий стали в 1937–1939 гг. такие мастера художественного слова, как Зиё Саид-Косим Салихов, Мухаммадшараф Суфизода, Тавалло-Туляган Ходжамеров, Анкобай Ходойбахитов и многие другие.

Жесткой политической цензуре подверглось театральное и музыкальное искусство, зарождающаяся узбекская кинематография. Правда в силу предварительной идеологической фильтрации театрально-музыкальных произведений, киносценариев в этой сфере духовной жизни политические репрессии не приобрели столь масштабный характер, как в литературе, науке и в системе народного образования. Тем не менее и здесь предпринимались неоднократные репрессивные акции.

Показательно в этом отношении упоминавшееся уже выше так называемое «Андижанское дело», которое было искусственно раз-

¹ Цит. по: Ходжаева Н. Новая жизнь Рафика Мумина // Правда Востока. 2000, 22 сентября.

дуто в июле – ноябре 1937 г.¹. По нему проходило 28 представителей национальной творческой интеллигенции, в том числе деятелей искусства. Они обвинялись в том, что «являясь активными участниками контрреволюционных, повстанческих организаций («Шурои Ислам», «Миллий Иттихад» и др.)», с первых лет установления советской власти «являлись непримиримыми врагами существующего в СССР советского строя». Затем после «пролетарского разоблачения» этих организаций «ушли в подполье» и, «будучи тесно связанными между собой, как контрреволюционеры, националисты-единомышленники, вели активную карательно-репрессивную деятельность, направленную на ослабление мощи Советского Союза». При этом подчеркивалось, что «участники» данной группировки будто бы «имели связь и поддержку в своей антисоветской деятельности со стороны разоблаченных и арестованных врагов народа: А. Икрамова, А. Каримова, А. Сулейманова (Чулпан), Бату, Рамзи, Фитрата и др.

В обвинительном заключении, предъявленном арестованным по «Андижанскому делу», указывалось, что они в качестве основной ставили перед собой задачу «широкого распространения буржуазно-националистических идей среди населения». В соответствии с чем, наряду «с насаждением своих единомышленников в системе народного образования», при «помощи» Завкультипрома Андижанского Горкома КП (б) Уз М. Вахабова, «заяв в системе культпросветучреждений руководящее положение», в частности в Андижанском Узгостеатре, «вели там разложенческую, подрывную националистическую деятельность». В числе работников этого театра, состоящих в данной организации, назывались директор Расульджан Рахимов, режиссер Расульджан Султанов, драматург Исаак Кары Каримов, а также поэт и певец Салах Сафиев².

Согласно обвинительному заключению «основной формой для антисоветской деятельности» указанной группы выступали «гапы»,

¹ См.: Репрессия. 1937–1938 годы. Документы и материалы. Состав: д.и.н. Р.Т. Шамсутдинов, д.ф.н. Н.Ф. Каримов, к.и.н.Э.Ю. Юсупов. Вып.1. – Ташкент: Шарк, 2005. – С.128–150.

² Там же. – С.128–129.

которые, по версии следователей, квалифицировались в качестве «националистических сборищ». Причем, по установившейся традиции, оперработники стремились максимально расширить число участников этих гапов из состава творческой интеллигенции.

Так, в материалах следствия отмечалось, что «в июле 1928 г. по инициативе И.К. Каримова состоялось сборище в доме А. Урузалиева, ранее осужденного за карательно-репрессивную деятельность, где присутствовали ... враги народа А. Сулейманов (Чулпан), Уйгур и певец Кари-Якубов, гастролирующий в это время в Андижане, а также обвиняемые по настоящему делу: Хасанхан Ниязов, Машраб Бурхан, Сайфиев Салах, Муминов Ходжи Акбар, А. Караманов и др.»¹.

Далее указывалось, что аналогичные «сборища» состоялись в августе 1928 г., в марте 1933 г., в ноябре 1935 г. Особо подчеркивалось, что в сентябре 1936 г. было проведено «сборище» на квартире «Чулпана», а в январе, марте, мае 1936 г. состоялись «гапы» в домах Ниязова, Машраби и Караманова, где присутствовали члены «Миллий Иттихад»: Ниязов, Машраби, Махмудов, Саркаров, Аксакал, Караманов, Камалов, Хакимов, Сулейманов и др.»².

На этих «сборищах», отмечалось в материалах следствия, «участники национальной группировки»...высказывали «враждебные карательно-репрессивные суждения», «клеветали на проводимую ВКП (б) ленинско-сталинскую политику», «через песни восхваляли борьбу басмаческих банд с советской властью», «проявляли повстанческие националистические настроения»³. При этом особое внимание заострялось на том, что «члены группировки» якобы договаривались «умышленно извращать в карательно-репрессивных целях содержание пьес, через чего... пытались создавать «отрицательные политические настроения у трудящихся, распространять

¹ См.: Репрессия. 1937–1938 годы. Документы и материалы. Состав: д.и.н. Р.Т. Шамсутдинов, д.ф.н. Н.Ф. Каримов, к.и.н.Э.Ю. Юсупов. Вып.1. – Ташкент: Шарк, 2005. – С.129.

² Там же. – С.130.

³ См.: Репрессия. 1937–1938 годы. Документы и материалы. Состав: д.и.н. Р.Т. Шамсутдинов, д.ф.н. Н.Ф. Каримов, к.и.н.Э.Ю. Юсупов. Вып.1. – Ташкент: Шарк, 2005. – С.131–132.

карательно-репрессивную клевету» об их «положении в Советском Союзе»¹.

Конкретизация этих обвинений нашла выражение в материалах допросов и в индивидуальных обвинительных заключениях подследственных, носящих в основе своей абсурдный характер.

В частности, Мадамин Вахабов «изобличался» в том, что он, по версии следователей: «...в карательно-репрессивных национальных целях, совместно с ... Каримовым, Рахимовым, организовал постановки пьес в Узгостеатре в извращенном виде, этим возводя клевету на политику ВКП (б), совправительства и положение трудящихся в Советском Союзе».

«Исааку Кары Каримову инкриминировали то, что он:

а) являлся активным членом карательно-национальных организации «Миллий Иттихад», входя в террористическую группу организации по заданию разоблаченного и арестованного ныне врага народа Каримова А., организовывал через басмбанды террористические акты над партийными ответственными работниками;

б) оставаясь до последнего времени врагом народа, работая в узбекском гостеатре, при постановке пьес в целях создания отрицательных политических настроений у населения, путем умышленного их извращения выражал карательно-репрессивную клевету на положение трудящихся в Советском Союзе;

в) будучи участником антисоветских сборищ националистов, выражал свои карательно-националистические настроения через пьесы, стихи, клевета на политику ВКП (б) и советского правительства...»².

Салах Сайфиев обвинялся в том, что он якобы:

а) являлся активным участником карательно-репрессивной нац. группировки, участвуя в ее подпольной работе и участвуя на сборищах, выражал свое враждебное отношение к мероприятиям соввласти по раскрепощению женщин;

¹ См.: Репрессия. 1937–1938 годы. Документы и материалы. Состав: д.и.н. Р.Т. Шамсутдинов, д.ф.н. Н.Ф. Каримов, к.и.н.Э.Ю. Юсупов. Вып.1. –Ташкент: Шарк, 2005. – С.129.

² См.: Репрессия. 1937–1938 годы. Документы и материалы. Состав: д.и.н. Р.Т. Шамсутдинов, д.ф.н. Н.Ф. Каримов, к.и.н.Э.Ю. Юсупов. Вып.1. –Ташкент: Шарк, 2005. –С.129..Ф. Каримов, к.и.н.Э.Ю. Юсупов. Вып.1. –Ташкент: Шарк, 2005. –С..134–135.

б) участвуя в собраниях у обвиняемого по наст. делу националиста Каримова, где присутствовал также и разоблаченный враг народа Сулейманов (Чулпан), выражал свои национальные убеждения через песни, стихи и т.д.;

в) распространял карательно-репрессивные клеветнические сведения о сталинской конституции;

г) в среде артистов гостеатра восхвалял жизнь при царизме»¹.

Расульджану Рахимову в «вину» было поставлено, что он, являясь директором Узгостеатра:

а) участвовал в карательно-репрессивной национальной группировке, прикрываясь партийным билетом, подло двурушничая, не допускал разоблачения карательно-репрессивной деятельности буржуазных националистов;

б) будучи враждебно настроенным по отношению к существующему советскому строю, восхвалял деятельность врагов народа, Троцкого, Каменева, выражая свое отрицательное отношение к мероприятиям ВКП (б) и советского правительства по борьбе с врагами народа – троцкистами;

в) распространяя злобную антисоветскую клевету о политическом режиме, существующем в Советском Союзе, заявлял, что в Советском Союзе отсутствует свобода слова, печати и т.д.;

г) восхвалял военную мощь фашистских стран Италии и Германии, выражая при этом пораженческие настроения в отношении Советского Союза;

д) будучи редактором райгазеты в Избаскентском районе, используя свое служебное положение, помещал на страницах газеты карательно-репрессивные националистические стихи;

е) работая в театре, протащил на работу враждебный карательно-репрессивный националистический элемент, умышленно в целях создания отрицательных настроений у трудящихся через постановки распространял карательно-репрессивную клевету о положении трудящихся в Советском Союзе»².

¹ См.: Репрессия. 1937–1938 годы. Документы и материалы. Состав: д.и.н. Р.Т. Шамсутдинов, д.ф.н. Н.Ф. Каримов, к.и.н.Э.Ю. Юсупов. Вып.1. –Ташкент: Шарк, 2005. –С.129.;Ф. Каримов, к.и.н.Э.Ю. Юсупов. Вып.1. –Ташкент: Шарк, 2005. –С.139.

² См.: Репрессия. 1937–1938 годы. Документы и материалы. Состав: д.и.н. Р.Т. Шамсутдинов, д.ф.н. Н.Ф. Каримов, к.и.н.Э.Ю. Юсупов. Вып.1. –Ташкент: Шарк, 2005. –С.142.

Рисулджан Султанов обвинялся в следующем:

«а) принадлежа к карательно-репрессивной националистической группировке, засорил враждебным карательно-репрессивным националистическим элементом аппарат Андижанского Узгостеатра;

б) в карательно-репрессивных целях для того, чтобы создать отрицательно политические настроения у трудящихся, умышленно извращал постановку пьес, создавая ложное представление о достижениях социального строительства и о положении трудящихся в Советском Союзе;

в) похабно-оскорбительно отзывался о Вожде народа, злобно клеветал на политику ВКП (б) и Советское правительство и на положение трудящихся в Советском Союзе»¹.

В соответствии с практикой тех лет основная часть лиц, проходящих по «Андижанскому делу», по списку оказалась приговорена к расстрелу с конфискацией имущества.

Насильственное уничтожение в период сталинских репрессий наиболее видных представителей творческой интеллигенции, талантливых деятелей литературы и искусства нанесло невосполнимый урон культурному достоянию узбекского народа, вызвало стремительное разрушение его национальных основ.

4.2. Политические преследования в области литературы и искусства

Репрессии 30-х годов в духовной сфере относительно стихли лишь в начале 40-х годов, со вступлением СССР во вторую мировую войну. Это было связано, во-первых, с тем, что сталинская репрессивная машина в условиях военного времени в большей степени была нацелена, с одной стороны, на установление жесткого режима работы во всех звеньях народного хозяйства, на преследование работников и руководителей, не обеспечивающих выполнение плановых заданий; на поиск «диверсантов» и «пособников врагу» в тыловых районах, когда не только отдельные лица, но и целые народы обвинялись в предательстве и были депортированы из мест исконного проживания. А с другой – развернулся политический террор

¹ Там же. –С.143.

в действующей армии, где были введены жесточайшие наказания военачальников и рядовых бойцов за неудачи на поле боя или отступление без распоряжения свыше. 28 июля 1942 года был издан знаменитый приказ № 227 «Ни шагу назад», предусматривающий создание штрафных рот и батальонов (фактически смертников), а также заградительных отрядов в тылу, частей, которые должны были расстреливать отступающих. В августе 1942 года приказом Ставки, попавшие в плен красноармейцы, объявлялись изменниками, а семьи дезертировавших или пленных командиров подлежали аресту (семьи солдат лишались госпособий и помощи). Даже попавших в заложники стали считать пособниками гитлеровцев. В октябре – ноябре 1941 года, при приближении немцев к Москве впервые стала использоваться тактика «выжженной земли». Приказом Ставки было предписано «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км. в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог»¹.

Во-вторых, с началом советско-германской войны, когда реально встала угроза поражения, вызванная грубейшими просчетами союзного руководства в военном строительстве, сталинская администрация вынуждена была сместить акценты в официальной советской пропаганде и в концептуальном подходе к содержанию научной и художественной деятельности творческой интеллигенции. Если раньше в духе классового подхода политическим преследованиям подвергались представители национальной интеллигенции, стремившиеся заострить внимание на национальном факторе, рассказать о богатом духовном наследии своего народа, то в тяжелых реалиях начального этапа войны политическое руководство страны смягчило свое отношение к национальным аспектам духовной жизни. В советской официальной пропаганде стали доминировать идеи и лозунги национального мужества и векового патриотизма, национального единства. Стали возвращаться имена национальных героев прошлого, пропагандироваться народный эпос. Иными словами, национальный фактор, за обращение к которому в недавнем прошлом деятели культуры обвинялись в «буржуазном национализме», теперь

¹ История России. С древнейших времен до начала XXI века. Москва. Дрофа. 2005. С.484–485.

рассматривался в качестве одной из ведущих предпосылок разгрома ненавистного врага.

Но эта «идеологическая оттепель» оказалась недолгой. Репрессии, хотя и в меньших масштабах, продолжали иметь место. Так, 18 декабря 1941 г. был арестован уроженец Хивы, член «Союза советских писателей Узбекистана», заведующий литературным сектором Института языка и литературы Рахмат Маджиди. Он был обвинен в том, что будучи «членом контрреволюционной националистической организации вел активную антисоветскую работу», а также с началом войны якобы «распространял среди сослуживцев панические настроения». Основанием для ареста послужили «показания» подследственных, арестованных еще в 1937 г. и проходящих по другим делам.

Р. Маджиди постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 18 июля 1943 г. был приговорен к 8-ми годам ИТЛ. Хотя допрошенные в 1942 г. свидетели Ходжаев, Сулейманов и Якубовский показали, что «о контрреволюционных высказываниях Маджиди им ничего не известно. В свою очередь свидетель Атакузиев показал, что Р. Маджиди лишь пытался понять причины неудач советской армии на начальном этапе войны. То есть, даже по материалам следствия было очевидно, что он невиновен. Тем не менее Маджиди не только полностью отсидел весь срок, но Особым совещанием при МГБ СССР от 25.09.1950 г. был направлен в ссылку на поселение».

Рахмад Маджиди оказался частично реабилитирован лишь через 6 долгих лет, когда судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда УзССР в закрытом судебном заседании от 13 апреля 1956 г., рассмотрев протест Прокурора Узбекистана, исходя из отсутствия доказательств, «которые в какой-либо мере изобличали Маджиди в инкриминируемом ему преступлении», отменила предшествующее постановление Особого совещания при МГБ СССР от 25 сентября 1950 г. И делопроизводство на него было прекращено.

По испытанной схеме старший следователь КРО НКВД УзССР Сухолозов, поддерживаемый Наркомом внутренних дел УзССР А. Кабуловым, попытался представить масштабную деятельность мнимо существующей «националистической организации». По этому делу проходили Сулейман Азимов, Юнус Латыфов, Мухаммеджан Юлдашев. Назывались также имена известных ученых Кары-Ниязова и Вахида Захидова.

В частности, используя изощренные методы пыток, а также приемы фальсификации показаний подследственных, следователи настойчиво добивались их самооговоров. Хотя внимательное изучение материалов дела убеждает, что арестованные во многом высказывали сокровенные мечты узбекского народа. К примеру, Юнус Латыфов «показал»: «Азимов Сулейман говорил мне: «Восточные народы – Турция, Иран, Афганистан живут самостоятельно и сами распоряжаются своей судьбой. Таким же должен быть и Узбекистан. В Узбекистане есть выдающиеся люди, для которых интересы народа превыше всего. Возьмем Кары-Ниязова, Юлдашева Мухаммеджана, Хусанова Сатты, Захидова Вахида, меня, тебя и многих других. Разве мы не должны бороться за свободу и благополучие нашего народа?». «Хусаинов же с возмущением ответил: «Подробно говорить не стоит. Скажу только одно, если там наверху будут такие подлецы, то мы никогда не увидим хорошей жизни. Но время работает на нас и оно придет!».

Эти слова оказались пророческими. Узбекистан в конечном итоге обрел независимость, но в то время они несли угрозу физического уничтожения. И действительно Сатты Хусаинову уже через две недели – 14 ноября 1941 г. было предъявлено обвинение в совершении преступлений по «расстрельным» статьям 58 и 67 УК УзССР.

Аналогичные статьи обвинения в антисоветской деятельности оказались предъявлены и писателю, уроженцу Бухары Кары Баситу Мухаммадиеву. Он был арестован 9 февраля 1942 г. А осужден 17 ноября того же годы судебной коллегией по уголовным делам Бухарского облсуда к расстрелу. Правда, несколько позже определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 21 апреля 1943 г. расстрел Мухаммадиеву был заменен 10 годами лишения свободы с поражением прав на 5 лет и с конфискацией имущества. И только в августе 1990 г. К.Б. Мухаммадиев был реабилитирован, а судебные решения по отношению к нему признаны незаконными.

Новая волна репрессий обрушилась на деятелей литературы и искусства, как и на ученых республики в конце 40-х – начале 50-х годов. Выше уже рассматривались теоретические истоки этой очередной сталинской кампании политических преследований творческой элиты страны и Узбекистана. Но хотелось бы обратить внимание еще на один аспект.

Дело в том, что в обстановке некоторой идеологической либерализации, обозначившейся на начальном этапе войны с фашистскими захватчиками, резко возрос интерес к национальному классическому наследию. Патриотические начала проявились повсеместно, в деятельности научной и творческой интеллигенции. К примеру, Ученые института истории и археологии АН РУз ССР подготовили в годы войны к печати ценные работы об этногенезе народов Средней Азии, их быте и вековой культуре. Сотрудники Института языка и литературы завершили очерки по истории узбекского языка, опубликовали работы, посвященные славным страницам узбекского героического эпоса.

Большая научно-поисковая работа была проведена в связи с 500-летием великого узбекского мыслителя и поэта Алишера Навои. Были изданы научные труды, в которых на базе осмысления богатого документального материала описывалась жизнь и творчество А. Навои, раскрывалась история и особенности культурной жизни его эпохи. Причем содержание исследований было проникнуто пафосом гуманизма, свободы и независимости.

Усилилось внимание к сбору, систематизации и изданию узбекского фольклора. В течение военных лет вышли в свет народные поэмы «Ширин и Шакар», «Кундуз и Юлдуз», «Далли», «Мураджан», «Малика Айяр» и др.

Плодотворно трудились на узбекской земле мастера литературного жанра. Силой художественного слова они поддерживали боевой дух народа, звали к священной борьбе, укрепляли веру в победу. Взволнованно и проникновенно писали поэты и писатели о родном крае, его истории, вековом духовном наследии.

В горестные дни войны особое место в духовной жизни заняла публицистика. Статьи, памфлеты Х. Алимжана, Г. Гуляма, А. Каххара, Айбека, Айдына, А. Умари, М. Исмаили, М. Шайхзаде, Зульфийи, Туйгуна, Миртемира, С. Ахмада, Б. Рахмана и других обличали фашизм, говорили о самом важном – о судьбе Родины, о долге каждого человека. Причем авторы во многом освободились от культовых стереотипов предвоенных лет, их произведения стали ближе, понятнее людям.

Настоящий подъем переживало театральное искусство. В условиях военного времени в Узбекистане работал 51 театр (35 местных и 16 эвакуированных) на их сценах шли спектакли, находящие жи-

вой отклик у зрителей. Особенно популярны были пьесы К. Яшена «Смерть оккупантам» и «Овтобхон», И. Султанова «Бургутнинг парвози», «Муканна» А. Алимжана, «Навои» Уйгуна и И. Султанова, «Курбан Умаров» С. Абдуллы и Чусты, «Узбекистон киличи» Н. Погодина, Х. Алимжана, Уйгуна и С. Абдуллы, «Касос» Туйгуна и Умари, «Фарзанд» Исмаилзаде и др.

Своими драматическими постановками деятели искусства призывали к мужеству, патриотизму, к борьбе за свободу и независимость.

Патриотический подъем деятелей культуры ярко проявился и в музыкальном творчестве. Музыкальные образы эпической мощи, героики в сочетании с возвышенным идеалом – таковы стали характерные черты произведений Т. Садыкова, М. Ашрафи, Д. Закирова, Т. Джалилова, Н. Хасанова, М. Бурханова, Ю. Раджаби и др.

Патриотическая тема стала ведущей в документальном и художественном киноискусстве. Работники узбекской кинематографии создали за годы войны цикл короткометражных фильмов – киноновеллы, кинорассказы, очерки, сатиристические сценки, а также несколько специальных фильмов-концертов для бойцов фронта. Кроме того, было выпущено 10 звуковых фильмов, вошедших в золотую сокровищницу отечественного кинематографа.

Узбекские кинематографисты раскрывали человеконенавистническую идеологию фашизма, ярко и вдохновенно показывали высокий гуманизм, мужество и героизм воинов и тружеников тыла, их несгибаемую волю и веру в победу над врагом.

В целом же, оценивая отличительные особенности духовной жизни республики сурового военного времени, следует подчеркнуть, что созданные в годы войны художественные произведения несли главную ценность – они возвышали гуманистические начала в жизни населения края. Процесс этот шел через противопоставление практике гитлеризма, уничтожившего миллионы людей по расовому, национальному признаку, коренных начал народной жизни с ее готовностью самопожертвования во имя Отечества и более глубокое раскрытие основ народного характера.

Важным фактором, способствующим усилению гуманистических начал в художественном и научном творчестве, как уже говорилось выше, явилось некоторое ослабление идеологических тисков сталинского тоталитарного режима.

Однако, со временем, в произведениях гуманистической направленности как в Узбекистане, так и в целом по стране все меньше стало отводиться место славословию в адрес вождей, пустозвонству, казенщине. Это насторожило идеологических цензоров. Во властных верхах с наступлением перелома в ходе войны все больше стало проявляться настроение, что на идеологическом фронте наблюдается «недооценка и ослабление» идейно-политической работы в массах. В результате вновь стал устанавливаться жесткий идеологический пресс, в основе которого лежали догматические представления о роли культуры, прежде всего художественной, который с победоносным завершением войны и переходом к мирной жизни с нарастающей тенденцией начал оказывать давление на все стороны духовной сферы общества.

Как свидетельствуют исторические источники¹, Сталин лично самым пристальным образом следил за новинками публицистической и художественной литературы, просматривал кинофильмы. С 1944 г. на обработке художественной интеллигенции страны сосредоточился верный его соратник А.А. Жданов. Усиленное внимание литературе и искусству стал проявлять и Берия. На местах руководящие идеологические работники стремились чутко улавливать мнение «верхов», активно проводить в жизнь их указания.

Официальные установки требовали от литературы и искусства, прежде всего, воспевать «пафос социалистического созидания», подчеркивать исключительно позитивные явления общественного развития, руководящую роль партии и прославлять мудрость ее вождей. Никто не мог чувствовать себя спокойно в такой обстановке. Руководитель Союза писателей СССР А. Фадеев, отличавшийся преданностью Сталину, был подвергнут резкой критике за начальный вариант романа «Молодая гвардия», в котором, по мнению Сталина, недостаточно было отражено партийное руководство комсомольцами-подпольщиками. М.В. Исаковский, автор популярных стихов, ставших поистине народными песнями, подвергся нападкам критики за стихотворение «Враги сожгли родную хату». Великий русский писатель А.П. Платонов, автор таких шедевров прозы, как роман «Челенгур» и повесть «Котлован», был лишен возможности жить литературным трудом.

¹ См.: Советская история: проблемы и уроки. – Новосибирск, 1992. – С.186–188.

Печальную известность получило постановление ЦК ВКП (б) 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград», инициатором которого был Сталин, а главным проводником Жданов. Основными целями кампании «проработки» было избрано творчество А.А. Ахматовой и М.М. Зощенко. Каждое обсуждение этого постановления на местах заканчивалось «оргвыводами». К постановлению по литературе добавились постановления о репертуаре драматических театров, о кинофильме «Большая жизнь», а в 1948 г. об опере М. Мурадели «Великая дружба». С обличающими речами и статьями выступили руководители творческих союзов. В практику вошло закрытие журналов, запрещение литературных, музыкальных, кинематографических произведений.

Резким нападкам подверглись так называемые «формалисты» в музыке, среди которых главными были названы выдающиеся композиторы С.С. Прокофьев и Д.Д. Шостакович. Широким народным массам предназначалась не подлинно народная, а псевдонародная музыка в исполнении хоров и солистов, воспевавших вождей, счастливую колхозную жизнь и т.п. В это же время популярная исполнительница русских народных песен Л. Русланова оказалась репрессирована. На местах стремились не отставать от центра, выискивая своих «формалистов».

Целый спектр взглядов Сталина на историю, идеологию, искусство выразился во время его встречи с кинорежиссером С.М. Эйзенштейном и актером Н.К. Черкасовым. Речь шла о фильме «Иван Грозный». Сталин заявил, что опричнина в фильме показана неправильно. Царь получается нерешительный, как Гамлет. Мудрость же Грозного состояла в том, что он стоял на «национальной» точке зрения и иностранцев в страну не пускал. Он первый, Ленин – второй. Сталин, безусловно, проводил параллели со своей деятельностью. Вторая серия «Ивана Грозного» была запрещена¹.

В то же время развернулась борьба с «космополитизмом». В этом витке «борьбы» погибли известные деятели культуры: актер и режиссер С. Михоэльс, поэт П. Маршина и др. Космополитом мог быть объявлен любой человек, интересующийся западной литературой, музыкой, живописью. Были запрещены международные куль-

¹ См.: История Отечества. – М.: Просвещение. 1992. – С.120–121.

турные контакты. Такая политика привела к изоляции народов СССР от многих достижений культуры народов мира.

Вслед за центром масштабная кампания «идеологического наступления» в духовной жизни развернулась и в Узбекистане. Уже в августе 1946 г. XIV пленум ЦК КП (б) Уз принял постановление, в котором отмечалось, что в республике «в запущенном состоянии оказалось дело идейно-политического воспитания...», «недопустимо ослаблена борьба с пережитками прошлого в сознании людей, с попытками распространить влияние чуждой нам идеологии в массах...», «не получают должного отпора элементы безыдейности и аполитичности в творчестве некоторой части писателей и в репертуарной политике театров республики», имеются «факты отхода многих из них от актуальных тем современности»¹. Были подвергнуты критике узбекские музыкальные произведения.²

В 1948–1949 гг. в целях проверки идеологической ситуации в сфере духовного производства Узбекистана из Москвы прибыла большая группа работников науки и культуры, возглавляемая официальным представителем ЦК ВКП (б). Как вспоминает бывший секретарь ЦК КП (б) Уз Н. Мухитдинов, «...они скрупулезно разбирали творчество буквально каждого крупного ученого и деятеля культуры Узбекистана. Провели собрание актива, где руководители группы подвергли суровой критике тех, кто «извращает национальную политику» партии, «популяризирует архаизмы», «дворцовую поэзию и музыку», пытается «замкнуть узбекскую культуру и оторвать ее от Союза»³.

В частности, отмечалось, что в «разрез с линией партии» небольшая часть представителей творческой интеллигенции республики «допускает идеализацию дореволюционного прошлого». В качестве примера приводились существенные «идеологические ошибки», «вскрытые» в докторской диссертации проф. А. Саиди «Творчество Навои, как высший этап в развитии узбекской классической литературы». Так, в материалах проверочной комиссии констатирова-

¹ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... Т.2. – С.260–261.

² «Тутуриксиз ашулалар, уйдирма накллар»// Кизил Узбекистон. 1947, 10 августа.

³ Мухитдинов Н. Годы, проведенные в Кремле. –Ташкент: А. Кадыри, 1994. – С.48.

лось, что в его диссертации неверно характеризовалось государство Тимуридов, ибо «автор считал, что период царствования султанов Шахруха, Улугбека и Хусейна Байкары является периодом цветущего культурного и общественного развития Средней Азии, так сказать «золотым веком» узбекской истории, определившим дальнейший культурный и политический подъем узбекского народа».

Наряду с регулярным направлением в Узбекистан проверочных комиссий, в целях всестороннего контроля со стороны центральной власти в конце 40-х годов в республике был учрежден специальный институт Уполномоченного ЦК ВКП (б) по Узбекистану¹. Первым Уполномоченным был назначен С.Д. Игнатъев. Опираясь на собственный аппарат и местные руководящие партийно-советские органы, он, прежде всего, сосредоточил внимание на вопросах идеологической экспертизы состояния республиканской науки, культуры, искусства и литературы, направления деятельности творческой интеллигенции Узбекистана в соответствующее русло.

Инициированная «союзным центром кампания разоблачения «пороков» в узбекской литературе и искусстве способствовала тому, что в 1949–1950 гг. подверглись необоснованной критике и осуждению деятельность Союзов писателей, художников, композиторов. Были найдены и «своеобразные» причины «безыдейности», а именно то, что «некоторым творческим работникам серьезно мешают плодотворно работать неизжитые еще националистические заблуждения и беззаботное отношение к овладению марксистско-ленинской теорией»².

Так, в постановлении Бюро ЦК КП (б) Уз от 25 июня 1949 г. «О работе Союза писателей Узбекистана», принятого на основе его фронтальной проверки, отмечалось, что в произведениях последнего времени рядом писателей «... допущены элементы национализма, идеализации феодального прошлого и раболепного преклонения перед старой феодальной культурой»³. В их числе назывались Айбек, Гулям Алимов, М. Бабаев, Абдулла Каххар, Миртемир, Туйгун, У.Рашидов, Хамид Гулям, А. Каюмов, Шайхзаде».

¹ Мухитдинов Н. Указ.соч., – С.48–49.

² Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... Т.2. – С.360.

³ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... Т.2. – С.360.

Разносной критике подверглись журналы «Шарк юлдузи» и «Звезда Востока» за публикацию на своих страницах статей, «проникнутых духом космополитизма и дезорганизующих читателей». Особенно досталось журналу «Шарк юлдузи», «находящемуся, — как гласил документ, — на неверном, ошибочном пути. За последнее время в этом журнале имело место ярко выраженное проявление национальной ограниченности»¹.

Необоснованной критике были подвергнуты произведения композиторов республики в постановлении Бюро ЦК КП (б) Уз от 8 апреля 1951 г. «О состоянии музыкального искусства Узбекской ССР и мерах по его дальнейшему развитию»². Бюро осудило «вредную практику» создания оперных, балетных и музыкальных спектаклей по мотивам и на основе классических произведений: «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Тахир и Зухра», «Алпамыш», «Гуландом» и др. В обличающем тоне указывалось, что многие работники концертных организаций и музыкальных театров популяризуют «старую архаическую музыку и наиболее мрачные и заунывные образцы макамов», не совмещающихся с «пафосом советской действительности и новыми коммунистическими чертами общества».

Сделав вывод, что «музыкальное искусство Узбекистана отстает от жизни, не служит в полной мере целям и задачам коммунистического воспитания узбекского народа», директивные органы подчеркнули необходимость широкой пропаганды «достижений социализма», а также «музыкального искусства братских народов и укрепления с ними связи узбекского музыкального искусства».

Подобный подход, настроенный на предании анафеме многих шедевров устного народного творчества и произведений выдающихся поэтов прошлого, на подстегивании искусственной интернационализации национального музыкального искусства, тяжело отразился на его состоянии. Так, сразу же после публикации указанного постановления во всех творческих союзах и театрах республики в соответствии с его указаниями были внесены серьезные изменения в планы работы и репертуары. К примеру, в Республиканском театре музыкальной драмы и комедии им. Мукими вместо спектаклей

¹ Правда Востока. 1949, 27 июня.

² Правда Востока. 1951, 10 апреля.

«Фархад и Ширин», «Тахир и Зухра», «Навои», «Лейли и Меджнун», «Алпамыш» были осуществлены постановки «Наталка - Полтавка», «Баядера», «Седая девушка», «Голубой Дунай» и др.¹ Аналогичные акции были предприняты и в других театрах. В результате резко понизился их национальный колорит, заметно сократилось число зрителей из представителей коренных национальностей.

Действительно, в тот период грозные обвинения, явно надуманные, были выдвинуты против таких крупных деятелей литературы, как Айбек, А. Каххар, Шайхзаде, Шукрулло, Шухрат, Чустии и др. Нередко идеологической экзекуции подвергались те произведения, которые в предшествующие военные годы приветствовались. К примеру, в 1946 г. роман Айбека «Навои» был удостоен высшей в то время Сталинской премии. Но затем именно за этот роман Айбек был обвинен в «раболепном преклонении перед старой феодальной культурой»².

В августе 1951 г. в республиканской печати были опубликованы две разгромные статьи, нацеленные на осуждение «националистов», «космополитов», «пантюркистов». В первой статье «Об идеологических извращениях в творчестве некоторых поэтов» с догматической опорой на принципы социалистического реализма огульному обвинению подверглись Тураб Тула, Камтар Атабаев, Миртемир, А. Бабаджанов, Собир Абдулла, Хабиби³. Во второй статье осуждалась деятельность узбекской киностудии. В результате, творческий потенциал работников студии оказался фактически парализованным, а узбекское киноискусство – полностью репрессированным. Достаточно сказать, что за 1949–1952 гг. киностудия «Узбекфильм» на подготовку литературных сценариев художественных фильмов израсходовала 541,4 тыс. руб., однако ни один из них не был запущен в производство. Подавляющая их часть, особенно посвященная национальной тематике, в силу «идейной неполноценности» не утверждалась. В частности, оказались запрещены сценарии фильмов «Алпамыш», «У скал Фархада», «Наши силы» и др.⁴. Между тем, как

¹ Эргашева Ю.А. Указ.соч.... – С.157.

² Эргашева Ю.А. Указ.соч.... – С.147.

³ Правда Востока. 1951, 10 августа.

⁴ Рахимбабаева З. Расцвет культуры в Узбекистане. – Ташкент: Узбекистан, 1964. – С.54.

показал опыт военных лет и «оттепели» 50-х годов, узбекский кинематограф обладал огромным творческим потенциалом. Мастерами узбекского кино (Н. Ганиев, К. Ярматов, Ю. Агзамов и др.) в условиях относительной творческой свободы было создано немало высокохудожественных фильмов, получивших широкое признание зрителей. К сожалению, в описываемый период они были лишены возможности полноценного служения народу, находились практически в простое.

Идеологическое шельмование в печати и на собраниях творческих работников переплетались с прямыми репрессивными акциями. В частности, в течение 1950–1951 гг. оказались арестованы, а в начале 1952 г. осуждены на 25 лет за «антисоветскую деятельность» Шукрулло, М. Шайхзаде, М. Осим, С. Ахмад, М. Исмаили, Шухрат, Х. Сулейманов и ряд других представителей узбекской творческой интеллигенции. В заключении они просидели 5 лет¹. Реабилитированы были лишь после развенчания сталинского культа единоличной власти.

Тяжелым преследованиям подвергся выдающийся певец Мухитдин Кары-Якубов. Будучи верным сыном узбекского народа, он еще в 20-х годах оказал сильное влияние на развитие национального музыкального искусства. М. Кары-Якубов мечтал создать национальный балет и оперу. Тогда мало кто поддерживал его в этом стремлении. Среди большинства деятелей музыкального искусства в те годы господствовало убеждение, что узбекская музыка ни в коем случае не должна выходить из своих традиционных форм, что путь к симфонизации – это безумие, что невозможно создать оперное искусство, не сломав национальной самобытности. Однако Кары-Якубов был настойчив в достижении своей мечты. В 1926 г. он организует музыкальную труппу, призванную по его мысли стать «фундаментом, базой, на которой вырастут узбекская опера и узбекский балет».

С мая 1926 по апрель 1927 г. М. Кары-Якубов со своей труппой гастролирует по городам и селам Узбекистана. С сентября поездки продолжаются в Москве, организует и руководит театром в Коканде, в январе 1928 г. – театром в Андижане. Осенью того же года его переводят в Самарканд, где он организует музыкальный ансамбль.

¹ Хасанов Б.В. Указ.соч. – С.191.

Уже в следующем году Кары-Якубов получает звание первого народного певца Узбекистана, тогда же он вводит в оркестр узбекских народных инструментов азербайджанский тар и пианино, поднимает вопрос о реконструкции узбекских народных инструментов. К этому времени в ансамбле под его руководством работают знаменитые артисты – Тохтасин Джалилов, Халима Насырова, Аброр Хидоят, Мукаррам Тургунбаева, Лютфи Сарымсакова, Юнус Раджаби, Тамара ханум и многие другие.

В апреле 1931 г. вместе с В. Успенским Кары-Якубов приступает к организации симфонического оркестра из национальных кадров, разрабатывает проект конкурса на оркестровку и гармонизацию узбекской музыки. Через три года ему поручают реорганизовать оперные классы русского театра оперы и балета им. Свердлова. Однако в ноябре того же года талантливого новатора освободили от занимаемой должности. Он вынужден был уехать в Москву, где возглавил созданную им узбекскую оперную студию при Московской консерватории.

И все же Кары-Якубов продолжает вести отбор талантливой молодежи, собирая коллектив для создания узбекской Госфилармонии. И она была создана в 1936 г., но Кары-Якубов вскоре освободили от должности руководителя. Теперь он лишь артист-солист Узгосфилармонии и Узгосмузтеатра.

В июле 1940 г. Кары-Якубов участвует в премьере оперы «Лейли и Меджнун» Т. Садыкова и Р. Глиэра, затем в премьере оперы «Великий канал» М. Ашрафи и С. Василенко. Год спустя он поет главную партию Улугбека на премьере одноименной оперы А. Козловского, позже исполняет и главную партию в опере «Махмуд Тараби» О. Чешко.

К сожалению, кипучая энергия М. Кары-Якубова по реформации музыкального искусства, его попытки возродить в памяти народа образы великих национальных деятелей прошлого стали вызывать у партийных идеологов к концу 40-х годов все большее раздражение. В 1952 г. Кары-Якубов был репрессирован органами НКВД и приговорен к длительному лишению свободы¹. И только после смерти Сталина он был реабилитирован.

¹ Джаббаров О. Указ.соч.

Апофеозом широко проводившейся тогда в республике кампании по «разоблачению» «националистов» и «космополитов» в творческих и научных учреждениях, в нагнетании в Узбекистане атмосферы идеологической нетерпимости стал X пленум ЦК КП (б) Уз (21–22 февраля 1952 г.).

Пленум заслушал и обсудил доклад первого секретаря республиканской партийной организации А. Ниязова «О состоянии и мерах улучшения идеологической работы в республике»¹, в котором было сказано: «За последние два года в республике раскрыта группа антисоветски, националистически настроенных лиц из числа литературных работников. Эта группа проводила враждебную работу против советского государства. Участники этой группы имели близкие связи с ранее разоблаченными националистами, распространяли стихи пессимистически и идеологически вредного содержания, популяризовали антисоветские произведения националистов...»

В соответствии с таким идейным посылом, нацеленным на нейтрализацию «скрытых националистов», как в основном докладе, так и выступлениях содокладчиков жесточайшей критике за «идеологические извращения» были подвергнуты поэты Тураб Тула, Т. Фатах, писатели Айбек, М. Шайхзаде, Уйгун, М. Шевердин и др. Резко осуждались театральные постановки «Алпамыш» и балет «Озадачехра» театра оперы и балета им. А. Навои, как «идеализирующие феодальное прошлое, порочные в идейном и художественном отношениях».

Идейному разному подверглись также известные деятели искусства, композиторы, певцы, как к примеру Кары-Якубов, за то, что они «стараясь преподнести старую, феодально-дворцовую музыку как истинно народное искусство», пишут музыку на тексты феодально-дворцовых поэтов», «культивируют горловую, этнографическую манеру пения. Вместо популяризации ... произведений русской классической и советской музыки они распространяют старую, архаическую, унисонную музыку и пение».

«Все это, – по мысли выступающих, – отгораживает узбекский народ от передовой музыкальной культуры русского народа, мешает его приобщению к лучшим образцам советской многонациональной культуры». Иными словами, тормозят процессы стирания национального своеобразия узбекского народа, ускоренного формирова-

¹ Правда Востока. 1952, 24 февраля.

ния наднационального обезличенного образования – «советский народ».

Важность этого идеологического аспекта еще раз была отчетливо подчеркнута в Отчете ЦК КП (б) Узбекистана, сделанном на XI съезде КП (б) Уз А.И. Ниязовым (сент. 1952 г.)¹. Так, докладчиком четко был выделен следующий идеологический акцент: «Важнейшей задачей в области литературы и искусства является марксистско-ленинское воспитание творческих кадров, повышение их художественного мастерства на основе изучения русской классики, советского реалистического искусства».

И далее: «Центральный комитет ЦК ВКП (б), тов. Сталин воспитывают кадры, интеллигенцию, всех трудящихся нашей республики в духе социалистического интернационализма и дружбы народов нашей страны. Они помогли парторганизации Узбекистана разоблачить и разгромить злейших врагов узбекского народа, наймитов разведок империалистических государств – буржуазных националистов и других предателей и извергов.

Факты показывают, что в борьбе с проявлениями буржуазного национализма нельзя допускать ни малейшего благодушия и ротозейства, помня об указании тов. Сталина, что пережитки капитализма в сознании людей более живучи в национальном вопросе...

Националистические пережитки находят свое выражение в идеализации феодального прошлого узбекского народа, в затушевывании классовых противоречий, существовавших в дореволюционном Узбекистане, ... в стремлении обойти, либо преуменьшить величайшую роль великого русского народа и его культуры в судьбах узбекского народа... Отход от ленинского интернационализма – таков источник проявлений буржуазного национализма, имеющего своей целью подрыв советского строя.

Парторганизация Узбекистана должна вести беспощадную борьбу с малейшими проявлениями буржуазного национализма, разоблачая реакционную сущность панисламизма и пантюркизма, неустанно повышать политическую бдительность....»

В русле такого идеологического подхода, по воспоминаниям Н. Мухитдинова, в начале 50-х годов ему был передан соответствующими органами список 60 видных деятелей культуры, которые яко-

¹ Правда Востока. 1952, 23 сентября.

бы «ведут активную националистическую деятельность, идущую вразрез с политикой партии, периодически встречаются, негласно обсуждают проблемы, согласовывают свои оценки и ведут вербовку сторонников среди интеллигенции»¹. Между тем, к тому времени уже более 20 человек были осуждены, многие освобождены от занимаемых должностей как не внушающие доверия.

В свою очередь, акад. М. Мухамеджанов вспоминает, что в начале 1952 г. предпринимались попытки передать «на предмет разоблачения» тогдашнему секретарю ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкову список «группы националистов, панисламистов и пантюркистов, в котором значились фамилии почти 150 видных ученых, писателей, деятелей культуры»².

Говоря другими словами, готовились новые массовые репрессии 30-х годов. И они уже разворачивались. Лишь смерть И. Сталина и последующая затем «хрущевская оттепель», совмещаемая с политической десталинизацией, остановила очередной разгул крупномасштабных репрессий.

Таким образом, делая обобщающий вывод по параграфу и главе, следует отметить, что сложившаяся в условиях тоталитарного режима преступная практика политических гонений, массовых репрессий, физического уничтожения наиболее талантливых представителей национальной интеллигенции, совмещаемых с неутрачивающими кампаниями борьбы против «идеализации феодального прошлого», «националистических извращений» за обеспечение «идейной чистоты» и ускоренную интернационализацию духовной жизни обусловили порочные процессы обескровления национальной литературы и искусства, деформационный характер их развития. Все это определило серьезную угрозу утраты узбекским народом своей национальной самобытности.

¹ Мухитдинов Н. Указ.соч. – С.50.

² Фан ва турмуш. 1993. –№ 5–6. – С.9.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Узбекский народ, имея тысячелетнюю историю, обладал к моменту октябрьского переворота богатейшим культурным наследием. Глубокими творческими исканиями была наполнена духовная жизнь узбекского общества и на рубеже XIX–XX веков. Однако приход к власти большевиков ознаменовал наступление смутного времени. С установлением советской власти оказался заблокирован естественно-исторический прогресс, удары обрушились и на духовную сферу. Советской властью фактически осуществлялась колониальная политика, проводимая в обстановке политического террора, когда попирались права человека, национальные и общечеловеческие ценности.

В результате проведенного исследования были сформулированы следующие выводы и предложения:

Исторический опыт свидетельствует, что культурная политика коммунистического руководства изначально была нацелена на отрыв морали, литературы, искусства, науки от плодотворной национальной почвы, предполагала развертывание культурного строительства в русле насильственных социалистических преобразований.

«Культурная революция» большевиков, насаждаемая силовыми методами, была призвана способствовать коммунистической «перековке» личности, утверждению «социалистической культуры», базирующейся на принципах «пролетарского интернационализма» и национального поравнения.

Как и все коммунистическое учение в целом их доктрина «культурного обновления» исходила из стратегии формирования тоталитарного режима, была нацелена на массовое насилие и отказ от общечеловеческих гуманитарных ценностей, игнорировала национальный фактор. Основатели марксизма, руководствуясь идеологией классового подхода, репрессивного решения сложных общественных проблем, призывали к подмене вечных законов морали, гуманистических идеалов, традиционных народных ценностей порочными установками классового превосходства, к утверждению ничем необъяснимого права избранных распоряжаться судьбами миллионов «классово чуждых людей». Эта идейная платформа заложила «революционную легитимность» тотального насилия.

Дальнейшую разработку идеологии «социалистической куль-

турной революции» предпринял основатель советского государства – В.И. Ленин. В его программе «культурного строительства» имелись отдельные внешне обоснованные положения. Однако, втиснутые в узкие рамки утопических схем, они на практике оказались во многом извращенными. Более того, Ленин, неустанно подчеркивал, что по мере углубления социалистических преобразований классовая борьба будет ожесточаться, что потребует адекватных карательных мер против «врагов революции». Претворение ленинских установок в жизнь обернулось бесчисленными жертвами, определило многолетнюю политику советского государственного терроризма.

Беспощадная борьба с «классовыми врагами» развернулась с первых шагов установления советской власти в Туркестане, а затем в Хорезме и Бухаре. Она сопровождалась репрессивной политикой закладки политических и духовно-идеологических институтов социалистического общества, пагубной практикой атеистического экстремизма, силовым овладением информационными рычагами, установлением жесткого идеологического контроля в системе образования и духовного производства в целом. Жесткому преследованию были подвергнуты представители национальной интеллигенции, ответственные партийно-советские работники из числа коренного населения, которые пытались отстоять национальные интересы, наполнить конституционно провозглашенные суверенные права реальным содержанием.

Широкий размах приобрела политика репрессивного преследования в духовной сфере после национально-территориального размежевания среднеазиатских республик и образования Узбекской ССР. Своего апогея эта политика достигла с упрочением властных позиций сталинской радикализированной группы.

Материалы исследования свидетельствуют, что И.В. Сталин, захватив рычаги управления центральной власти, не внес заметных теоретических дополнений в ленинскую доктрину «культурной революции», но существенно обогатил практику духовного закабаления народа. При нем окончательно утвердилась тоталитарная модель «социалистической культуры». Основными элементами сталинской системы стали: деспотия одного человека, абсолютная власть партии и государства, «чистки», искоренение инакомыслия и злоупотребление законодательством, непомерно высокая роль репрессивно-карательного аппарата.

Руководствуясь логикой «обостряющейся классовой борьбы», сталинская администрация повела решительное наступление против всех социальных групп и слоев, не вписывавшихся в модель коммунистического развития, в том числе в духовной сфере. При этом особое значение придавалось подавлению национального самосознания, подпитывающегося стремлением народов национальных регионов, включая Узбекистан, к обретению государственного суверенитета.

Активные усилия предприняло сталинское руководство по обеспечению гегемонии «пролетарской идеологии» и принципов партийности в литературе, искусстве, науке, иных отраслях духовной жизни. Используя разнообразные средства государственного давления, оно повсеместно насаждало «сверху» культуру «социалистической по содержанию, интернациональной по духу». И хотя в правительственных документах говорилось о необходимости сохранения национальной специфики, но речь шла исключительно о форме. Национальное сохранялось только во внешнем орнаменте.

Заметными этапами развертывания жесткого курса государственного терроризма выступили масштабные акции борьбы с «троцкизмом», «правым и левым оппортунизмом». В Узбекистане эта борьба вылилась в форму пресечения «буржуазного национализма», «пантюркизма» и «панисламизма». Их носителями была объявлена национальная интеллигенция, передовые представители которой стремились отстоять традиционные духовные ценности и интересы собственного народа.

Прежде всего, уже во второй половине 20-х годов политическим гонениям подверглись джаиды. Тогда же в рамках официально объявленного «идеологического наступления» оказалась осуждена «антипартийная платформа» «группы 18-ти», «разоблачена» «иногамовщина» и «касымовщина», подверглись арестам члены национальных подпольных организаций «Миллий истиклол» и «Миллий иттиход». Все это подготовило почву для идеологического оправдания и развертывания в республике массовых политических репрессий.

Осуществляя «культурную революцию», правящая элита центра уделяла особое внимание политическому и идеологическому контролю за образовательной сферой. В целях ее социалистического переустройства с первых октябрьских лет стали предприниматься

энергичные усилия по ликвидации прежней образовательной системы и закладке новой, отвечающей требованиям социалистического строительства.

В ходе социалистической трансформации образовательного комплекса Узбекистана были достигнуты определенные позитивные результаты. Они выразились в повышении общей грамотности населения, в широком развертывании сети школ, средних специальных и высших учебных заведений, в подготовке представительного корпуса специалистов. Однако эти достижения сопровождались опасными деформациями, корни которых скрывались, с одной стороны, в идеологическом экстремизме ленинской модели «культурной революции», а с другой – в пагубной практике тоталитарной эволюции советского государства, в проводимой сталинским руководством политике «великого перелома», со свойственной ей крайними формами радикализма, нагнетанием политической истерии, атмосферы «классовых боев».

Советская образовательная система изначально взращивалась на почве идейно-теоретических позиций классовой борьбы, нейтрализации всех форм некоммунистического сознания, отвергающего приоритеты национальных интересов. При этом, как и по другим направлениям духовного производства, активно использовались методы государственного насилия, политического террора, выступавшего в открытых и завуалированных формах.

В 20-х годах наиболее ярко практика открытого политического насилия в образовательной сфере проявилась в ликвидации традиционной конфессиональной школы. Скрытой насильственной направленностью отличались акции по введению вместо арабского латинского алфавита, а затем кириллицы; осуществление комплекса мер по предельной политизации и идеологизации учебно-воспитательного процесса в учебных заведениях; проведение курса на превращение учителей в своеобразных идейных надзирателей, призванных быть активными участниками «классовых боев»; по внедрению жестко-классовой линии при наборе студентов в техникумы и вузы, сопровождаемой классовой дискриминацией выходцев из не-пролетарских слоев.

В 30-х годах скрытые акции политического террора все теснее стали переплетаться с разгулом массовых репрессий, охвативших страну, в том числе обрушившихся на среднюю и высшую школу

Узбекистана. Начавшийся тогда повсеместный поиск «врагов народа» привел к тому, что среди работников народного просвещения, преподавателей, студентов оказалось арестовано и репрессировано большое число ни в чем неповинных людей. Политическим гонениям подвергались, в первую очередь, наиболее образованные и активные в общественном плане люди, представители интеллигенции, отстаивающие национальные приоритеты и духовные ценности. Растаптывали цвет нации, чтобы в корне пресечь свободомыслие, укрепить сверхцентрализованную командно-казарменную систему тоталитарного общества.

Показательно при этом, что во второй половине 30-х годов, когда поиск «классовых врагов» принял тотальный характер, резко ужесточились меры наказания. Теперь обычным в судебных приговорах стало физическое уничтожение. Причем массовые репрессии увязывались со стремлением политического руководства страны, карательных органов представить картину ожесточенного классового противоборства, смычки «внешних и внутренних врагов», ставящих своей целью низвержение советского строя. Доказательством тому должно было служить наличие разветвленной системы «контрреволюционных организаций», бесчисленных «шпионов» и «агентов зарубежных разведок», вследствие чего пересматривались прежние «дела» и искусственно конструировались новые. В сфере образования особое внимание уделялось так же «раскрытию» связей педагогического корпуса с видными представителями творческой интеллигенции, джадидами, заклеяменными как «враги народа».

Другой характерной чертой тех лет выступило ужесточение «техники» выбивания органами «признательных показаний» у обвиняемых. В условиях, когда правящие верхи Союза настойчиво требовали от силовых структур «материального» подтверждения сталинской формулы «обострение классовой борьбы», действовал план-разверстка по привлечению к «пролетарскому суду» «замаскировавшихся врагов», по сути аресты ни в чем неповинных людей превратились в самоцель. В результате основными средствами получения следователями НКВД нужных «признаний» от подсудимых являлось не нормальное правовое расследование, основанное на объективных доказательствах, а их «выколачивание» путем изощренных методов. Подобным образом конструировались практически все раздуваемые тогда судебнополитические процессы.

Основанные на моральном и физическом подавлении людей, они были нацелены на нагнетание атмосферы рабства, укрепление государственного абсолютизма и имперских опор советского строя.

В период 40-х годов, особенно после вступления СССР во вторую мировую войну, масштабы репрессий в системе народного образования относительно уменьшились, но механизм политических гонений продолжал действовать.

Глубокий урон в годы сталинского режима был нанесен науке, особенно общественным дисциплинам. В принципе наука оказалась репрессированной. Это обуславливалось не только беспрецедентными гонениями, которыми подвергались ученые или отдельные направления в науке, но и тем, что в научной сфере насаждались представления, будто бы с самого начала исследования может быть правилен только один путь, одна научная школа и только один главный ученый, «корифей советской науки» – И.В. Сталин. В результате ученые утратили возможность творческого выбора. Истоки репрессивных акций сталинского режима по отношению к науке и ученым, как и по другим направлениям духовного производства, крылись в репрессивной природе советской культурной политики, базирующейся на монополии коммунистической идеологии.

В последующем политические репрессии, направленные против науки и творческой интеллигенции, стал набирать ускоряющиеся обороты. При этом, если в первые послеоктябрьские годы они были нацелены преимущественно на участников так называемых «контрреволюционных организаций», ученых обвиняли в антисоветской деятельности, то с начала 20-х годов в разряд потенциальных государственных преступников стали относить всех представителей «старой интеллигенции», «буржуазной профессуры», являвшихся в глазах новой власти «классово-чуждыми» элементами.

20-е годы стали временем становления в советском государстве новой, «социалистической» науки. Первоначально в границах этой формирующейся науки еще наблюдался определенный плюрализм мнений. Вместе с тем все зримее проявлялась авторитарная государственно-охранительная тенденция, сопровождавшаяся возрастающим вмешательством партии и государства в научную сферу. В результате высокая оценка марксизма как общественной теории и метода познания, свойственная политическому руководству страны, стала перерастать в претензию на монопольное владение ис-

тиной, на безупречность всех положений коммунистического учения.

Существенно усилились деформационные процессы в научной сфере вслед за укрепленными во властных структурах позиций сталинской администрации. Встав у руля управления страной, И. Сталин утвердил жесткий идеологический контроль за конкретной научной мыслью, особенно над обществоведческими науками. Идеологические концепции, которые одобрялись «верхами», должны были соответствовать не объективной истине, а прагматическим целям сталинской политики, «борьбе за социализм».

Протекающие в общесоюзном масштабе процессы динамичного нарастания в 20–30-х годах бескомпромиссной борьбы на идеологическом фронте, совмещаемой с преследованиями ученых, находили зеркальное отражение в Узбекистане.

В целом за прошедшие годы в развитии отечественной науки обозначились определенные положительные изменения. После образования Узбекской ССР правительство Узбекистана предприняло активные усилия по расширению корпуса научных работников, созданию необходимых материальных и организационных предпосылок по налаживанию обширной научно-исследовательской работы в интересах экономического и культурного подъема, роста благосостояния народа. В результате выросла целая плеяда талантливых ученых, зародились национальные научные школы в различных отраслях научного производства.

Однако этот объективно значимый процесс оказался серьезно деформирован сталинским произволом, вылившимся в акции политических гонений и репрессий, которые затронули судьбу многих талантливых представителей научной интеллигенции Узбекистана.

Наступление против научных сил республики предпринималось сталинским руководством по общесоюзному сценарию, но имелись свои специфические особенности. В Узбекистане в системе образования, таки в науке на передний план выступила борьба с «буржуазным национализмом». Стремясь с корнем вырвать чаяния широких народных масс о свободном национально-государственном самоопределении, подавить национальное самосознание узбекского народа, правящие союзные верхи развернули, прежде всего, кампанию политического террора, нацеленную на уничтожение «враждебной делу социализма националистической идеологии и ее носителей».

Вследствие чего приоритетное значение придавалось отформовке «марксистского исторического сознания», политической «нейтрализации» ученых, отстаивающих идеи свободы, рассказывающих в своих исследованиях о богатом духовном наследии среднеазиатских народов, их неустанной борьбе за право самим определять свою историческую судьбу. Именно поэтому в зоне повышенного внимания оказались востоковедение и историческая наука, а также и исследователи, стремившиеся донести до широких масс правду о великом прошлом и настоящем, связанным с социалистической действительностью.

Таким образом, вышесказанное позволяет понять систему связи политики и идеологии в тоталитарном государстве и обществе, враждебном высшим гуманным ценностям.

С провозглашением государственного суверенитета открылись широкие возможности динамичного поступательного развития, выхода республики на авангардные рубежи исторического прогресса. Освободившись от былой идеологической зашоренности, бытовавшей в сфере образования, науки и духовного производства в целом научная и творческая интеллигенция Узбекистана активно участвует в преобразовательных процессах. Сегодня узбекскому народу возвращена историческая память, реабилитированы жертвы политических репрессий тоталитарного времени, плодотворная работа осуществляется по духовно-нравственному совершенствованию, интеграции нашей страны в мировое научно-культурное пространство. Возрождение национальной духовности, глубинные изменения во всех областях общественной жизни служат прочным залогом духовно-культурного прорыва устремленного в будущее независимого Узбекистана.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Произведения Президента Республики Узбекистан Каримова И.А.

1.1. Каримов И.А. Узбекистан: Национальная независимость, экономика, политика, идеология. Собр. соч. Т. 1. – Ташкент: Узбекистан, 1996. – 349 с.

1.2. Каримов И.А. Наша цель: свободная и процветающая Родина. Собр. соч. Т. 2. – Ташкент: Узбекистан, 1996. – 380 с.

1.3. Каримов И.А. Родина священна для каждого. Собр. соч. Т. 3. – Ташкент: Узбекистан, 1995. – 348 с.

1.4. Каримов И.А. По пути созидания. Собр. соч. Т. 4. – Ташкент: Узбекистан, 1996. – 349 с.

1.5. Каримов И.А. Мыслить и работать по-новому – требование времени. Собр.соч. Т. 5. – Ташкент: Узбекистан, 1997. – 384 с.

1.6. Каримов И.А. По пути безопасности и стабильного развития: Собр. соч. Т. 6.– Ташкент: Узбекистан, 1998. – 413 с.

1.7. Каримов И.А. Свое будущее мы строим своими руками. Собр. соч. Т.7. – Ташкент: Узбекистан, 1999. – 410 с.

1.8. Каримов И.А. Свое будущее мы строим своими руками. Собр. соч. Т.7. – Ташкент: Узбекистан, 1999. – с. 128–152.

1.9. Каримов И.А. Наша высшая цель – независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа. Собр. соч. Т.8. – Ташкент: Узбекистан, 2000. – 512 с.

1.10. Каримов И.А. За процветание Родины – каждый из нас в ответе Собр. соч. Т.9. – Ташкент: Узбекистан, 2001. – 492 с.

1.11. Каримов И.А. Хавфсизлик ва тинчлик учун курашмоқ керак. Т.10. – Т.: Ўзбекистон, 2002. – 432 б.

1.12. Каримов И.А. Биз танлаган йўл – демократик тараққиёт ва маърифий дунё билан ҳамкорлик йўли. Т.11. – Т.: Ўзбекистон, 2003. – 320 б.

1.13. Каримов И.А. Мирная жизнь и безопасность страны зависят от единства и твердой воли нашего народа. Собр. соч. Т. 12. – Ташкент: Узбекистан, 2004. – 400 с.

1.14. Каримов И.А. Узбекский народ никогда и ни от кого не будет зависеть. Собр. соч. Т. 13. – Ташкент: Узбекистан, 2005. – 264 с.

1.15. Каримов И.А. Инсон, унинг ҳуқуқ ва эркинликлари – олий қадрият. Т.14. – Ташкент: Ўзбекистон, 2006. – 280 б.

1.16. Каримов И.А. Либерализация общества, углубление реформ, повышение духовности и уровня жизни народа – критерий и цель всей нашей деятельности. Собр. соч. Т. 15. – Ташкент: Узбекистан, 2007.– 208 с.

1.17. Каримов И.А. Мамлакатни модернизация қилиш ва иқтисодийтимизни барқарор ривожлантириш йўлида. Т.16. – Ташкент: Ўзбекистон, 2008. – 368 б.

1.18. Каримов И.А. Ватанимизнинг босқичма-босқич ва барқарор ривожланишини таъминлаш – бизнинг олий мақсадимиз. Т.17. – Ташкент: Ўзбекистон, 2009. – 280 б.

1.19. Каримов И.А. Юксак маънавият – енгилмас куч. – Тошкент: Маънавият, 2008. – 174 б.

1.20. Каримов И.А. Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране. Доклад на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан. Ташкент, 12 ноября 2010г.

1.21. Каримов И.А. Узбекистон мустақилликка эришиш остонасида.- Тошкент: Узбекистон, 2011. – 440 б.

2. Официально-нормативные материалы, сборники, публикации документов

2.1 Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 16 декабря 1996г. «О создании новой истории Узбекистана».

2.2. Постановление Кабинета Министров «О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан» от 27 июля 1998г..

2.3. Распоряжение Президента Республики Узбекистан «Об увековечении памяти жертв репрессий в Узбекистане» от 12 мая 1999 г.

2.4. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «Об увековечении памяти патриотов, отдавших жизнь за свободу Родины и народа» от 22 июля 1999 г.

2.5. Указ Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова. «Об установлении дня поминовения жертв репрессий» от 1 мая 2001 г.

2.6. Бертан Рассел, Петр Капица и ЦК КПСС. Документы из фондов ЦХСД 1956 //Исторический архив. – М., 1995. –№ 1. –С.134–142.

2.7. «Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. //Отечественные архивы. – М., 2003. –№ 1. –С.65–96.

2.8. «Просьба как можно быстрее разобрать мое дело» // Отечественные архивы. – М., 2006. –№ 6. – С.101–110.

3. Архивные материалы

3.1. ЦГА РУз, Ф.Р–837, опись 38, дело 27. Постановления Совета Министров УзССР об издании литературы в республике. О мерах по улучшению библиотечного дела в Узбекской ССР.

3.2. ЦГА РУз, Ф.Р–837, опись 33, дело 3127. О состоянии культурно-просветительской работы в Узбекской ССР.

3.3. ЦГА РУз, Ф.Р–837, опись 32, дело 3191. Проекты постановления СНК УзССР.

3.4. ЦГА РУз, Ф.Р–837, опись 33, дело 3128. Материалы Совета Министров УзССР.

3.5. ЦГА РУз, Ф.Р–837, опись 33, дело 3127. Постановления Бюро Центрального Комитета КП(б) Узбекистана.

3.6. ЦГА РУз, Ф.Р–837, опись 38, дело 27. Постановления Совета Министров УзССР за 1951 год.

3.7. ЦГА РУз, Ф.Р–837, опись 32, дело 3191. Проекты постановления СНК УзССР.

3.8. ЦГА РУз, Ф.Р–93, опись 10, дело 963. Постановления НКФ УзССР.

3.9. ЦГА РУз, Ф.Р–94, опись 5, дело 14. Материалы Главполитпросвета по антирелигиозной пропаганде.

3.10. ЦГА РУз, Ф.Р–94, опись 5, дело 23, 24. Материалы Ташгорсовета.

3.11. ЦГА РУз, Ф.Р.- 94, опись 5, дело 313. Материалы по клубной и просветительской работе Главполитпросвета.

3.12. ЦГА РУз, Ф.Р-94, опись 5, дело 1472. Материалы Наркомпроса.

3.13. ЦГА РУз, Ф.Р-94, опись 5, дело 840. Материалы Ташгорсовета по музеям и библиотекам.

3.14. ЦГА РУз, Ф.Р-94, опись 5, дело 2014. Материалы Совнаркома УзССР и ЦК КП(б) Уз.

3.15. ЦГА РУз, Ф.Р-94, опись 5, дело 2715. Материалы Наркомпроса по библиотечному делу.

3.16. ЦГА РУз, Ф.Р-94, опись 5, дело 2715. О состоянии культурмассовой работы и библиотечного дела.

3.17. ЦГА РУз, Ф.Р-94, опись 5, дело 1201. Постановления Совета Народных Комиссаров.

3.18. ЦГА РУз, Ф.Р-94, опись 5, дело 1887. Приказы, инструкции и циркуляры по вопросам кадров науки, вузов, втузов, техникумов и рабфаков СНК СССР.

3.19. ЦГА РУз, Ф.Р-94, опись 5, дело 1792. Циркуляры Наркомпроса.

3.20. ЦГА РУз, Ф.Р-94, опись 5, дело 1463. Протоколы библиотечно-архивной комиссии Комитета науки при ЦИК УзССР.

3.21. ЦГА РУз, Ф.Р-94, опись 5, дело 1472. Документы Наркомпроса.

3.22. ЦГА РУз, Ф.Р.-34, опись 1, дело 2009. Материалы Туркглавполит-просвета.

3.23. ЦГА РУз, Ф.Р-93, опись 3. дело 963. Материалы Госбиблиотеки.

3.24. Файзулла Ходжаев – бухарский путь в революцию Арапов А.В. На правах рукописи. Архив «СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ»

4. Монографии, брошюры, статьи

4.1. Абдуллаев Ш.Ш. Из истории развития культуры народов Узбекистана (1921–1932 гг.). – Ташкент, 1960.

- 4.2. Авторхонов А. Кремль салтанати. – Тошкент: Чулпон, 1993. – 97 б.
- 4.3. Абдухоликов С. Маданият тарихи ва унинг ассосий масаласи. – Тошкент, 1992.- 24 б.
- 4.4. Акилов К.А. Ленин и культурная революция в Узбекистане. – Ташкент: Ўқитувчи, 1972. – 158 с.
- 4.5. Акопов С. К вопросу об узбекизации аппарата и создании местных рабочих кадров промышленности Узбекистана // Революция и национальности -1931-№12-с 22-28;
- 4.6. Алимова Д.А. «Эмансипация» истории и ее проблемы в кн. История как история, история как наука. – Ташкент, 2008. – С.98.
- 4.7. Алимова Д.А., Голованов А.А. Узбекистан в 1917–1990 годы: противоборство идей и идеологии. – Ташкент: Фан, 2002 – 80с.
- 4.8. Алимова Д., Д. Рашидова. «Махмудходжа Бехбудий и его исторические воззрения» Т.; «Маънавият», 1998 ,40 с.
- 4.9. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы: Взаимоотношения Советского государства и религии. – М.: Политиздат, 1991. – 398 с.
- 4.10. Азадовский М., Оксман Ю. Переписка 1944-1954.// – М.: Новое литературное обозрение. М., 1998. – С.410-411.
- 4.11. Аринин В.И. Тень генералиссимуса: документальная повесть. – Архангельск: советские записки: книга 2, 1991. –155с.
- 4.12. Архивы раскрывают тайны. Сборник. – М.: Политиздат, 1991. – 381 с.
- 4.13. Атамуродов С.А. Национальное самосознание и интернациональное воспитание. – Ташкент: «Ўзбекистон», 1991. – 123 с.
- 4.14. Ата-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р. Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. - Ташкент, «Янги аср авлоди», 2011. – 252 с.
- 4.15. Ахмад Закий Валидий Тугон. «Бўлинганини бўри ер» Ташкент, «Адолат», 1997. – 278с.
- 4.16. Ахророва Х. Изларингни излайман. – Тошкент: Шарқ, 1998. – 175 б.

4.17. Ашуров У, Галузо П. Парторганизации Средней Азии в борьбе за ленинскую национальную политику//Партработник–1933–№78–С 32-38; /

4.18. Бабашев Ш. Каракалпакстан республикасы тарийхындагы сиясий курбанлар. (тарийхымыздын жазылмаган бетлери). Нукус, «Каракалпакстан», 2009.

4.19. Боту. Танланган асарлар. Ташкент, «Шарк», 2004, С.129.,

4.20. Баракаев Ж.Б. Развитие культуры Узбекистана за годы советской власти. – Ташкент, «Фан», 1984. – 218 с.

4.21. Бауман К.Я. К плану большевистской работы в Средней Азии// Партработник-1931–№7–87– С1–13;

4.22. Безбожники рисуют ислам: советская (анти)религиозная пропаганда в комментариях востоковеда .Лекция Владимира Бобровникова. Полная стенограмма лекции кандидата исторических наук, заведующего сектором Отдела стран СНГ Института востоковедения РАН Владимира Бобровникова в рамках проекта «Публичные лекции. Полит.ру».

4.23. Блок М. Апология истории или Ремесло историка. – М.:Наука, 1986. –254 с.

4.24. Бокий Н. Қатлнома. Хужжатли қисса. –Тошкент: Адабиёт ва санъат, 1992. – 207 б.

4.25. Боннер Е.Г. Звонит колокол...: Год без Сахарова.– М.: ПИК,1991.–131 с.

4.26. Борин А.Б. Закон и совесть: за кулисами известных событий (О судебной практике во времена культа личности). – М.:Политиздат, 1991. –285с.

4.27. Боффа, Джузеппе. История Советского Союза: в 2-х т. Т.2.: (пер. с итал.).– М.: Международные отношения, 1990. – 623 с.

4.28. Бугай Николай. Депортация народов//Война и общество, 1941-1945 книга вторая.- М.: Наука, 2004. – С. 21–22..

4.29. Бугай Н.Ф. Реабилитация (XX – начало XXI века). –М.: Политиздат, 2006. – 463 с.

4.30. Буранов К.Б. Диалектика развития социалистической культуры. – Ташкент: «Узбекистон», 1974. – 201с.

4.31. Валиев А.К. Октябрь, культура, интеллигенция. – Ташкент. «Узбекистон», 1977. – 199с.

4.32. «В слове сила». Языковая политика СССР в 20 – 30-е годы. –М. «Наука», 2008. – 406с.

4.33. Возвращенные имена: О репрессированных в годы культа личности Сталина в Башкирии. –Уфа, Башкирское книжное из-во, 1991. – 287 с.

4.34. Возвращение памяти: (историко-публицистический альбом. Составитель Павлова И.В.). – Новосибирск, Книжное из-во, 1991. – 227с.

4.35. Восстанавливая правду истории. Сб. ст. Ин-т партии при ЦК КП Молдавии–филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС // Ред. В.Д. Исааков Кишинев: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1990.- 228с.

4.36. Войтоловская А.Л. По следам судьбы моего поколения. – Сыктывкар: Комиkn., 1991. – 334с.

4.37. Веселая З.А. Воспоминания. – М.: Московский рабочий, 1990. –88 с.

4.38. Возвращенные имена. Сб. публицист. ст.: В 2 кн. 1 кн. – М.: Агентство печати «Новости», 1989. –334 с.; Кн. 2. 1989. –318 с.

4.39. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: полит. портрет И.В. Сталина. В 2- кн.кн.2. –М.: Агентство печати «Новости», 1989; Кн. 2. Ч.1. 1989. – 448 с.

4.40. Волобуев О.В., Кулешов С.В. Очищение: История и перестройка. Публицистические заметки. – М.: Агентства печати «Новости», 1989. –284 с.

4.41. Галузо П. О школах республик Средней Азии. Две речи на культпропсовещаниях с прим. решений ЦК ВКП(б) и Средазбюро ЦК ВКП(б) о школах. – М. –Ташкент: САОГИЗ, 1933. – 63 с.

4.42. Галузо П. Классовая борьба за школу и красную чайхану: (Речь, произнесенная на Средаз.парткультсовещании 29.04.33 г.) // Партработник, 1933. – 7–8. –С.23–31;

4.43. Георгиадия. 16 лет ленинской национальной политики // Просвещение национвльностей-1933-№6– С 1–5

4.44. Гинзбург Е.С. Крутой маршрут: хроника времен культа личности. – М.: Советский писатель, 1990. –601 с.

4.45. Гинзбург Е.С. Крутой маршрут: хроника времен культа личности. В 2-х кн. Т.2.- Рига: ЦК КП Латвии; Творч. фотостудия Союза журналистов Латв. ССР «Курсив», 1989. –347 с.

4.46. Германов В.А. Историки Туркестана в условиях политического террора 20-30-х годов. –Ташкент: АНРУз, институт истории, 2000. – 40с.

4.47. Германов В.А. Профессор Пулат Салиев и его врем . –Ташкент: Фан, 2002. – 164 с.

4.48. Голицин С.М. Записки уцелевшего. – М.: Орбита, 1990. –371с.

4.49. Головков А.Э. Вечный иск: Очерки. – М.: Правда, 1989. –45с.

4.50. Голованов А. Тоталитарно-репрессивная природа коммунистической идеологии // Ўзбекистон тарихи: Янги нигоҳ. Жадидалар ҳаракатида миллий мустақилликка қадар. – Тошкент, 1998.

4.51. Гордон Д.А., Клонов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. – М.: Политиздат, 1989. –318 с.

4.52. Гофуров Ғ., Хакимов Н., Алиев Б. Маданият ва жамият. – Тошкент : Ўзбекистон, 1993. – 96 б.

4.53. Гулямова М. Из истории формирования узбекской советской интеллигенции (1933–1937). – Ташкент: Ўзбекистон, 1962. – С.96.

4.54. Доднесь тяготееет. Воспоминания, дневниковые записи, стихотворения узников тюрем и лагерей (20–50-е годы). – М.: Советский писатель, 1989. – 587с.

- 4.55. Емельянов Г.П. Файзулла Ходжаев и создание Узбекской ССР. – Ташкент: Еш гвардия, 1973. –20 с.
- 4.56. Ефимов И. И. Не сотвори себе кумира. –Л.: Лениздат, 1990–429 с.
- 4.57. Ефимкин А.П. Дважды реабилитированные: Н.А. Кондратьев, Л.Н. Юровский. –М.: Финансы и статистика, 1991. – 220 с.
- 4.58. Выпуск третий, Жертвы большого террора из Узбекистана. 1937 год, ноябрь (составители: Шамсутдинов Р.Т., Абдуллаев М., Дусматов Э.П., Курбанов Х.Р.- Ташкент, Шарк 2008, – С.537.
- 4.59. Жженов Г.С. Омчакская долина. Воспоминания. – М.: Правда. –63 с.
- 4.60. Завещание. Воспоминания уральцев- жертв культа личности Сталина. Сост. Ю.А Дороков, В.Н Черных –Свердловск, 1989. – 252 с.
- 4.61. Заря Советского правосудия. Сост. Геллерих М. –Лондон, 1991. – 262 с.
- 4.62. Звенья. Исторический альманах. Всесоюзное ист. просветительское об-во «Мемориал» Вып. 1. –М.: Прогресс, 1991. –618 с.
- 4.63. Зевелев А.И. Из истории утверждения единовластия Сталина. –М.: Знание, 1989. –61с.
- 4.64. Зеленский И. Итоги пленума Средазбюро ЦКРКП(б)// Красный рубеж -1925–№3 с3–13.
- 4.65. Из тайников спецхранов. Очерки о репрессиях 20–50–х гг. в Новгородской обл. –Л.: Лениздат, 1991. –127 с.
- 4.66. Икрамов А. Основные задачи культурного строительства в Узбекистане (1924–1932 гг) // Узбекистан ко 2-й пятилетке. – М.-Ташкент, 1933. – С.34–61.
- 4.67. Иметь силу вспомнить. Рассказы тех, кто прошел ад репрессий. Сост. Л.М Гурвич. –М.: Московский рабочий, 1991. –367 с.
- 4.68. Ишанов А.И. Файзулла Ходжаев. Очерк жизни и деятельности. – Ташкент: Узбекистан, 1972. –74 с.

4.69. Ишанходжаева З.Р. Красный террор и расстрелянные библиотеки Ташкента // УзМУ хабарлари, - Ташкент, 2000, - №4. – стр. 25-28.

4.70. Ишанходжаева З.Р. К вопросу о влиянии репрессивных акций тоталитарной системы на культурно-духовную жизнь Узбекистана // Узбекистонда ижтимоий фанлар, - Ташкент, 2002, - № 5. – стр.27-30

4.71. Ишанходжаева З.Р. Некоторые аспекты исследования воздействия репрессивных акций советской тоталитарной системы на культурно-духовную жизнь Узбекистана. // Вестник Кыргызского Национального Университета им. Ж. Баласагына, - Бишкек, 2002, №1, выпуск 2. – стр. 160-163.

4.72. Ишанходжаева З.Р. Репрессивная практика командно-административной системы управления, как инструмент деформации народов Узбекистана (1917-1930 гг.) Алматы, 2003, Казахский Национальный Университет им. Аль-Фараби, № 3.- стр. 20-24.

4.73. Ишанходжаева З.Р. Маданий-маърифий муассасалар ходимларининг қатағон қилиниши. «Жамият ва бошқарув» илмий-сиёсий, ижтимоий-иқтисодий маънавий-тарихий журнал, - Тошкент, 2003. - № 3, стр.

4.74. Ишанходжаева З.Р. Подготовка архивных кадров в Узбекистане // Отечественные архивы. Научно-практический журнал - Москва, 2004. - № 1, стр.

4.75. Ишанходжаева З.Р. Наука, научная интеллигенция и власть в Узбекистане 40-х -50-х гг. XX в. // Вестник, Каракалпакской Отделения Академии наук РУз - Нукус, 2003. стр. 84-86.

4.76. Ишанходжаева З.Р. Кутубхоналар билан «жанг» // «Хаёт ва конун» - Ташкент, 2004.-№ 5, стр.52.

4.77. Ишанходжаева З.Р. Время и судьбы Гуляма Зафари. // УзМУ хабарлари Тошкент, 2004. - № 4, стр. 91-92.

4.78. Ишанходжаева З.Р. «Культурная» политика советского тоталитарного государства и её отражение в Узбекистане (30-е гг. XX вв.). // УзМУ хабарлари Ташкент, 2006.- №4.

4.79. Ишанходжаева З.Р. Политика большевиков в духовной сфере в Узбекистане (20-30-е гг.) // УзМУ хабарлари Ташкет, 2008. - № 2.

4.80. Ишанходжаева З.Р. Подготовка профессиональных архивистов в республике Узбекистан в постсоветский период. // Отечественные архивы. Научно-практический журнал - Москва, 2008. - №6. стр. 87.

4.81. Ишанходжаева З.Р. Культурно- просветительская работа в Ташкенте (страницы истории 30_х годов XX века.)// УзМУ хабарлари Махсус сон, Ташкент, 2009, - № 1 стр. 81.

4.82. Их называли К.Р.: Репрессии в Карелии 20–30-х гг. Сборник. Сост. А. Цыганков. 1992. – 334с.

4.83. Кадыров И.К. Народное образование в Узбекской ССР (1917-1955 гг.). –Ташкент: Уздавнашр 1961.- 74с.

4.84. Кадыров И.К. Народное образование советского Узбекистана. –Ташкент: Госиздательство, 1964.- 84с.

4.85. Каган С. Кремлевский волк. Перевод с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 478 с.

4.86. Календарь знаменательных и памятных дат Независимой Республики Узбекистан на 2005 год / Сост. О.В. Колповская; Ред.: И. З. Маминава; Национальная библиотека Узбекистана им. А.Навои; Отд.нац. библиографии. – Ташкент: Нац.б-ки Узбекистана, 2005. – 62с.

4.87. Каримов Н. Истиклолни уйготган шоир. Ташкент «маънавият»; 2000, с.88

4.88. Картель И. и др. Пока дышу, надеюсь. – Кемерово, 1991. –327 с.

4.89. Кары-Ниязов Т.Н. Социалистическая культура узбекского народа. –Ташкент: Госиздат УзССР, 1949. –78 с.

4.90. Караханов М. Культура советского Узбекистана. – Ташкент, Уздавнашр 1957.- 116с.

4.91. Каримов Н. Курбан Берегин кисмати. Ташкент, А.Навои номидаги Узбекистон Миллий Кутубхонаси, Ташкент, 2006.ю С.112;

- 4.92. Каримов Р.А. Партийное руководство развитием культуры Узбекистана; -Ташкент: Узбекистан, 1982. – 254 с.
- 4.93. Касперович Э.А. Спецпереселенцы. – Минск, 1991. -112 с.
- 4.94. Катагон курбонлари (1937 йил, 10 август– 5 ноябр). Иккинчи китоб, Шарк, Ташкент, 2007, с. 496. «Репрессия» 1937–1938гг.
- 4.95. Катагон курбонлари, Хотира (Бухоро вилояти). Бухоро, 2009 г.
- 4.96. Катанян Р. Против Касимова , против касимовщины: (речь гос. обвинителя по делу судебных работников Узбекистана) – Т: Узгосиздат, 1931-125 с.
- 4.97. Катынская драма: судьба интернированных польских военнослужащих. Сб. Ред. О.В. Яснов. – М.: Политиздат, 1991. –200 с.
- 4.98. Кекушев Н.Л. Звериада. Воспоминания. – М.: Юридическая литература. 1991. – 173 с.
- 4.99. Киселев И. Против бога и религии// За партию-1928-№1-с 84-86;
- 4.100. Климович Л. Наследство и современность. – М.: Наука, 1975. –415 с.
- 4.101. Колочая правда. Документальные рассказы, очерки и воспоминания о судьбах дальневосточников/ Ред. М.Шмакова. – Хабаровск: Хабаровский университет, 1990. –141 с.
- 4.102. Қор қўйнидаги лолалар (қатагон этилган аёллар ҳақида очерклар) Тошкент, «Академия» 2001, с.213;
- 4.103. Книга памяти жертв политических репрессий в СССР. – Санкт-Петербург: Паритет, 2004. –335 с.
- 4.104. Красная милиция. – М.: Госиздат, 1925. –120 с.
- 4.105. Кретьова О.К. Встречи сквозь годы. Невыдуманные рассказы. – Воронеж, Университет,1991. –94 с.
- 4.106. Копелев Л.З. Хранить вечно. – М., СП «Вся Москва», 1990. – 687с.
- 4.107. Конквест Р. Большой террор. – М.: Рокстниекс, 1991г. – 416 с.

- 4.108. Козы С. Бухарин. Политическая биография. – М.: Прогресс, 1989. – 570 с.
- 4.109. Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930–1936. – М.: Мосгосархив, 1995. – 175 с.
- 4.110. Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
- 4.111. Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов. Перевод с финского. – Петрозаводск: Петрозаводской институт, 1991. – 240 с.
- 4.112. Ларина А.М. Незабываемое. О Н.И. Бухарине. – М.: АПН, 1989. – 367 с.
- 4.113. «Ленинградское дело». Сб. Составитель В.И. Демидов. Кутузов В. – Л.: Лениздат, 1990. – 411 с.
- 4.114. Лифшиц М.»Позитивная эстетика А.В. // Собрание сочинений в трех томах. – М.: Изобразительное искусство, 1988. – Том III – С.213 – 228.
- 4.115. Лихачев Д.С. Я вспоминаю. – М.: Прогресс, 1991. – 253 с.
- 4.116. Лонге Жан, Зильбер, Георгий. Террористы и охрана. Революционный террор в России во 2-й половине XIX – начале XX века. – М.: Советская Россия, 1991. – 207 с.
- 4.117. Лимонов Н.С. Противостояние. – М.: Политиздат, 1991. – 207 с.
- 4.118. Луначарский А. В. Об изобразительном искусстве. Т.1,2. Т.1. – М.: Искусство, 1982. – 511 с.
- 4.119. Маврулов А.Д. Время духовного оздоровления. – Ташкент: Узбекистон, 1992. – 76 с.
- 4.120. Мазур Д.П. Наказание без преступления. Записки реабилитированного. – Краснодар: книжное издательство, 1992. – 413 с.
- 4.121. Макаренко. В.П. Бюрократия и сталинизм. – Ростов на Дону: Рост Ун-т, 1989. – 362 с.
- 4.122. Мальсагов С. Адские острова. Советская тюрьма на Дальнем Севере. Перевод с англ. – Алма-Ата. Агентство печати «НБ-Пресс», 1990. – 128 с.

4.123. Мильчаков А.И. Молодость светлая и трагическая. – М.: Московский рабочий, 1988. –159 с.

4.124. Мирзаев И.А. Человеческий фактор и художественное мышление. –Ташкент: Фан, 1990. – 85 с.

4.125. Мирзаев С., Шермухамедов С. Хозирги замон ўзбек адабиёти тарихи. –Ташкент: Ўзбекистон, 1993. – 422 б.

4.126. Мозохин О. ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. – М.: Яуза; Эксмо, 2004.– 448 с.

4.127. Мухитдинов Н. Годы, проведенные в Кремле. Воспоминания ветерана войны, труда и Коммунистической партии, работавшего со Сталиным, Маленковым, Хрущевым, Брежневым, Андроповым. В 2-х книгах. – Ташкент: А. Кадыри. 1994. – 320с.

4.128. Назвать поименно. Свидетельствуют жертвы и очевидцы сталинского террора. Сб./ Сост. Хазанов М.А. –Горький, 1990. –158 с.

4.129. Наше Отечество. Опыт политической истории. – М.: Терра, 1991.–С.619.

4.130. Нишанов М.Н. Обновление духовной жизни нации. – Ташкент: Фан 1992. – 106 с.

4.131. Пулатов Х.П. Культурно-воспитательная деятельность советского государства в Узбекистане. –Ташкент: Госиздат УзССР, 1959. – 142с.

4.132. Они не молчали. О сопротивлении в годы культа личности Сталина. Сб./ Сост. А.В.Афанасьев – М.: Политиздат, 1991.–446 с.

4.133. Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. – М. «Автор», 1991. – 351с.

4.134. Осколков Е.Н. Хлебозаготовки и голод 1932/1933г. в Северо-Кавказском крае – Ростов: Ростовского ун-та, 1991.

4.135. Осмыслить культ Сталина. Сб. Ред.Кобо Х. –М.:Прогресс, 1989.–650 с.

4.136. Печальная пристань / Сост. Кузнецов И.Л. –Сыктывкар: Б.И., 1991. –416 с.

4.137. Писменный С. На борьбу с классовым врагом на идеологическом фронте // За партию – 1928–№10– С 15–21,

4.138. Поля И.Л. Оглянись со скорбью. История одной семьи. Документальная повесть. – Иркутск: иркутский университет, 1991. –191с.

4.139. Полян П. Не по своей воле. История и география принудительных миграции в СССР. – М.: Мемориал, 2001. –326 с.

4.140. Правда о ГУЛАГЕ. Свидетельствуют очевидцы / Сост. А.М. Меситов, Л.М. Москалева. – Тула: Б.И, 1991. –284 с.

4.141. Пулатов Х.П. Коммунизм, государство, культура, личность. – Ташкент: Узбекистан, 1971. – 341 с.

4.142. Разгон Л.Э. Непридуманное. Сб. – М.: Правда, 1988. –46 с.

4.143. Реабилитация народов и граждан (1954–1994 гг.)/ Ред. Алиев И. –М., 1994. –304 с.

4.144. Реабилитация. Политические процессы 30–50-х гг. Сб. Сост. И.В. Курилов и др. – М.: Политиздат, 1991. – 460 с.

4.145. Реабилитирован посмертно. Сб.вып 1–2. Сост. Карманов Ф.А., Панов С.А. 2-е издание. – М.: Юрид.мет., 1989. –547 с.

4.146. Реабилитирован посмертно. Сб. В 2-х вып. Вып.1 / Сост. Ф.А. Карманов, С.А. Панов – М.: Юрид.мет., 1988. –511с.; Вып.2., 1988. –367 с.

4.147. Режим личной власти Сталина. Ред. Кукушкина Ю.С. –М.: МГУ, 1989. –157с.

4.148. Репрессия. 1937–1938 годы. Документы и материалы. Выпуск I. –Ташкент: Шарк, 2005. – 285 с.

4.149. Репрессия. 1937–1938. Документы и материалы. Вып. 4. –Ташкент, 2008. – 573 с.

4.150. Репрессированное поколение крымско-татарских общественно-политических деятелей науки и культуры // Материалы международной научной конференции 28–29 мая 1999 г. – Симферополь, 1999. – С.61-63

4.151. Ротфорт М.С. Колыма–круги ада. Воспоминания. Екатеринбург: Уральский рабочий, 1991. –102 с.

- 4.152. Рютин М.Н. На колени не встану. – М.: Политиздат, 1992. 351с.
- 4.153. Симсонов И.М. Знать и помнить. – М.: Политиздат, 1988. –367с.
- 4.154. Сандлер А. Узелки на память. Записки реабилитированного. –Магадан: Б.И. 1988. – 94с.
- 4.155. Сандлер А.С., Этлис М.М. Современники ГУЛАГА. Воспоминания и размышления. – Магадан: Б.И. 1991. – 557с.
- 4.156. Сафаров Р.А. По долгу памяти. Штрихи к портрету видных деятелей Узбекистана. – Т.: Узбекистан, 1991. –188 с.
- 4.157. Серебрякова Г. Избранные произведения. Файзулла Ходжаев. В 2-х т. Т.2. – М.: Наука, 1975. Т 2.–288 с.
- 4.158.Симонов К.М. Глазами человека моего поколения: Размышления о Сталине. – М.: Агентство печати «Новости», 1988. –478 с.
- 4.159. Сирожиддин Ахмад. Каюм Рамазоннинг ушалмаган орзулари. Ташкент, А. Навоий номидаги Миллий Кутубхонаси, 2005.
- 4.160. Смерч. О В.А.Трифонове, Г.Я.Сокольникове, М. Н. Рютине.–М.: ДОСААФ СССР, 1989. –397 с.
- 4.161. Советское общество и война. 1941-1945. – М.: Наука, 2001. –120 с.
- 4.162. Стецовский Ю. История советских репрессий. – М.: Знак, 1997, – 438с.
- 4.163. Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. Сост. Сенокосов Ю.П.. – М.: Политиздат, 1989. –510 с.
- 4.164. Сульянов А.К. Арестовать в Кремле: О жизни и смерти маршала Берия. Повесть. – Минск: Славяне, 1991. – 366с.
- 4.165. Сутурин А.С. Дело краевого масштаба. О жертвах сталинского беззакония на Дальнем Востоке. – Хабаровск: Хабаровский университет, 1991. –304 с.
- 4.166. Тарновский Г.С. и др. Куропаты: Следствие продолжается. – М.: Юрид. лит., 1990. –270 с.

4.167. Тарихнинг номаълум саҳифалари. Хужжат ва материаллар. Биринчи китоб. – Тошкент: Адабиёт ва санъат, 2009. – 223 б.

4.168. Тарихининг номаълум саҳифалари. Илмий маколалар. Иккинчи китоб, «Укитувчи», Ташкент – 2010, С.306;

4.169. Такер Р. «Сталин: Путь к власти. 1879–1929. История и личность. Пер. с англ. (Общ. ред. В.Я. Лельчука). – М.: Прогресс, 1991. – С.480.

4.170. Торжество ленинских идей культурной революции. – Ташкент: Узбекистон, 1970. – 378 с.

4.171. Тойнби А. Дж. Постигение истории. М.: Айрис – Пресс, 2001. – 521 с.

4.172. Тиллаев Ч. О борьбе Файзуллы Ходжаева против фальсификаторов истории // Сборник. – Карши. Пединститут. Труды кафедры общественных наук. – Карши: КДПИ, 1970. – Вып.14. – С.267–270.

4.173. Турсунов И. Истиклолга интиланган калблар нидоси. – Ташкент, 1993.

4.174. Тумшис М. ВЧК. Война кланов. – М.: Эксмо, Яуза, 2004. – 544 с.

4.175. Трубецкой С.В. Минувшее. – М.: ДЭМ, 1991. – 328 с.

4.176. Трагедия среднеазиатского кишлака: коллективизация, раскулачивание, ссылка. 1929–1955 гг. Документы и материалы. Т.1–3. /Сост.: Р.Т. Шамсутдинов, Б. Расулов. Под ред. Д.А. Алимовой. – Ташкент: Шарк, 2006. – 656 с.; Т.2. – 494 с.; Т.3. – 351 с.

4.177. 317-й на Урале. О жертвах сталинских репрессий. Сб. ред. Адамова Л.Г. –Свердловск: свердловский университет, 1990. –304 с.

4.178. 1937-й и другие годы. – Воронеж: воронежский университет, 1990. – 286 с.

4.179. Усатюк А.Ф. Исповедь коммуниста. Рига. Автос., 1990. – 240 с.

4.180. Усманов К. Руководство компартии Узбекистана подготовкой и воспитанием кадров интеллигенции. – Ташкент: Фан, 1985. – 126 с.

- 4.181. Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира...— М.: Политиздат, 1991. —317с.
- 4.182. Файзулла Ходжаев / Сост. Н. Садыкова — Т.: Фан, 1977. —68 с.
- 4.183. Февр Л. Бои за историю — М.: Наука, 1991. —627 с.
- 4.184. Феофанов Ю. В. Бремя власти. — М.: Политиздат, 1990. —285 с.
- 4.185. Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости. — Ташкент: Узбекистан, 1996. — 186с.
- 4.186. Флагманы. Сборник воспоминаний о репрессированных флотоводах / Сост. А.П. Аристов —М.: Воениздат, 1991. — 281 С.
- 4.187. Қатағон курбонлари (1938 йил феврал — сентябр). Бешинчи китоб. — Тошкент: Шарқ, 2009.
- 4.188. Хасанов Б.В. Национальная интеллигенция Узбекистана и исторические процессы 1917 — начала 50-х годов. — Ташкент: Институт истории, 2000. — 286С.
- 4.189. Хлевнюк О.В. 1937-й. Сталин, НКВД и советское общество.— М.: Республика, 1992. —270 С.
- 4.190. Хнесинский П.В. Навстречу смерти. О политике Сталина накануне войны. — М.: Наука, 1991. — 212 с.
- 4.191. Хидоятлов Г. Национальный вопрос в СССР. — Ташкент: Узбекистан, 1991. — 304 с.
- 4.192. Хоскинг Д. История Советского Союза (1917—1991). — Смоленск: Русич, 2004. —490 с.
- 4.193. Холбоев С. Миллий университетнинг тарихий илдизлари ва ташкил топиши.— Тошкент: Шарқ, 2003. — 127 б.
- 4.194. Худойбергганов Н., Расулов А. Узбекская советская литературная критика. —Ташкент: адабиёт ва санъат, 1990. — 186 с.
- 4.195. Каримов Н. Хусайнхон Ниёзий — халк профессори, Ташкент, «Узбекистон Миллий Энциклопедияси».
- 4.196. Чориев А. Проблемы народного образования и подготовки педагогических кадров Узбекистана (вторая половина 20-х — 30-х гг.). — Ташкент: Фан, 1997. — 100с.

4.197. Чрезвычайщина. Из истории Омского Прииртышья 20–30-х гг. Сб. ред. Шумилев А.И. –Омск: Б.И., 1990. –115 с.

4.198. Шаг влево, шаг вправо.../ Беседы Н.Я. Эйдельмана с З.Н. Немцовой –М.: Правда, 1989. –61 с.

4.199. Шакулова В. С. Культурная революция и женский вопрос // Опыт КПСС в решении женского вопроса. М.: Мысль, 1981. – С. 77–102.

4.200. Шамсутдинов Р. Қатағон қурбонлари (1937 йил 10 август – 5 ноябр). Иккинчи китоб. – Тошкент: Шарқ, 2007. –495 б.

4.201. Шамсутдинов Р. Қишлоқ фожеаси: жамоалаштириш, кулоқлаштириш, сургун. – Тошкент: Шарқ, 2003. – 224 б.

4.202. Шамсутдинов Р.Т., Абдуллаев М., Дусматов Э.П., Курбанов Х.Р.- Ташкент, Шарқ 2008. – с.537,

4.203. Шарафутдинова Р. Школьное образование в Узбекской ССР (1917-1955 гг.).–Ташкент: академия наук УзССР, 1961. – 288 с.

4.204. Шарафутдинов О. Хакикатга садоқат. – Тошкент: Адабиёт ва санъат, 1989. – 415 б.

4.205. Шарип Бабашер. Жасыксыз жазаланган репрессия курбанлары. (Есталик китабы) 2007.;

4.206. Шафиков Г.Г. И совесть и жертвы эпохи. О выдающихся деятелях Башкирии. –Уфа: Б.И., 1991. –221с.

4.207. Шашков Н.И. Исторические корни деформации социализма. – Кишенев: Высшая школа, 1989. –193 с.

4.208. Шермухамедов С.Ш. Некоторые вопросы теории и практики развития социалистической культуры. – Ташкент: Узбекистан, 1980.

4.209. Шукрулло. Погребенные без савана. – Ташкент: Ёзувчи, 1995. – 160с.

4.210. Шерали Турдиев. Улар Германияда укиган эдилар, Ташкент, 2006, С. 266;

4.211. Трагедия среднеазиатского кишлака: коллективизация, раскулачивание, ссылка.1929–1955 гг. Документы и материалы. Т.

I-III (составитель Р.Т. Шамсутдинов, В.Расулов под редакцией Д.А. Алимовой), Ташкент, Шарк, 2006., Том I– 656с., том II– 494с., том III– 351с.;

4.212. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политическая литература, 1998. – 526 с.

5. Диссертации, авторефераты

5.1. Азимов А.Х. Таджикская журналистика в период культурной революции (1929-1940 гг.). Автореф. дис. докт. ист. наук. – Ташкент, 2009. -44 с.

5.2. Махкимова Н.Р. Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. –30-е годы XX в.). –Ташкент, 2009. -50 с.

5.2.Олимова Н. Н. Вклад Туракула Зехни в развитие таджикской науки и литературы. Автореф. Дисс. ...канд. филол. наук. – Душанбе, 2009. –26С.

5.3. Рахманов Т. Социально-культурное строительство в Узбекистане в 30-е годы: Опыт и проблемы: Автореф. дисс. ...канд. ист.наук. –Ташкент, 1994. – 24 с.

5.4. Табачник Д.В. Массовые репрессии против интеллигенции Украины во второй половине 30-х – начале 40-х годов. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. –Киев, 1992.–39 с.

5.5. Тиллаев Ч. Партийная и государственная деятельность Файзуллы Ходжаева (1914–1924 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. –Карши, 1972. –29 с.

5.6..Тиловатов Ф. У. Политика культурной революции советской власти в 20-30-е годы века и ее осуществление в Узбекистане: Автореф. дисс... канд. ист.наук. –Ташкент, 2009. –31 с.

5.7. Тургунбаева А. М. Формирование системы народного образования в период культурной революции в Киргизии (20–30-е годы XX века). Автореф. дисс... канд. ист.наук – Бишкек, 2008. –12 с.

5.8. Эргашева Ю.А. Культура Узбекистана: состояние, тенденции и проблемы развития (50-60-е годы): Автореф. дисс. ... д-ра. ист. наук. –Ташкент, 1998. – 56 с.

6. Периодическая печать (журналы, газеты)

6.1. Азларханов Т. Не враг, а слуга народа. О жизни ученого-языковеда Бахрама Хайдари в годы репрессий // Вечерний Ташкент, 1992, 15 июля.

6.2. Аксенов Ю.С. Послевоенный сталинизм: удар по интеллигенции //Бектавр. 1991. –№ 4,5,6. –С. 80–89; ЛЖС, 1992. –№ 4/41038.

6.3. Аллилуева К. В доме на Набережной. Воспоминания племянницы И. Сталина // Конец века, 1992. –№ 4. –С. 190–235.

6.4. Алтунянц С. ...И Улугбек сменил фамилию // Правда Востока, – 2000. – 8 дек.

6.5. Ампинский В. На заброшенных гробницах... О репрессиях периода культа личности Сталина // Юность, 1988. –№ 3.–С. 50–61.

6.6. Арестова Л. ... Но смерть отменить нельзя. О судьбах жертв сталинского режима // Россияне, 1992. –№ 3, 4. –С. 138–146; ЛЖС, 1992. –№ 24/73560.

6.7. Артемов В.А. Был ли СССР социалистическим государством? // Нестор. 1933. –С. 30–39; ЛИИС, 1933.–№ 41/84859.

6.8. Ахунбабаев Ю. Культурные достижения Узбекистана (за 14 лет). // Революция и национальности. 1932. –№ 1. –С.84–86.

6.9. Бадаш С. Письма в стихах из особых лагерей //Континент, 1991. –№ 67. – С.215–226; ЛЖС, 1992. –№ 9/25296.

6.10. Баранов А. Был скорым тот неправый суд. О реабилитации узбекистанцев, незаконно репрессированных в 30-е годы // Вечерний Ташкент, 1989, 6 июня.

6.11. Баранов А. Нет жертв безымянных. Список жертв сталинской эпохи – представителей интеллигенции, рабочих, дехкан // Правда Востока, 1989, 31 января.

6.12. Баранов А. Против хижин велась война. О реабилитированных г. Ташкента и Ташкентской обл. // Вечерний Ташкент, 1989, 5 мая.

6.13. Беляева Н. Рассказывает жена «врага народа» // Слово, 1992. – № 10. – С. 77–80; ЛИСС, 1993. – № 26 /49418.

6.14. Благородов А. Возвращение доброго имени. О работе пресс-группы КГБ УзССР по реабилитации жертв сталинско-бериевских репрессий. // Правда Востока. – 1989. – 1 июля.

6.15. Быстрова Л. Исчезнувший в пучине репрессий, или как в годы сталинщины из писателя сделали турецкого шпиона // Диалог. 1991. – № 10. – С. 31–83.

6.16. Ваксберг. А. Дело маршала Жукова. Неразорвавшаяся бомба. / Литературная газета, 1992, 5 августа.

6.17. Вернуть доброе имя... О работе КГБ УзССР по реабилитации жертв сталинских репрессий // Правда Востока. – 1990. – 2 мая.

6.18. Во имя справедливости. О ходе работы по реабилитации жителей Узбекистана // Правда Востока, 1989, 2 октября.

6.19. Вогман Г. Раны памяти // Правда Востока, 1989, 21 апреля.

6.20. Вопрос о «языке» // Известия. – 1922. – 11 апреля.

6.21. Ворошилов К. Как Климент Ефримович «настучал» на Семена Михайловича. Письма к Сталину И. от 1923 г. // Военно-исторический журн., 1993. – № 4. – С. 95–96; ЛИСС, 1933. – № 34 70/31.

6.22. 2-й Краевой съезд профессии остальных союзов Турк. Республики // Известия, 1920, 10 июля.

6.23. В партии восстановлены. Список реабилитированных решениями ЦК КП Узбекистана в 1989–1990 гг. // Партийная жизнь: Ташкент, 1990. – № 8–9. – С. 190–191.

6.24. Галузо П. Классовая борьба за школу и красную чайхану: (Речь произнесенная на Средаз парткульсовещании 29.04.33 г.). // Парработник. М. 1933. – № 7–8. – С. 23–31.

- 6.25. Геворкян Н. Встречные планы по уничтожению собственного народа. // Московские Новости. 1992. – 21 июня.
- 6.26. Георгиевский А.С., Шалаев Н.Ф. Репрессии против руководителей медицинской службы Красной Армии в 30-е годы // Военно-медицинский журнал, 1992. – № 1. – С. 73-78; ЛЖС, 1992. – № 18/54077.
- 6.27. Германов В. Трагедия узбекского ученого Пулата Солиева // Народное слово. – 1992. – 8 июля.
- 6.28. Германов В., Маджи С. Георгий Сафаров против Иосифа Сталина. // Народное слово. 1991. – 16 окт.
- 6.29. Гордеев Г. За что. Фрагменты. Зверства ГУЛАГа. // Дружба народов. М., 1991. – № 7. – С. 227-234; ЛЖС, 1992. – № 2/6617.
- 6.30. Городецкий В. Расстрелянная Ясная. По следам дела № 17185. О репрессиях основателей и смотрителей музея-заповедника Ясная Поляна // Ясная Поляна, М., 1993. – № 1. – С. 158–169; ЛИИС. – № 31/61935.
- 6.31. Грановская А. Арест // Нева, М., 1991. – № 9. – С.327–331; ЛЖС 1991. – № 12/34531.
- 6.32. Гребенюк И. Из забвения. О Сокольникове, командующем Туркес-танским Фронтом в 1920 г. // Правда Востока, – 1989. - 17 февраля.
- 6.33. Гребенюк И. Имя, возвращенное людям /Ташкентская Правда, 1989. – 14 – фев.
- 6.34. Замятина. Т. Иосиф Сталин. Виновных судить ускоренно. Приговор – расстрел // Известия. – 1992. – 11 июня.
- 6.35. Громов В. Сталин: пути эстетического утилитаризма // Вопросы литературы. – М., - 1992. Вып. 1. – С. 97–129; ЛИСС, 1993/4 6458.
- 6.36. Давидянц А. По суровым законам кого-то // Журналист. – М., 1988. – № 12. – С. 69–74; ЛЖС, 1989. 20/67722.
- 6.37. Дугин А. Неизвестные документы о репрессиях 30–50-х годов. По фондам ЦГАОР // Проблемы и факты. – М., 1992. – С.69–87; ЛЖС, 1992. – № 38/ 117231.

- 6.38. Даулетмуратов А. Сгоревший в огне репрессии. К 100-летию О.Бокилбетова // Вести Каракалпакистана, 1997, 11 марта.
- 6.39. Два слова о школе // Известия. – 1922. – 4 ноября.
- 6.40. Елин Л. Англичане в Бутырке. О судьбах англичан в сталинских лагерях в 1940–1941 гг. // Новое время. – М., 1992. – № 3. – С. 30–33.
- 6.41. Елин Л. 53 налога и два свидетеля. О принятии решения о расстреле польских офицеров весной 1940 г. // Новое время. – М., 1991. – № 42. – С. 32–35; ЛЖС, 1992. – № 2/3571.
- 6.42. Емельянов Ю. Был ли заговор Тухачевского? // Слово. – М., 1991. – № 12. – С. 8–11; ЛЖС, 1992. – № 20/ 60501.
- 6.43. За кадры // Правда Востока. – 1930. – 30 мая.
- 6.44. Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования, 1991. – № 10. – С. 3–21; ЛЖС, 1992. – № 3/6972.
- 6.45. Иванов В. Почему Сталин убил Горького? // Вопросы литературы. – 1993. – Вып 1. – С. 91–134; ЛИСС, 1993. – № 30/58876.
- 6.46. Икрамов К. Не положено. О розыске документов о деятельности первого секретаря ЦК КП Уз У. Юсупова // Московские новости. – 1988. – 1 мая.
- 6.47. Ишанходжаева З.Р. К вопросу о влиянии репрессивных акций тоталитарной системы на культурно-духовную жизнь Узбекистана. // Общественные науки в Узбекистане. – 2002. – № 5. – С. 27–30.
- 6.48. К изъятию культурных ценностей // Известия. – 1922. – 22 апреля.
- 6.49. К новым победам культурной революции // Правда Востока. – 1930. – 8 июня.
- 6.50. Культурную революцию подогнать к темпам хозяйственного роста // Правда Востока. – 1930. – 12 июня.
- 6.51. Кабулов Н. Родом из детства // Правда Востока. – 1989. – 13 июля.

- 6.52. Калабухов Ю. Что стояло за убийством Кирова? // Молодая Гвардия. – М., 1992. – № 9. – С.180–201; ЛИСС, 1993. – № 4/6461.
- 6.53. Каримов А. В память жертв репрессии. // Вечерний Ташкент. – 2002. – 2 Сентября.
- 6.54. Каримов Н. Восстановить страницы истории. Об увековечении памяти жертв репрессий // Народное слово. – 2000. – 12 мая.
- 6.55. Клименко О. 10 лет. Воспоминания о годах сталинских репрессий // Грани, 1990. – № 157, С.11–22; – № 158. С.163–199; – № 159, С.157–188; ЛЖС 1992. – № 7/19854-55.
- 6.56. Котляр Э. Клеймо. О репрессиях 30-50-х годов // Дружба народов. – М., 1991. – № 7. – С. 206–213; ЛЖС, 1992. – № 2/3576.
- 6.57. Кривицкий В. Мое бегство от Сталина // Криминал. М., 1991. – № 1. – С. 113–130; ЛЖС, 1992. – № 8/22594.
- 6.58. Кучеренко Л. Черная быль недавней истории // Народное слово. – 2003. – 31 авг.
- 6.59. Кутырева А. Репортажи из ада. Тема сталинских репрессий // Горизонт. М., 1988. – № 11. – С. 86–87.
- 6.60. Ларина А. До и после процесса // Известия. – 1989. – 9 октября.
- 6.61. Ласточки в клетке. О судьбе репрессированных узбекских кинематографистов // Ташкентская Правда. – 1999. – 22 сент.
- 6.62. Левтеева Л.Г. Достойные сыновья родной земли. Документы по делам репрессированных // Вечерний Ташкент. – 1999. – 1 ноября.
- 6.63. Литвинцев А.Я. Вспоминаю. Записки сотрудника НКВД (1937–1938гг.). // Сибирь. М., 1991. – № 4. – С. 58-89; ЛСЖ, 1992. – 314/41054.
- 6.64. Лунин Б. Живые и мертвые // Общественное мнение. Права человека, 1999. – № 3–4. – С. 40–45.
- 6.65. Мавилянц Н. Писатели-жертвы сталинских репрессий // Кадры. – М., 1989. – № 3. – С.117–120.
- 6.66. Маврулов А. Маданият хусусида айрим ошкор фикрлар // Человек и политика. – Ташкент, – 1991 № 3. – С. 69-73.

6.67. Максименко В. Документы и судьбы людские. О репрессированных в самаркандской области // Ленинский путь. – 1990. – 6 апр.

6.68. Малкин В., Федоров В. Как Сталин и Ежов в шахматы играли // Новое время. – 1991. – № 46. – С. 46–47; ЛЖС 3/22596.

6.69. Молчанов И., Бамбуратов Р. Сильные духом. Ко Дню поминовения жертв репрессий в РУз. // Народное Слово, – 2003. – 29 августа.

6.70. Мухаммедов А. Файзулла Ходжаев: драма личности и эпохи // Правда Востока. – 1996. – 21 дек.

6.71. Мухаммадиев Ф. Они верили, что справедливость восторжествует // Народное слово. – 2003. – 30 авг.

6.72. На помощь школе // Известия. – 1922. – 13 февр.

6.73. Народное просвещение // Известия. – 1922. – 9 февр.

6.74. Народное просвещение // Известия. – 1922. – 28 марта.

6.75. Нуруллин Р.А. Как навешивали ярлыки // Правда Востока. – 1989. – 5 июня.

О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов. В центральном Комитете КПСС // Правда Востока. – 1989. – 7 янв.

6.76. Озеров М. Куда исчезла Светлана Аллилуева. Дочь Сталина скрывается от посторонних глаз // Литературная газета. – 1992. – 14 октября.

6.77. Орлов А. Тайная история сталинских преступлений // Книжное обозрение. – 1992. – 5 июня.

6.78. Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? // Из глубины времен. 1992. Вып 1. С. 140–164. ЛИСС, 1993, № 30/58895.

6.79. Очередные задачи нашего культуррегерства на мусульманском Востоке // Красная Заря. – 1923. – 23 авг.

6.80. Память длиннее жизни. О создании Республиканской ассоциации жертв незаконных репрессий // Правда Востока. – 1991. – 14 июня.

- 6.81. Панисламизм и басмачество // Известия. – 1922. – 15 авг.
- 6.82. Письменный С. До конца разоблачить касымовщину // Правда Востока. – 1930. – 27 авг.
- 6.83. Покровский Н. За страницей «Архипелаг ГУЛАГ». О преследованиях сибирских кержаков в годы советской власти // Новый мир. – 1991. – № 9. С. 77–90.
- 6.84. Полак Л.С. Было так ... Воспоминания о пребывании в сталинских лагерях 1937–1946гг. // Вопросы истории, естествознания и техники. 1992. – № 1, С. 104–117, – № 2 С. 135–145.
- 6.85. Пономарев В. Причина нестабильности в Узбекистане. Политические репрессии против мусульман //Россия и мусульманский мир, 2000. – № 12. – С. 60–63.
- 6.86. Правда за 1927–1928 годы.
- 6.87. Правда Востока, 1930, 2 июля.
- 6.88. Правда Востока, 1930, 8 июля.
- 6.89. Работа поезда «Красный Восток» в Туркестане // Известия. – 1920. – 10 июля.
- 6.70. Раджапова Р.Я. Имя, возвращенное истории и народу // Общественные науки в Узбекистане. – 1988. – № 12. – С. 17–30.
- 6.71. Радзиховский Л. Бойня № 00447. О секретном приказе наркома внутренних дел 1937 г. // Столица. – 1992. – № 21. – С. 11–12.
- 6.72. Раззаков Д. Он родился весной. О Файзулле Ходжаеве // Правда Востока. - 2003. - 19 марта.
- 6.73. Рапопорт Я. Воспоминания о «деле врачей» //Дружба народов, 1988. – № 4. –С. 222–245.
- 6.74. Расулова Г. Самородок. О репрессии поэта А. Фитрата // Ташкентская правда. – 2001. – 11 июня.
- 6.75. Рейман М. Перестройка и изучение советской истории // Вопросы истории. - 1989. – № 12. – С.146.
- 6.76. Розенфельд С. Семь километров пути. Записки реабилитированного / Правда Востока. – 1988. – 14 июня.
- 6.77. Роль и задачи военно-политических курсов // Известия. – 12922. – 27 мая.

6.78. Рустамов О. Приговорен к бессмертию. Об ученом-философе и филологе Атаджане Хашимове // Правда Востока. – 1990 - 18 апр.

6.79. Саидов А. Дело Зия Саида / Правда Востока. – 1989, 10 марта.

6.80. Сайкина В. Будет памятник! Будет центр реабилитации! // Комсомолец Узбекистана. – 1989. – 29 декабря.

6.81. Сафаров Р. И до неба мечты и надежды во мне... О поэте Усмани Насыре // Правда Востока. – 1 сентбря.

6.82. Сафаров Р. Моей всей жизни миг. О творчестве Усмана Насыра // Звезда Востока. – 1990. – № 3. – С. 92–96.

6.83. Сафаров Р. Честное служение народу. О жизни Абдуллы Кадыри // Правда Востока. – 1989. – 16 дек.

6.84. Стасов В. Он не солгал ни помыслом, ни словом. Об У. Юсупове. // Сырдарьинская Правда. – 1990. – 28 июля.

6.85. Султанов А. Один из тысяч... Об общественном деятеле Каракалпакистана А.К. Досназарове // Вести Каракалпакистана. – 1996. - 2 июля.

6.86. Табачник Д. Не склонившие голову. Биографические заметки о тех, кто сопротивлялся произволу сталинщины с оружием в руках // Радуга. – Киев, 1991. – № 11. – С. 123–134.

6.87. Теория и практика правых уклонистов в УзССР // Правда Востока. – 1930. – 24 июня.

6.88. Турдыев Ш. Судьба «утренней звезды» Об узбекском поэте Хамиде Сулеймане // Звезда Востока. – 1991. – № 10. – С. 80–85.

6.89. Тухватуллина Э. Я вернусь... О корейском писателе Чо Мен Хи, репрессированном в 30-е годы. // Правда Востока. – 1989. – 10 дек.

6.90. Тюркский язык-государственный язык // Известия. – 1922. – 12 февраля.

6.91. Устименко И. Палачи и жертвы. Воспоминания о репрессиях 1937 года. / Народное Слово. – 1992. 15, 16, 17 апр.

- 6.92. Устименко И. Тогда на Соловках... Воспоминания заслуженного журналиста УзССР / Правда Востока, 1989, 8 января.
- 6.93. Устименко И. Сурового века сын? Путь на Голгофу // Правда Востока. – 1990, – 10 января.
- 6.94. Файнберг М., Ключкин Ю. По вновь открывшимся обстоятельствам. О трагической судьбе С.Я.Эфрона // Горизонт. - 1992. – № 1. – С. 49–64.
- 6.95. Хасанов Б. Репрессии против интеллигенции Узбекистана в 20–30-е годы и их последствия // Узбекистон тарихи. – 2000. – № 12. – С. 101–109.
- 6.96. Хасанов М., Германов В. Полгода в архиве КГБ. Исследование документов о партийных деятелях Узбекской ССР // Народное слово. – 1991. – 14 февр.
- 6.97. Хейнман С.А. Дорога в небытие // Экономика и организационная программа производства. – 1991. – № 2, – № 9. – С. 151–159.
- 6.98. Хореев Б. Наука против лжи. Правда о сталинских репрессиях // Народное слово. - 1992. – № 38, окт.
- 6.99. Хруцкий Э. «Железная маска» времен оттепели. Об обстоятельствах тюремного заключения В.И. Сталина // Криминал. – 1993. – № 5. – С. 281–287.
- 6.100. Цаплин В.В. Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х годов // Вопросы истории, 1991. – № 4/5. – С. 157–163.
- 6.101. Чернев А. Личные дела трех маршалов. К. Рокоссовского, И. Конева, Г. Жукова // Известия. – 1992. – 9 мая.
- 6.102. Чичкин А. В марте 1953-го. Загадка смерти Сталина // Молодая гвардия. – 1992. – № 10. – С. 167–177.
- 6.103. Школьное образование // Известия. – 1992. – 18 июля.
- 6.104. Штейнберг В. Дело «Мисс Мей». О судьбе М.Я. Петерс // Родина. – 1992. – № 10. – С. 85–91.
- 6.105. Штутман С. Дом у Покровских ворот. О трагических судьбах жильцов одного из домов, в годы сталинских репрессий // На боевом посту, 1993. – № 1–4. – С. 38–41.

6.106. Эргашев Б. Наследники братьев Саиджановых // Правда Востока, 1993. – 27 апреля.

6.107. Юнусова Л. Адрес Президиума – квартира. Об ассоциации жертв незаконных политических репрессий // Молодежь Узбекистана. – 1991. – 3 сентября.

6.108. Юрасов Д. Хроника необъявленных убийств. О механизме сталинского террора // Россияне, 1992. – № 3. – С. 131–136.

6.109. Яковенко Д. Осужден по 58-й. Воспоминания о лагерях ГУЛАГа. // Звезда Востока. - 1989. – № 4. – С. 64–85.

6.110. Яковлева К. Жизнь в кругу истории. Об основателе национальной школы историков Узбекистана П.М. Салиеве // Правда Востока. – 2003. - 4 февраля.

6.111. Яроцкий А. Золотая Колыма. Воспоминания. О массовых репрессиях в период сталинщины // Горизонт. – 1989. – № 1–2. – С. 2–12.

6.112. Яцков А. Сахарова лучше не трогать // Правда. – 1992. – 9 июня.

6.113. Яшен К., Шамсутдинов Р. Бескомпромиссный путь борца. О партийном деятеле У. Ишанходжаеве // Правда Востока. – 1990. – 29 августа.

7. Изученные журналы и газеты.

7.1. «Правда» за 1918–1935 годы.

7.2. «Правда Востока» за 1928–1950 годы.

7.2. «Правда Востока», 1930, 2 июля.

7.3. «Правда Востока», 1930, 8 июля.

7.4. «Красная Заря» за 1920–1925 годы.

7.6. «Северная коммуна», 1928 г.

7.7. «Известия» за 1920–1950 годы.

7.8. «Кизил Узбекистон» за 1920–1950 годы

7.9. «Красный террор», 1918г.

7.10. «Красная Бухара», 1920 г.

8. Материалы (ресурсы) Интернета

8.1. http://www.ca-c.org/iournal/07-1997/st_21_gumaev.shtm
Джумаев А. Абдурауф Фитрат и его современники на «музыкальном фронте Узбекистана (20–30-е годы)».

8.2. <http://www.gutov.ru/lifshitz/mesotes/luna-pozitiv.ht..> Мих. Лифшиц «Позитивная эстетика А.В.Луначарского».

8.3. Репрессированное востоковедение. Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20–50-е годы.

8.4. Список выдающихся художников и скульпторов, связанных с Ташкентом. Материал из Википедии — свободной энциклопедии. Основная статья: Список известных личностей, связанных с Ташкентом.

Содержание

Введение.....	3
 Глава 1	
Идеологические основы культурной политики большевиков и особенности её проявления в условиях сталинского репрессивного режима	7
1.1. Репрессивная модель большевистской «культурной революции» и ее насильственное внедрение в Туркестане	7
1.2. Усиление идеологии сталинского репрессивного режима и ее проявление в Узбекистане	34
 Глава 2.	
Репрессии советской власти в системе образования в Узбекистане в 1924–1953 гг	56
2.1. Политические процессы в сфере народного образования	56
2.2. Культурно-просветительские учреждения и их роль в коммунистической идеологизации общества.....	89
 Глава 3.	
Воздействие сталинской репрессивной политики на науку в Узбекистане	129
3.1. Влияние идеологических процессов на науку в 20–30-х гг. XX в.....	129
3.2. Новая волна репрессий в начале 50-х гг.	163
 Глава 4.	
Идеологизация литературы и искусства и репрессии в этой сфере в Узбекистане в 1925–1953 гг.... ..	179
4.1. Процессы деформации литературы и искусства.....	179
4.2. Политические преследования в области литературы и искусства.....	231
Заключение	248
Использованная литература	256

Ишанходжаева Замира Райимовна

**РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
И КУЛЬТУРА УЗБЕКИСТАНА: ТРАГЕДИЯ ВЫЖИВАНИЯ
(1925-1953 гг.)**

Редактор Б. Акрамов

Дизайнер Ш. Адилов

Технический редактор Х. Сафаралиев

Верстальщик Б. Гулбоев

Подписано к печати с оригинал макета 12.09.2011г.

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Объём 18 п.л. Тираж 500 шт.

Кегель 11,5. Гарнитура «Times». Заказ № 50.

Цена договорная.

Издательство «ТАФАККУР».

г. Ташкент, улица Чиланзар 1.

Email: tafakkurmaktub@mail.ru

Отпечатано в типографии издательства «ТАФАККУР»

г. Ташкент, улица Чиланзар 1.

Телефон: + (998 71) 271-23-42

ЎЗБЕКСКАЯ ССР

С. П. И. С. О. К

ЛИЦ ПОДЛЕЖАЩИХ СУДУ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

от "25" марта 1938 года

СИТДЫКОВ Санжар
СОРОКИН Касым Ибрагимович
СУЛЕЙМАНОВ Абулхалил
СУЛТАНМУРАДОВА Мария
ТАДЖИЕВ Абулхай
ТУРСУНХОДЖАЕВ Мухетдин
ТУРСУНХОДЖАЕВ Сагдулла
ФИТРАТ Рауф Рахимович
ХАДИЕВ Гулям
ХАШИМОВ Атаджан Хашимович
ХОДЖАЕВ Бахшудда Джураевич
ХУДАЙБАХИТОВ Анкобай
ЦЕХЕР Арон Абрамович
ЮНУСОВ Газн Газим
ЮСУПОВ Абулкасы
ЮНУСОВ Эльбек Маширик
ЯРОЦКИЙ Василий Яковлевич

АХУНОВ Халмухамед
АШРАФИ-РАХИМОВА Гулям
АШРАФИ Хайдар
АЮПОВ Агзам
БЕРЕГИН Курбан Атаберганович
ГИМАДИЕВ Зия Гимадиевич
ДАМИНОВ Латыф
ДИВАНОВ Худайберган
ЗЕЛЬКИНА Евгения Львовна
ИНОГАМОВ Рахим
ИШАН-ХОДЖАЕВ Усман-хан
КАДЫРИ Абулла
КАРИЕВ Басит
МАНЖАРА Дмитрий Иванович
МУМИН Туляган
РАМАЗАНОВ Кайком
РАМЗИ Маннон Абдуллаевич
РАСУЛОВ Абдуллаевич

ISBN 978-9943-372-23-8

9 789943 372238